ИСТОРИЧЕСКІЕ МЕМУАРЫ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ И ЕГО ДВОРѢ

графини Шуазель-Гуффье, урожденной графини Фитценгаузъ, бывшей фрейлины при Россійскомъ дворѣ.

Изд. 1829 года.

Переводъ З. Мировичъ.

Вступительная статья А. А. Кизеветтера.

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА
1912

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Воспоминанія графини Шуазель-Гуффье всецѣло посвящены императору Александру I. Въ нихъ легко различить два элемента: 1, разсказы о встрѣчахъ графини съ императоромъ Александромъ, записи его бесѣдъ, описанія его обращенія съ окружающими и 2, велерѣчивыя восхваленія императора, на которыя не скупится графиня, безгранично обожавшая Александра.

Разсказы о встрѣчахъ графини съ Александромъ представляютъ несомнѣнный историческій интересъ. Именно этими разсказами къ настоящимъ мемуарамъ было привлечено вниманіе всѣхъ, кто занимался изученіемъ исторіи Александра I. Здѣсь развертываются передъ нами тѣ черты характера Александра, благодаря которымъ Сперанскій назвалъ этого государя „сущимъ прельстителемъ“. Передъ нами—Александръ въ кругу блестящихъ великосвѣтскихъ дамъ. Онъ ведетъ съ ними непринужденные разговоры, въ которыхъ кокетливыя шутки постоянно пересыпаются утонченными любезностями. Съ необычайнымъ искусствомъ умѣетъ онъ при этомъ придать своимъ рѣчамъ и всей манерѣ держаться оттѣнокъ искренняго простосердечія, оставляя въ своихъ собесѣдникахъ и собесѣдницахъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ безотчетно отдается безпечному отдыху отъ серьезныхъ дѣлъ въ кругу людей, ему

симпатичныхъ; а между тѣмъ, вчитайтесь повнимательнѣе въ его бесѣды съ дамами, переданныя графиней Шуазель-Гуффье, и вы замѣтите любопытную черту: среди самой непринужденной на видъ бесѣды Александръ ни на минуту не забываетъ, что передъ нимъ—представительницы польскаго общества, которое онъ хочетъ въ возможно большей мѣрѣ привязать къ себѣ узами личнаго довѣрія и симпатіи. И за легкими формами его любезныхъ шутокъ и неожиданныхъ признаній прозорливый читатель разглядитъ искусные, тщательно взвѣшенные ходы салонной дипломатіи. Тайна его успѣховъ на этомъ поприщѣ заключалась всего болѣе въ поразительномъ умѣньѣ, когда это было ему нужно, сочетать царственную величественность съ граціознымъ проявленіемъ интимной короткости по отношенію къ тѣмъ, кого онъ хотѣлъ обворожить и плѣнить своею личностью. Эта черта Александра особенно выпукло выступаетъ въ разсказахъ графини Шуазель-Гуффье, и съ этой стороны ея мемуары очень любопытны для изученія личности императора Александра Павловича.

Разумѣется, тѣ восторженные панегирики по адресу императора, которыми графиня неизмѣнно сопровождаетъ разсказы о своихъ встрѣчахъ съ нимъ, не имѣютъ цѣны историческаго свидѣтельства для характеристики Александра. Но и эти панегирики интересны для историка: они живо рисуютъ намъ ту атмосферу обожанія, которую Александръ умѣлъ создавать около себя, искусно играя на людскихъ сердцахъ. „Александръ—прелъститель“—такъ можно было бы озаглавить мемуары Шуазель-Гуффье. Эта сторона личности Александра играла огромную роль въ его жизни и въ исторіи его правленія, и вотъ почему мемуары графини, отразившіе на себѣ эту черту, заслуживаютъ вниманія тѣхъ, кто интересуется эпохой Александра I. Нужно только при чтеніи этихъ мемуаровъ постоянно отличать сообщаемые въ мемуарахъ *факты* и высказываемыя

авторомъ собственныя о нихъ *сужденія*. Факты обрисовываютъ Александра. Сужденія автора мемуаровъ обрисовываютъ ту среду, къ которой авторъ принадлежалъ, и то впечатлѣніе, которое умѣлъ производить на эту среду Александръ, очень далекій по дѣйствительнымъ своимъ свойствамъ отъ начертаннаго графиней образа небеснаго ангела въ русской коронѣ.

Графиня Шуазель-Гуффье писала мемуары нѣсколько приподнятымъ, изысканно велерѣчивымъ слогомъ. Мы думаемъ, что переводчица поступила правильно, сохранивъ и въ русскомъ текстѣ этотъ оттѣнокъ слога графини.

Настоящій переводъ сдѣланъ съ очень рѣдкаго перваго французскаго изданія мемуаровъ, вышедшаго въ 1829 году. Второе изданіе, появившееся въ 1862 г., не воспроизводитъ во всей точности первоначальнаго текста.

А. Кизеветтеръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Всего прошло три года со времени того событія, которое погрузило Россію въ печаль и трауръ; и уже появились двѣ исторіи императора Александра. Не оспаривая достоинство этихъ двухъ сочиненій, я позволю себѣ замѣтить, что почти исключительно посвященныя описанію политическихъ событій и памятной борьбы между двумя величайшими державами Европы исторіи эти мало освѣщаютъ личность монарха, который сыгралъ въ этихъ событіяхъ столь важную роль; онѣ даютъ лишь поверхностную характеристику Александра, державнаго противника великаго человѣка, *) который лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ проявилъ больше величія, чѣмъ его добродѣтельный соперникъ.

Въ первомъ порывѣ естественной скорби, внушенной мнѣ смертью моего государя,—монарха, котораго я имѣла счастье знать, восхищаясь его благороднымъ, трогательнымъ характе-

---

*) Тотъ, кто извлекъ Францію изъ пропасти революцій, кто, въ теченіе нѣкотораго времени, сумѣлъ даже внушить Александру чувство восхищенія передъ своими дарованіями,—тотъ, само собой, не былъ человѣкомъ обыкновеннымъ. И, притомъ, Наполеонъ доказалъ, какъ мало значитъ человѣческое величіе!

ромъ,—я пыталась описать добродѣтели того, чью смерть я оплакивала. Но,—потому ли, что недавнее, сильное горе слишкомъ воспламеняло мое воображеніе, или же потому, что я слишкомъ увлекалась величіемъ моего героя,—я вскорѣ замѣтила, что тонъ, принятый мною въ этомъ сочиненіи, не соотвѣтствуетъ моимъ слабымъ способностямъ и не приличествуетъ исторіи. Бросивъ тогда эту неудачную попытку, я горячо желала, чтобы знаменитый писатель, который одинъ достоинъ быть истолкователемъ религіи и гласомъ государей, взялся за предметъ столь его достойный! По нѣкоторымъ гармоническимъ отрывкамъ, которые успѣли уже появиться, я надѣялась, что пламенное желаніе мое исполнится; но голосъ умолкъ, и желаніе мое смѣнилось сожалѣніемъ. Тѣмъ не менѣе, раздумывая,—въ тишинѣ ли уединенія, или среди шума городовъ и двора,—о прекрасной жизни Александра, я почувствовала, сколь мало я цѣнила выдающіяся добродѣтели этого государя, думая, что одинъ лишь великій талантъ могъ отдать имъ дань уваженія и повѣдать о нихъ потомству. Факты говорятъ сами за себя, и тѣ, которые связаны со славнымъ именемъ этого государя, имѣютъ такую притягательную силу, что для правдиваго ихъ изображенія достаточно выразить чувство благодарнаго сердца. Итакъ, я смѣю надѣяться, что чувствительныя души, не поддающіяся роковому вліянію охлаждающаго времени, съ интересомъ найдутъ здѣсь очертаніе благородныхъ и великодушныхъ качествъ государя, заслужившаго любовь и благодарность не только своихъ подданныхъ, но и всей Европы.

ГЛАВА I.

Первые годы жизни Александра I. Дворцовый заговоръ. Смерть Павла I.

Александръ I родился въ 1777 году. Съ годами природныя хорошія качества великаго князя все болѣе развивались; казалось, все гармонично сочеталось въ юношѣ, которому впослѣдствіи суждено было занять одинъ изъ первыхъ престоловъ въ Европѣ и столь блестящее мѣсто въ исторіи. Выдающаяся внѣшняя красота какъ бы отпечатлѣвала на себѣ равную ей красоту его души. Свойственная его характеру неизмѣнная кротость съ дѣтства привлекла къ нему всеобщую любовь и сосредоточила на немъ лучшія надежды могущественной Россійской имперіи. Говорятъ, императрица Екатерина такъ полюбила своего внука, что предполагала удалить отъ престола собственнаго сына, несчастнаго Павла Петровича, и назначить Александра своимъ преемникомъ. Въ то время не было основного закона, регулирующаго наслѣдственность Россійскаго престола: порядокъ перворожденности былъ установленъ лишь въ слѣдующее царствованіе. Притомъ, не было препятствія для генія Екатерины, привыкшей все подчинять своей власти. Она пожелала лично руководить воспитаніемъ своего внука. Между тѣмъ, при рѣдкихъ качествахъ, которыми былъ одаренъ Александръ, можно было желать лишь одного: чтобы августѣйшая мать великаго князя,

по собственному желанію, могла бы сама слѣдить за первыми впечатлѣніями своего сына среди этого двора, изящнаго, но безнравственнаго,—и руководить имъ съ свойственными ей бдительной мудростью и проницательной твердостью. Какую власть пріобрѣли бы надъ сердцемъ такого сына мудрыя наставленія столь добродѣтельной матери, проникнутой любовью къ добру, посвятившей всю свою жизнь счастью человѣчества! Тѣмъ не менѣе, избранный Екатериной въ воспитатели юнаго великаго князь полковникъ Лагарпъ могъ успокоить заботливую мать и удовлетворить желанія русскаго общества. Мудрый воспитатель нашелъ во ввѣренномъ ему августѣйшемъ ученикѣ самые счастливые природные задатки. Чтобы докончить дѣло природы и выполнить ввѣренную ему важную задачу, ему предстояло лишь развивать, поддерживать и направлять эти прекрасные задатки. Одаренный нѣжной и чувствительной душой, Александръ беззавѣтно привязался къ почтенному и проницательному воспитателю, посвятившему ему свое время и силы; онъ всегда относился къ нему, какъ къ надежному и вѣрному другу.

Александръ любилъ учиться; у него была изумительная память, воспріимчивый умъ, глубокій и тонкій. Съ ранней молодости онъ проявилъ склонность къ военнымъ наукамъ; прилежно занимался тѣмъ, что ему угодно было называть своей службой, въ точности соблюдая дисциплину и самое строгое повиновеніе. Въ немъ была въ высшей степени развита любовь къ порядку и къ работѣ. Но особенно было въ немъ восхитительно всегда ровное настроеніе духа,—качество столь рѣдкое и драгоцѣнное въ монархѣ и проистекавшее изъ природной его доброты. Ничто не могло нарушить привѣтливую благожелательность, отражавшуюся какъ въ чертахъ лица, такъ и въ его дѣйствіяхъ. Александръ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, и особенно на французскомъ языкѣ—весьма

свободно, изящно и краснорѣчиво. Пріемы его обращенія были очень привлекательны; въ первой молодости въ нихъ проглядывала нѣкоторая застѣнчивость. Никто въ такой степени не обладалъ даромъ нравиться и побѣждать всѣ сердца; никто, я увѣрена, не могъ видѣть и слышать Александра, не сказавъ себѣ, разставаясь съ нимъ: „Какое было бы счастье имѣть его другомъ!“

Едва Александръ вышелъ изъ отрочества, какъ императрица Екатерина, опасаясь для него бурныхъ увлеченій молодости, постаралась наложить узду на его страсти, съ юности связавъ его священными узами: неосторожность, послѣдствія которой повліяли болѣе, чѣмъ думаютъ, на будущность и семейное счастье великаго князя и его августѣйшей супруги. Согласно установленному въ Россіи обычаю, вызванныя ко двору три юныя германскія принцессы предстали передъ очами Екатерины, которой предстояло избрать среди нихъ супругу для внука. Выборъ этотъ опредѣлился, какъ говорятъ, довольно своеобразно; и простой случай помогъ Екатеринѣ въ такой же степени, какъ если бъ она, послѣ долгихъ наблюденій, подчинилась своему просвѣщенному сужденію. Изъ окна императорскаго дворца царица увидѣла подъѣзжавшихъ юныхъ принцессъ. Всѣ три были весьма привлекательны. Екатерина замѣтила, что принцесса, первой вышедшая изъ кареты, проявила, выходя изъ нея, слишкомъ много поспѣшности; живость эта, на ея взглядъ, не предвѣщала ничего хорошаго. Появившаяся за ней слѣдующая принцесса запуталась въ шлейфѣ своего платья. „Какая медленность и неловкость!“ сказала императрица. Наконецъ, послѣдняя сошла съ полнымъ самообладаніемъ. „Вотъ кто будетъ великой княгиней!“ воскликнула Екатерина.

Это была Елизавета Баденская. Внѣшность ея утвердила императрицу въ ея выборѣ, и привела въ восторгъ юнаго ве-

ликаго князя, сердце котораго не могло сдѣлать лучшаго выбора. Дѣйствительно, Елизавета соединяла въ себѣ всѣ чары. Ослѣпительный цвѣтъ лица, свѣжій, какъ розы, бѣлокуро-пепельные волосы, спускавшіеся на плечи алебастроваго цвѣта, талія сильфиды, черты лица, одушевленныя умомъ и чувствомъ, большіе голубые глаза, — все въ ней привлекало и очаровывало взоры.

Страстно влюбленный въ свою прекрасную, юную подругу Александръ нашелъ въ ея пріятной бесѣдѣ, въ ея просвѣщенномъ умѣ, въ нѣжности, которую она питала къ нему,—все, что могло облегчить ему тяжелое существованіе, наставшее для него со смертью императрицы Екатерины и восшествія на престолъ его отца.

Долгія нравственныя страданія исказили и ожесточили характеръ несчастнаго Павла I, отъ природы одареннаго умомъ живымъ и проницательнымъ, сердцемъ чувствительнымъ и великодушнымъ. Несчастная склонность къ подозрительности, чрезвычайная его раздражительность, долго сдерживаемая пассивнымъ подчиненіемъ,—вышли изъ всѣхъ границъ при достиженіи Павломъ высшей власти. Со временемъ эти отрицательныя свойства лишь усилились; и въ тѣ минуты, когда, благодаря имъ, можно было опасаться всего, и когда собственная семья государя искала самозащиты,—въ эти минуты одинъ великій князь Александръ, умѣвшій противопоставить почтительную твердость часто прихотливымъ требованіямъ императора,—могъ порою успокаивать его умъ, пораженный неисцѣлимой болѣзнью. Снѣдаемый пламеннымъ и подозрительнымъ воображеніемъ, вѣчно представлявшимъ ему опасности и тайныхъ враговъ, несчастный монархъ самъ былъ злѣйшимъ своимъ врагомъ; въ концѣ концовъ, онъ самъ сталъ жертвой своихъ мрачныхъ опасеній.

Ссылки приняли ужасающіе размѣры. Терроръ царилъ по-

всемѣстно,—при дворѣ, въ столицѣ, въ арміи и даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ государства. При самомъ осторожномъ поведеніи никто не могъ считать себя въ безопасности отъ доноса; никто не могъ разсчитывать на слѣдующій день. Прибытіе императорскаго курьера въ отдаленную мѣстность всѣхъ повергало въ ужасъ; каждый съ содраганіемъ спрашивалъ себя: „Не обо мнѣ ли роковой приказъ?"—и каждый уже видѣлъ мысленно кибитку, которая унесетъ его въ сибирскія пустыни. *) Невольное упущеніе въ строгомъ этикетѣ или въ предписанной императоромъ формѣ, самая незначительная небрежность въ военной службѣ,—этого было достаточно, чтобы навлечь на себя кару ссылки, и Сибирь населялась людьми съ громкими именами. Среди находившихся въ то время въ Петербургѣ знатныхъ иностранцевъ графъ Шуазель-Гуффье, бывшій ранѣе посланникомъ въ Константинополѣ, осыпанный милостями императора Павла, не знавшаго предѣловъ своей щедрости,—внезапно получилъ приказъ удалиться въ дарованныя ему государемъ литовскія помѣстья и въ двадцать четыре часа покинуть Петербургъ. Не постигая вызвавшихъ его опалу причинъ, графъ Шуазель послалъ своего сына попросить паспортъ у графа Палена, въ то время петербургскаго губернатора. Паленъ былъ на парадѣ; онъ вскорѣ возвратился. Увидѣвъ графа Шуазеля, онъ оттолкнулъ лакея, подошедшаго, чтобы взять его шляпу и портупею, и взволнованный воскликнулъ: *„Дорогой графъ, я въ отчаяніи отъ того, что съ вами случилось; это не-*

*) Отецъ мой, графъ Фитценгаузъ, въ то время уже съ годъ какъ изгнанный въ Казань, однажды обѣдалъ въ многочисленномъ обществѣ у мѣстнаго губернатора, когда, во время трапезы, внезапно доложили о прибытіи фельдъегеря. Всѣ гости поблѣднѣли; губернаторъ дрожащими руками раскрылъ адресованный на его имя пакетъ, въ которомъ, къ общему успокоенію, заключался орденъ для одного изъ стоявшихъ въ Казани генераловъ.

выносимо, такой порядокъ вещей не можетъ продержаться, пора съ этимъ покончить". Несмотря на свою крайнюю молодость, графъ Шуазель былъ пораженъ такой неосторожной рѣчью и, больше всего, тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ были произнесены эти замѣчательныя слова. Восемнадцать мѣсяцевъ спустя Павла уже не было въ живыхъ! Быть можетъ, при этомъ будетъ умѣстно познакомить читателя съ тѣмъ глубоко скрытнымъ человѣкомъ, который сыгралъ въ этомъ заговорѣ роль настолько важную, что съ достаточнымъ основаніемъ можно считать его *единственнымъ* его виновникомъ. Курляндскій дворянинъ Паленъ въ ранней молодости вступилъ на русскую службу и въ царствованіе Екатерины II достигъ чина генералъ-майора. Благодаря протекціи фаворита Зубова, онъ получилъ мѣсто гражданскаго губернатора въ Ригѣ. Вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ императоръ Павелъ былъ проѣздомъ въ Ригѣ, остался доволенъ Паленомъ и перевелъ его въ Петербургъ. Съ поспѣшностью, характеризовавшей всѣ его шаги, Павелъ наградилъ новаго своего любимца цѣлымъ рядомъ должностей, помѣстій и милостей; назначилъ его шефомъ гвардіи, губернаторомъ Петербурга; пожаловалъ ему высшіе ордена имперіи и подарилъ значительныя помѣстья въ Курляндіи, его отчизнѣ. Паленъ устоялъ противъ всѣхъ этихъ милостей. Онъ сохранилъ тайныя сношенія съ Зубовыми, своими прежними покровителями, и, сообща съ ними, замыслилъ погубить щедраго государя, такъ возвысившаго его въ государственной службѣ. Причину такой черной неблагодарности слѣдуетъ искать въ безнравственномъ характерѣ Палена: большой любитель жизненныхъ усладъ, притомъ—плохой офицеръ, онъ изнемогалъ подъ тягостью военной службы, которой обременялъ его императоръ, а также подробныхъ рапортовъ, которые онъ ежедневно долженъ былъ представлять ему о частной жизни, дѣйствіяхъ и разговорахъ петербургскихъ жителей.

Столь же осторожный, какъ и вѣроломный, Паленъ стремился возможно меньше подвергаться риску въ заговорѣ и выступать лишь съ величайшей осмотрительностью; поэтому онъ привлекъ къ своему предпріятію друзей, которые могли обезпечить успѣхъ его замысла. Платонъ Зубовъ, отъявленный врагъ Павла I, которому государь этотъ имѣлъ неосторожность оставить несмѣтныя богатства, пріобрѣтенныя въ предшествовавшее царствованіе,—представился Палену наилучшимъ орудіемъ для заговора, который открывалъ ему возможность удовлетворить чувства личной ненависти. Притомъ Зубовъ, долго остававшійся въ милости, сохранилъ много связей; а братъ его, Валерьянъ, всегда былъ окруженъ людьми безъ принциповъ и нравственности, способными содѣйствовать всякаго рода преступленіямъ и покушеніямъ.

Паленъ, почти увѣренный въ готовности Зубова оказать ему содѣйствіе, сообщилъ ему о своемъ желаніи вступить съ нимъ въ переговоры; а для того, чтобы императоръ дозволилъ ему вернуться изъ его помѣстій, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи, онъ посовѣтовалъ ему выразить мнимое желаніе вступить въ бракъ съ дочерью Кутайсова, другого любимца Павла, который этого ничтожнаго турецкаго раба, своего цырюльника, внезапно сдѣлалъ однимъ изъ главныхъ сановниковъ имперіи, возвелъ его въ графское достоинство и осыпалъ милостями. Кутайсовъ вскорѣ получилъ письмо отъ Зубова, просившаго руки его дочери.

Внѣ себя отъ радости, онъ тотчасъ отправился съ этимъ письмомъ къ императору, бросился къ его ногамъ и сталъ молить не ставить препятствія счастью его дочери,—не отказать Зубову въ разрѣшеніи вернуться въ Петербургъ. Павелъ охотно согласился исполнить желаніе своего любимца и замѣтилъ, что просьба Зубова была единственной его разумной мыслью во всю его жизнь. Тогда Зубовъ окончательно договорился съ Паленомъ. Послѣдній безъ труда привлекъ на

свою сторону часть гвардіи, ибо, къ несчастью, Павелъ обременялъ утомительной службой, рѣзкими выговорами и строгими наказаніями этотъ полкъ, давно уже привыкшій къ тому, что въ Россіи дворцовые перевороты совершаются безъ пролитія крови.

Истинный планъ заговора, по увѣренію заговорщиковъ, не простирался до лишенія императора жизни; предполагалось, по ихъ словамъ, заставить его подписать актъ отреченія, по которому онъ соглашался бы передать корону наслѣднику престола, великому князю Александру, предоставивъ себѣ право избрать свое мѣстопребываніе въ окрестностяхъ Петербурга, или въ какой-либо провинціи имперіи, или заграницей,—въ той странѣ, гдѣ онъ пожелалъ бы поселиться.

Паленъ съ другими заговорщиками ясно сознавалъ, что невозможно было лишить обширное государство его главы, не заручившись для него преемникомъ. Съ другой стороны, зная благородный характеръ Александра, они не надѣялись, чтобы онъ согласился принять регентство; между тѣмъ, необходимо было придти на помощь націи, которую Павелъ не уважалъ въ достаточной степени и къ которой, благодаря своему пылкому воображенію, онъ относился съ чрезвычайной строгостью. Паленъ понялъ, что единственное средство достигнуть цѣли состояло въ томъ, чтобы посѣять разногласіе среди императорской семьи,—между отцомъ и дѣтьми, между супругомъ и супругой, и, въ концѣ концовъ, привести подозрительнаго императора къ роковой мѣрѣ,—къ несправедливымъ, жестокимъ преслѣдованіямъ собственной семьи.

Между тѣмъ, одинъ изъ заговорщиковъ, мучимый угрызеніями совѣсти, быть можетъ, страшась послѣдствій столь преступнаго предпріятія, не желая выдать своихъ сообщниковъ, анонимнымъ письмомъ *) предупредилъ императора о

*) Другіе утверждаютъ, что Паленъ распорядился самъ, чтобъ Павлу передано было это тайное извѣщеніе.

заговорѣ. Встревоженный Павелъ тотчасъ призываетъ Палена. Послѣдній, заранѣе обдумавъ свои коварные отвѣты, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ предстаетъ передъ своимъ повелителемъ; безъ малѣйшаго волненія выслушиваетъ всѣ внушенныя недовѣріемъ, тревогой и гнѣвомъ рѣчи Павла, которыя могли бы заставить одуматься другого, менѣе закоренѣлаго преступника. При словахъ императора: „Противъ меня составляется заговоръ, и вы, петербургскій губернаторъ,—вы этого не знаете?“ Паленъ отвѣчаетъ: „Простите, ваше величество, я не только о немъ знаю, но самъ къ нему принадлежу.“ При этихъ изумительныхъ словахъ на лицѣ императора одновременно отразились мучительная тревога, сомнѣніе и удивленіе.

„Да, ваше величество,“ продолжалъ Паленъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ, „всѣ нити заговора извѣстны мнѣ; я принадлежу къ числу заговорщиковъ, но для того лишь, чтобы услужить вамъ и спасти вашу жизнь. Ни одинъ изъ преступниковъ не ускользнетъ отъ моей бдительности и отъ правосудія вашего императорскаго величества. Безумцы, замышляя погубить васъ, сами идутъ къ собственной погибели.“—„Кто же они?“ воскликнулъ Павелъ, волненіе котораго возрастало съ каждымъ словомъ его вѣроломнаго наперсника. „Ваше величество, осторожность мѣшаетъ мнѣ назвать ихъ; но послѣ всего, что я имѣлъ честь раскрыть передъ вашимъ величествомъ, я смѣю надѣяться, что мнѣ будетъ оказано полное довѣріе и предоставлено слѣдить за вашей безопасностью.“ Эта туманная фраза могла лишь еще болѣе возбудить пламенное любопытство императора; умъ его, введенный въ заблужденіе недовѣріемъ, осмѣлился возвести гнусное подозрѣніе по отношенію къ добродѣтельнѣйшей супругѣ и почтительнымъ, покорнымъ сынамъ. „Кто они?“ съ ужасающей настойчивостью повторилъ Павелъ: „кто они? я хочу ихъ знать.“—

„Ваше величество,“ опустивъ голову, отвѣчалъ Паленъ, „чувство уваженія мѣшаетъ мнѣ назвать августѣйшія имена...“ „Понимаю,“ взволнованно сказалъ императоръ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ: „я предчувствовалъ... императрица?“ продолжалъ онъ, устремляя пронзительный взглядъ на Палена. Паленъ молчалъ. „Великіе князья Александръ и Константинъ?“ Паленъ отвѣчаетъ лишь безмолвіемъ. Императоръ тогда умолкаетъ, и съ его стороны молчаніе это несомнѣнно предвѣщало грозу.

Приказъ арестовать наслѣдника престола и его августѣйшаго брата,—таково было первоначальное рѣшеніе разгнѣваннаго отца, считавшаго себя гнусно преданнымъ самыми близкими ему лицами. „Что же касается императрицы Маріи,“ грозно прибавилъ императоръ, „я самъ приму мѣры относительно ея.“ Предполагалось великихъ князей заключить въ крѣпость, а императрицу—въ монастырь.

Добровольно лишаясь, такимъ образомъ, самыхъ вѣрныхъ опоръ своего престола и своей жизни, несчастный государь слѣпо довѣрялся предателю, отъ котораго теперь зависѣла его судьба. „Добрый, вѣрный Паленъ,“ сказалъ онъ, глубоко вздыхая, „я довѣряюсь тебѣ, охраняй твоего государя, который тебя о томъ проситъ.“ Произнося эти слова, онъ раскрылъ свои объятія, и Паленъ преступно дерзнулъ принять этотъ знакъ привязанности со стороны несчастнаго государя, дни котораго уже были сочтены въ глубинѣ его сердца. Выходя отъ императора, Паленъ поспѣшилъ къ заговорщикамъ и, собравъ ихъ, сказалъ наименѣе смѣлымъ изъ толпы, съ цѣлью пробудить ихъ дремлющую злобу. „Тайна раскрыта. Списокъ заговорщиковъ ему еще неизвѣстенъ; но кто намъ поручится, что другой предатель не раскроетъ ему весь нашъ замыселъ? Если жизнь дорога вамъ, повѣрьте мнѣ,—поспѣшимъ исполнить его; поспѣшимъ освободить имперію.“ Предатель, о ко-

торомъ говорилъ Паленъ, былъ не кто иной, какъ онъ самъ. Этотъ коварный человѣкъ составилъ двоякій планъ: сообразно обстоятельствамъ, предать или государя своего, или своихъ сообщниковъ. Если бъ случилось что-либо непредвидѣнное, и если бъ въ рѣшительную минуту судьба оказалась неблагопріятной для заговорщиковъ, Паленъ намѣревался арестовать виновниковъ и сказать императору: „Ваше величество, вы спасены, и задача моя исполнена.“

Условившись относительно необходимыхъ мѣръ предосторожности, заговорщики назначили ближайшій срокъ для совершенія своего преступленія. Разставшись съ ними, Паленъ, имѣя въ рукахъ переданный ему государемъ роковой приказъ, отправился во дворецъ великаго князя Александра. Немедленно принятый наслѣдникомъ, онъ почтительно преклонился предъ нимъ, и, изобразивъ на лицѣ своемъ крайнюю скорбь, онъ извѣстилъ великаго князя о высочайшей волѣ императора. „Какъ!“ воскликнулъ изумленный Александръ,—„его императорское величество, отецъ мой, хочетъ лишить меня свободы! Какое же преступленіе совершилъ я, чтобы навлечь на себя такую строгую кару?“—„Вашему императорскому высочеству извѣстно,“ сказалъ Паленъ, вторично преклоняясь, „что, къ несчастью, карамъ подвергаются здѣсь иногда тѣ, кто не совершилъ ничего дурного.“ При этихъ словахъ великій князь бросилъ на Палена строгій взглядъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Александръ сказалъ: „Императоръ воленъ въ моей судьбѣ; я подчиняюсь, покажите мнѣ приказъ.“ Паленъ представилъ его великому князю. Пробѣжавъ его вскользь, Александръ горестно воскликнулъ: „И братъ мой также!“ Чтобы нанести сердцу молодого великаго князя наиболѣе чувствительные удары, Паленъ намекнулъ ему на судьбу, ожидавшую его невинную и добродѣтельную мать. „Нѣтъ! это уже слишкомъ,“ сказалъ великій князь, закрывая лицо, чтобы

скрыть свое горе отъ внимательныхъ взоровъ фаворита. Паленъ бросился къ ногамъ великаго князя. „Ваше высочество,“ сказалъ онъ, „благоволите выслушать меня. Надо предупредить великія несчастія; надо положить конецъ заблужденіямъ вашего августѣйшаго родителя. Сегодня онъ хочетъ лишить васъ только свободы; но кто знаетъ, въ пылу его страстей, часто затемняющихъ его разумъ, гдѣ остановится его безграничная, всемогущая воля? Вспомните, ваше высочество, несчастнаго Алексѣя Петровича.“

„Паленъ, вы оскорбляете моего отца.“ — „О, нѣтъ, ваше высочество! Я обвиняю не сердце его, полное самыхъ благородныхъ, великодушныхъ чувствъ; виной всему необузданный характеръ, безпрерывно волнующій его. Вамъ извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ, что императоръ ищетъ блага, но не можетъ достичь его. Что станется съ императорской семьей? Какая судьба ожидаетъ имперію, громадное населеніе, которымъ вы свыше призваны править, которое вы должны охранять въ случаѣ, если вашъ отецъ, увлекаясь своими бреднями, заблуждаясь въ своихъ мнѣніяхъ, наказывая, прощая, безъ мѣры и разсудка награждая, — сохранитъ въ рукахъ своихъ бразды правленія въ этой несчастной странѣ? Ваше высочество, притворяться теперь уже не время! И сенатъ, и вся имперія хочетъ сбросить съ себя нестерпимое иго и ввѣрить вамъ свои судьбы; я здѣсь лишь вѣрный представитель этой воли.“

„Какъ!“ воскликнулъ Александръ, отходя отъ Палена, — отъ меня требуютъ, чтобы я захватилъ власть, чтобы я вырвалъ скипетръ изъ рукъ моего отца? Не надѣйтесь на это. Я буду, если надо, жертвой его заблужденія, — все равно! Спасите только мою мать, спасите императрицу.“ Тогда Паленъ съ жестокимъ лукавствомъ далъ понять великому князю, насколько общее возмущеніе всѣхъ сословій государства было опасно для самого императора. Затѣмъ онъ указалъ ему на

примѣръ Англіи, гдѣ управленіе государствомъ должно было перейти къ принцу Вельскому, хотя нравственное состояніе короля Георга, быть можетъ, внушало менѣе тревогъ въ государствѣ, гдѣ высшая власть, болѣе ограниченная, подчинялась законамъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ достаточно было единой воли монарха, чтобы потрясти всю имперію.

Соблюдая такую же умѣренность, продолжалъ Паленъ, великій князь, не вступая на престолъ, могъ взять въ руки бразды правленія, съ тѣмъ, чтобы возвратить ихъ отцу, какъ только здоровье императора войдетъ въ норму, необходимую для выполненія столь важныхъ обязанностей.

Таковы желанія сената, арміи и всей націи, повторилъ ловкій царедворецъ. „Никогда не получатъ они моего согласія,“ отвѣчалъ Александръ. „Одна лишь воля моего отца можетъ рѣшить его и мою судьбу.“ И снявъ съ груди образъ Спасителя, Александръ заставилъ Палена поклясться передъ этимъ священнымъ ликомъ, что отецъ его сохранитъ и жизнь, и свободную волю. „Ваше высочество,“ сказалъ Паленъ, „судьба вашей августѣйшей матери, ваша собственная и судьба всей Россіи—должна рѣшиться въ слѣдующіе три дня.“

Выходя отъ великаго князя, Паленъ поставилъ у двери его нѣсколько гвардейцевъ съ офицеромъ. Въ тотъ же день императоръ Павелъ, уже давно покинувшій свою семью, отправился вечеромъ къ княгинѣ Гагариной. Мрачный, съ исказившимися чертами, онъ произнесъ ужасныя слова,—слова, вызванныя гнѣвнымъ порывомъ, которыя сердце его, безъ сомнѣнія, отвергало и которыя онъ никогда не привелъ бы въ исполненіе:

„На дняхъ падутъ головы, нѣкогда очень мнѣ дорогія.“

Испуганная княгиня Гагарина сочла долгомъ предупредить великаго князя Александра. Можно представить себѣ, какая жестокая тревога, какія внутреннія муки разрывали сердце

Александра. Послѣ разговора своего съ великимъ княземъ Паленъ рѣшилъ, что для успѣха заговора нельзя терять времени. Собравъ всѣхъ заговорщиковъ, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью въ духѣ древнихъ и новыхъ революціонеровъ. „Зачѣмъ," сказалъ онъ, „медлить намъ съ дѣломъ освобожденія нашей родины,—съ дѣломъ, которое заслужитъ намъ благодарность нашихъ согражданъ." Рѣшающее собраніе состоялось у Платона Зубова. Взывая къ тѣни Брута, заговорщики подкрѣпили свое мужество обильнымъ возліяніемъ. Въ тотъ же вечеръ, передъ послѣдней ночью Павла, вѣроломный Паленъ видѣлся съ императоромъ и посредствомъ искусно подготовленныхъ рѣчей убѣдилъ его, что заговоръ разстроился. Ему удалось успокоить его и влить на краткія мгновенія утѣшительный бальзамъ въ это встревоженное и несчастное сердце. Между тѣмъ, какъ только настала ночь, заговорщики, закутанные въ свои плащи и почти всѣ отуманенные винными парами, молча направились къ Михайловскому дворцу. Въ то время, какъ они проходили дворцовымъ садомъ, сидѣвшіе на деревьяхъ вороны вспорхнули и улетѣли съ зловѣщими криками. Карканье этихъ птицъ, считающееся въ Россіи несчастнымъ предзнаменованіемъ, настолько испугало заговорщиковъ, что они на минуту поколебались,—не вернуться ли имъ обратно. Паленъ смѣнилъ дворцовую стражу, поставивъ вмѣсто солдатъ участвовавшихъ въ заговорѣ офицеровъ. Согласно его приказу, вся императорская гвардія стояла на часахъ въ различныхъ пунктахъ города; лишь одинъ забытый заговорщиками часовой, увидя приближавшуюся ко дворцу группу, закричалъ „караулъ!" Стражникъ вышелъ, но тотчасъ же былъ отозванъ въ гвардейскія казармы сообщниками Палена. Не встрѣчая никакихъ препятствій, заговорщики подымаются по ступенямъ большой лѣстницы, гдѣ царила, какъ и во всемъ дворцѣ, угрюмая тишина. Была полночь. Послѣ вечера, проведеннаго

у княгини Гагариной, Павелъ, довѣрившись Палену, заснулъ мирнымъ сномъ. Незамѣтно было вокругъ него тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя во множествѣ изобрѣтаетъ подозрительная и страшащаяся за себя тираннія. Безпрепятственно пройдя длинный рядъ аппартаментовъ, заговорщики уже почти достигли спальной императора. Задерживая дыханіе, Паленъ слѣдилъ за взглядами и выраженіемъ лица каждаго изъ своихъ сообщниковъ, прислушивался къ малѣйшему шуму; какъ вдругъ въ комнатѣ, примыкавшей къ спальной императора, стоявшій на стражѣ, закутанный въ плащъ гвардейскій гусаръ, родомъ полякъ, при видѣ лицъ, входившихъ въ такой необычный часъ, догадывается объ ихъ злостныхъ намѣреніяхъ, бросается навстрѣчу заговорщикамъ и на ихъ отказъ удалиться выхватываетъ пистолетъ. Заговорщики бросаются на него и сваливаютъ съ ногъ. На этотъ шумъ Павелъ пробуждается; почуявъ измѣну, онъ вскакиваетъ съ постели и бѣжитъ къ потайному трапу, который сообщался черезъ полъ съ аппартаментами нижняго этажа. По несчастью, пружина, быть можетъ, впервые, не поддается нажиму. Куда спастись! что дѣлать! Единственная дверь въ комнатѣ императора сообщалась съ покоями августѣйшей его супруги; но дверь эта была заперта наглухо, и несчастный государь, жертва собственной недовѣрчивости, самъ лишилъ себя всякаго пути къ спасенію. Наконецъ, входная дверь отворяется. Павелъ не успѣваетъ спрятаться за ширмами у камина. Заговорщики съ шумомъ входятъ въ комнату; первые взгляды ихъ устремляются на кровать императора: кровать пуста. Они отыскиваютъ, наконецъ, государя. Послѣдній, видя, что бѣгство уже невозможно, ищетъ глазами Палена, призываетъ его, какъ послѣднюю свою надежду. Но измѣнникъ не отвѣчаетъ: его не было въ комнатѣ, онъ снаружи слѣдилъ за всѣми дѣйствіями заговорщиковъ. Тогда, вооружившись мужествомъ, которое, быть можетъ,

уже покидало его, Павелъ обращается къ заговорщикамъ тономъ властелина. „Павелъ Петровичъ,“ отвѣчаютъ предатели, „ты видишь въ насъ представителей сената и имперіи. Возьми эту бумагу, прочти и самъ рѣши свою судьбу.“ При этихъ словахъ Зубовъ подаетъ ему актъ отреченія, который императоръ беретъ съ взволнованнымъ видомъ. При тускломъ мерцаніи ночника, бросавшемъ зловѣщій свѣтъ на исказившееся лицо императора и на мрачныя суровыя фигуры заговорщиковъ, Павелъ пробѣгаетъ роковую бумагу, вторично читаетъ ее, и каждый разъ обвиненія въ тиранніи, перечисленіе его проступковъ, самыя неуважительныя и неприличныя выраженія поражаютъ взоры и еще болѣе разумъ несчастнаго монарха... Достоинство не только государя, но человѣка, пробуждается въ немъ... Онъ рѣзкимъ движеніемъ отбрасываетъ бумагу. „Нѣтъ,“ восклицаетъ онъ, „лучше смерть, чѣмъ безчестье!“ Онъ вновь пытается ускользнуть отъ ярости убійцъ, пытается защититься, бѣжать; онъ схватываетъ оружіе... Тогда завязывается страшная борьба, не поддающаяся описанію сцена ужасовъ и оскорбленій...

Глухіе крики, стоны, угрожающіе, сдавленные голоса,—гласъ преступленія,—доходятъ до слуха встревоженной супруги.

Императрица поспѣшно встаетъ, бѣжитъ къ двери, но всѣ ея усилія проломить дверь напрасны. Не теряя времени, она обходитъ кругомъ и, дрожащая, перепуганная, появляется на лѣстницѣ, гдѣ столпились убійцы ея мужа. Вовлеченный въ заговоръ Бенингсенъ, который въ этотъ вечеръ одинъ сумѣлъ сохранить невозмутимое хладнокровіе своего отъ природы мягкаго характера,—Бенингсенъ подходитъ къ императрицѣ и, почтительно загораживая ей входъ въ комнату императора, даетъ ей понять, что она напрасно подвергла бы опасности свою жизнь, такъ какъ Павла уже нѣтъ въ живыхъ. Императрицу, въ обморокѣ, еле живую, относятъ въ ея покои.

Дѣйствительно, императоръ испускалъ послѣдній вздохъ, когда Паленъ вошелъ къ нему со шпагой въ рукѣ, еще колеблясь, на что обратить эту шпагу,—на спасеніе ли жизни своего повелителя или на соучастіе въ преступленіи. Видъ плавающаго въ крови государя, его благодѣтеля, однако, произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе на этого коварнаго предателя; онъ долженъ былъ прислониться къ колоннѣ; такъ онъ простоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, съ висящей сбоку шпагой. Заговорщики также молчали. Бенингсенъ представилъ имъ, что необходимо идти къ новому императору и принести ему обѣтъ вѣрноподданства. Шумъ и безпорядокъ, все возраставшіе вслѣдъ за совершившимся трагическимъ событіемъ, перенеслись, наконецъ, во дворецъ, гдѣ Александръ спалъ съ своей юной супругой. Пораженный ужасомъ и самыми печальными предчувствіями, онъ слышитъ вѣсть о смерти отца и падаетъ въ глубокій, продолжительный обморокъ.

Придя въ чувство, Александръ видитъ вокругъ себя колѣнопреклоненныхъ заговорщиковъ, которые пробуютъ оправдать свое покушеніе и разными безсвязными рѣчами пытаются приписать внезапную смерть Павла апоплексическому удару, какъ естественному послѣдствію его бурнаго нрава. „Чудовища!“ сказалъ Александръ, съ негодованіемъ удаляясь отъ нихъ, „я никогда не приму короны, залитой кровью моего отца!“ И поспѣшно удалившись, онъ заперся въ самой уединенной части дворца.

ГЛАВА II.

Восшествіе на россійскій престолъ Александра. Первые годы его царствованія.

Между тѣмъ, собравшаяся у стѣнъ дворца Александра несмѣтная толпа народа и войска громкими кликами призываютъ своего новаго государя. Упавшіе духомъ, пораженные страхомъ заговорщики не знаютъ, на чемъ остановиться. Наконецъ, Бенингсенъ, съ согласія остальныхъ, рѣшается одинъ идти къ императору, который, не считая его виновнымъ, соглашается принять его. Бенингсенъ, бросаясь на колѣни передъ Александромъ, убѣждаетъ его исполнить мольбы его народа и не вызывать дальнѣйшими отказами ропотъ и безчинства императорской гвардіи,--не отдавать во власть жестокой анархіи могущественную имперію, управлять которой призывала его судьба.

Побѣжденный доводами Бенингсена и особенно слезами своей матери, своей супруги и мольбами любимаго брата, великаго князя Константина, Александръ согласился выйти къ народу.

Новаго императора,—блѣднаго, разстроеннаго, лишившагося сознанія,—пронесли среди рядовъ солдатъ, гдѣ онъ принялъ присягу въ вѣрности; и слова присяги, тысячу разъ повторенныя, казалось, тысячу разъ возвѣщали ему о трагической смерти его отца.

Еще не зная, что ихъ ждало впереди, заговорщики удалились къ себѣ, ободряемые если не собственной совѣстью, то, по крайней мѣрѣ, общественнымъ мнѣніемъ, которое они считали вполнѣ для себя благопріятнымъ; также благодарностью отечества, освободителями котораго они почитали себя, и, болѣе всего—своей партіи, столь же многочисленной, какъ и могущественной. Паленъ вскорѣ получилъ приказъ удалиться въ свои помѣстья.—„Я этого ожидалъ," сказалъ онъ, улыбаясь, „и все у меня заранѣе уже уложено." Другіе заговорщики были также изгнаны въ различныя губерніи имперіи; и, несмотря на снисходительность постигшей ихъ кары, всѣ они считали себя героями, жертвами преслѣдованій или мучениками своего патріотизма. Быть можетъ, многихъ, наоборотъ, удивитъ, что Александръ не наложилъ болѣе суровыхъ каръ на убійцъ своего отца. Смертной казни въ то время не существовало въ Россіи; уголовныя наказанія сводились къ ссылкѣ, конфискаціи имуществъ, тюрьмѣ и позорящимъ наказаніямъ. Совершенное преступленіе требовало, безъ сомнѣнія, особаго закона. Но представьте себѣ, если можете, положеніе Александра. Вступивъ столь юнымъ на колеблющійся престолъ, онъ могъ предоставить своему народу лишь однѣ надежды на будущее; ибо стѣсненія и зависимость, въ которыхъ держалъ его отецъ, не позволили ему обнаружить передъ страной всѣ его умственныя качества, работоспособность, мудрость взглядовъ. Въ первые годы своего царствованія Александръ могъ противупоставить лишь кротость, выдержку и духъ примиренія—опасному броженію, вызванному злополучной кончиной Павла. Эта смерть представлялась какъ бы побѣдой своеволія надъ деспотизмомъ,—побѣдой, за которой должны были послѣдовать большія уступки со стороны самодержавной власти. Уже поговаривали объ аристократической конституціи, въ которой интересы народа почти не

принимались въ разсчетъ: главная цѣль ея сводилась къ ограниченію верховной власти. Заговоръ пустилъ глубокіе корни, особенно въ арміи, въ царской гвардіи; и въ теченіе долгаго времени Александръ видѣлъ висящій надъ его головой мечъ Дамокла.

Совершившіе столь варварскій поступокъ заговорщики состояли въ сношеніяхъ съ нѣсколькими изъ главныхъ сановниковъ имперіи. Притомъ надо сознаться, къ сожалѣнію, что въ Петербургѣ царило всеобщее удовлетвореніе; раздавались смѣлыя рѣчи и одобренія по адресу виновныхъ. Мы знаемъ лицъ, и теперь еще живыхъ, которыя, съ признательностью относясь къ памяти злосчастнаго Павла I, несмотря на постигшую ихъ съ его стороны опалу,—добровольно удалились отъ общества, гдѣ они рисковали встрѣтить тѣхъ, кого, къ ужасу ихъ, общество радушно привѣтствовало. Кто же сталъ бы судить виновныхъ? Кто возвелъ бы ихъ на эшафотъ?.. Императоръ принужденъ былъ сдержать жажду справедливой мести и внять убѣжденіямъ нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ, чуждыхъ заговору; они ясно представили ему опасность, которой подверглись бы государство и императорская фамилія, если бъ противъ этой партіи были приняты строгія мѣры.

Не задѣвая открыто новыхъ взглядовъ, надо было осторожностью и умѣренностью обратить умы на путь долга. Задачу эту Александръ выполнялъ съ той мудростью, которую онъ проявилъ въ теченіе всего своего славнаго царствованія. Такимъ образомъ исторія не можетъ обвинять этого государя въ преступной снисходительности по отношенію къ убійцамъ его отца, въ дарованіи имъ добровольнаго прощенія. Мы знаемъ и другихъ государей, современниковъ Александра, государей добродѣтельныхъ и благочестивыхъ, которые, въ силу государственной необходимости, принуждены были не только допускать до себя одного изъ преступныхъ виновниковъ смерти

добродѣтельнаго Людовика XVI, но и облечь его своимъ довѣріемъ въ качествѣ министра.

Восшествіе на престолъ Александра ознаменовалось актами справедливости и благотворительности. Благодаря его великодушію, изъ сибирскихъ пустынь возвращены были многочисленные изгнанники, присоединившіе свой голосъ къ радостнымъ привѣтствіямъ цѣлаго народа, преисполненнаго надеждъ и ликованій.

Александръ уничтожилъ при дворѣ чрезвычайныя строгости этикета, введенныя въ предшествующее царствованіе, между прочимъ, обычай выходить изъ экипажа при встрѣчѣ съ экипажемъ императора. Ни возрастъ, ни полъ никого отъ этого не избавляли.

Первая круглая шляпа, появившаяся на улицахъ Петербурга, произвела, какъ говорятъ, цѣлую сенсацію. Всѣмъ и каждому въ имперіи было предоставлено право выѣзжать за предѣлы страны. Никто уже не боялся шпіонства и доносовъ. Освобожденныя отъ оковъ искусства и литература спѣшили принести дань уваженія своему августѣйшему покровителю. Подчиненная опредѣленнымъ правиламъ, мудрой и правильно поставленной дисциплинѣ, армія, наконецъ, свободно вздохнула, несмотря на то, что Александръ проявлялъ, быть можетъ, слишкомъ большое пристрастіе къ мелкимъ подробностямъ и придавалъ слишкомъ большое значеніе такимъ внѣшнимъ мелочамъ наружнаго порядка, которыя часто не замѣчаются менѣе опытнымъ взглядомъ.

Но трудно порицать это пристрастіе,—оно вызывалось у Александра духомъ порядка и справедливости; и ему-то, главнымъ образомъ, русская армія обязана той прекрасной военной выправкой, тѣмъ совершенствомъ дисциплины, которыя справедливо вызвали восхищеніе всей Европы и доставили ей тѣ побѣды, которыми она можетъ теперь по праву гордиться.

Деревенскій житель, увѣренный, что молодой государь отнесется къ нему справедливо и окажетъ ему покровительство, съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ внимательно относился онъ къ земледѣлію, какъ интересовался его развитіемъ, какъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ онъ учреждалъ иностранныя колоніи, поощряя ихъ опыты, въ надеждѣ, что удастся развить и распространить въ имперіи истинный источникъ богатства.

Въ любви Александра къ искусствамъ, въ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ торговлѣ, города, съ своей стороны, нашли вѣрный залогъ своего процвѣтанія. Вначалѣ молодой императоръ приложилъ всѣ старанія къ упорядоченію государственныхъ финансовъ, сильно разстроенныхъ, благодаря обильнымъ дарамъ, пожалованнымъ императрицей Екатериной и расточительной щедростью Павла I. Вскорѣ онъ пожалъ плоды своихъ трудовъ въ видѣ возстановленія государственнаго кредита.

Таково было счастливое начало царствованія Александра. Государь этотъ предоставлялъ своимъ подданнымъ и обезпечивалъ за ними всю ту свободу, которую они разумно могли требовать; и во всѣхъ его шагахъ можно было узнать мудраго ученика философа Лагарпа. Нѣкоторые послѣдователи новыхъ современныхъ взглядовъ старались увидѣть въ намѣреніяхъ Александра тайную склонность къ либеральнымъ идеямъ, къ которымъ прежній его воспитатель направлялъ умъ юнаго великаго князя, призваннаго управлять впослѣдствіи пятидесятью милліонами людей; но Россія, счастливая и довольная, нашла, по остроумному выраженію г-жи Сталь, совершенную конституцію въ личности своего государя. Извѣстна милая фраза, сказанная Александромъ въ отвѣтъ этой знаменитой женщинѣ, — фраза, такъ хорошо передающая его чувства: „Во всякомъ случаѣ,“ сказалъ онъ, „я былъ бы лишь счастливой случайностью.“

Несмотря на чрезвычайную его молодость, неопытность, несмотря на его естественную склонность къ филантропическимъ идеямъ, Александръ былъ слишкомъ разуменъ и уменъ, чтобы не видѣть, что Россія представляла собой,—если можно сдѣлать это сравненіе,—слишкомъ молодое дерево, чтобы прививать ему новыя учрежденія. Онъ многаго ожидалъ отъ будущаго, отъ своей собственной неусыпной дѣятельности и, въ особенности, отъ времени, которое одно могло совершить и укрѣпить великую реформу въ образѣ правленія; но годы, неумолимые годы, не захотѣли остановиться для него; и безумныя чудовища, неблагодарныя, ускорили теченіе ихъ... О! прочь эти ужасныя мысли; онѣ отравили бы описаніе счастливыхъ, прекрасныхъ лѣтъ царствованія Александра.

Взглянемъ на Александра, обозрѣвающаго различныя части своей громадной имперіи, повсемѣстно являющагося передъ преданными ему подданными въ образѣ блестящаго, любезнаго и благодѣтельнаго государя, впослѣдствіи—великаго человѣка, призваннаго Провидѣніемъ стать рѣшителемъ судебъ Европы и опрокинуть колосса, иго котораго тяготѣло надъ ней въ лицѣ Наполеона Бонапарта

Повсемѣстно проѣздъ молодого императора, привѣтствуемаго преданнымъ ему народомъ, отмѣчался блестящими празднествами. Александръ почтилъ также своимъ присутствіемъ празднества, устроенныя въ его честь въ Вильнѣ, столицѣ Литвы. Въ то время, по молодости лѣтъ, я не имѣла счастья его видѣть; но я уже научалась обожать его августѣйшее имя. Я помню, что выполняя программу совершившихся по этому поводу торжествъ, городская дума вздумала запречь людей въ карету императора. Напрасно нѣсколько лицъ изъ свиты государя, раньше его пріѣхавшія въ Вильну, указывали, что такого рода знаки почета не нравились его величеству: устроители торжествъ не захотѣли бросить стоившую денегъ одежду,

сдѣланную на двадцать человѣкъ, изъ среды мѣщанъ, которые должны были составить этотъ странный поѣздъ. Итакъ, эти бѣдные люди побѣжали съ большимъ усердіемъ запрягаться въ карету императора, —въ томъ мѣстѣ, гдѣ недалеко отъ Вильны, государь только что принялъ различныя городскія депутаціи и, отправившись скорой рысью, они прибыли во дворецъ, при чемъ оказалось, что вмѣсто императора они привезли лакея его величества и кучера, который, важно возсѣдая на козлахъ, правилъ ими, какъ настоящими лошадьми. Императоръ, чувствуя естественное отвращеніе къ тому, чтобы ѣхать на подобныхъ себѣ людяхъ, пріѣхалъ въ каретѣ одного изъ своихъ адъютантовъ.

Уѣзжая изъ Вильны, Александръ переѣхалъ черезъ рѣку на паромѣ. Одинъ изъ лодочниковъ поранилъ себя настолько серьезно, что встревожилъ свидѣтелей этого несчастнаго случая и особенно его величество. Государь, считая себя какъ бы невольной причиной случившагося съ бѣднякомъ несчастья, пожелалъ собственными руками перевязать ему рану и разорвалъ свой платокъ, чтобы сдѣлать перевязку. Эта трогательная сцена произошла на паромѣ, и такое проявленіе чувствительности молодого государя было тотчасъ запечатлѣно кистью и рѣзцомъ всѣхъ мѣстныхъ художниковъ. Дорогой изъ Вильны въ Гродно императоръ, мѣняя лошадей, остановился въ помѣстьѣ моего отца. Пока запрягали подставу, Александръ, проходя около конюшенъ, отличавшихся довольно замѣчательной архитектурой, увидѣлъ большой кучерской кнутъ, только что выкрашенный и покрытый лакомъ, и со свойственной молодымъ людямъ фантазіей онъ вздумалъ испробовать кнутъ Стоявшій тутъ же маленькій конюхъ, не узнавъ императора и, вѣроятно, находя, что его кроткое, привѣтливое лицо выглядѣло гораздо менѣе страшнымъ, чѣмъ лицо толстаго, усатаго кучера, владѣльца кнута, хотѣлъ отнять его у Алексан-

дра и сказалъ: „Оставьте кнутъ, это кнутъ г-на Теодора.“ Императоръ, которому смѣлость этого ребенка съ хорошенькимъ, плутовскимъ лицомъ, показалась забавной, спросилъ его, не согласится ли г. Теодоръ отдать ему кнутъ за одинъ червонецъ. Мальчикъ принялъ на себя переговоры и передачу условленной платы. По заключеніи торга государь ловко свернулъ кнутъ и велѣлъ положить его въ карету, сказавъ, что онъ предназначаетъ его своему любимому кучеру, вѣрному Юшкѣ.

Путешествуя, императоръ, для большей безопасности, ѣздилъ обыкновенно съ собственными кучерами. Тотъ, кто правилъ императорской каретой, захотѣлъ проѣхать лошадей, прежде чѣмъ въ экипажъ сядетъ императоръ. Въ упряжкѣ были рослые жеребцы, сильные и крѣпкіе: какъ только они ощутили на своихъ бокахъ непривычный для нихъ русскій кнутъ, они понесли и разбили бы карету въ дребезги, если бъ конюхи не бросились во-время, чтобы остановить ихъ и предупредить несчастье. Конюхъ моего отца упросилъ, чтобъ дозволили польскому кучеру править лошадьми обычнымъ способомъ; послѣ этого „г. Теодоръ“ вновь взялъ возжи въ свои руки, и императора благополучно довезли до слѣдующей станціи.

Филантропическія наклонности императора Александра, казалось, предвѣщали его счастливымъ подданнымъ непрерывный миръ: ни одна мысль о побѣдѣ, ни одно честолюбивое стремленіе не проявлялось до сихъ поръ въ юномъ государѣ,—къ великому удивленію всѣхъ окружавшихъ его, а также, безъ сомнѣнія, и Европы.

Не менѣе удивительно было то восхищеніе, которое, быть можетъ, невольно молодой государь чувствовалъ къ человѣку совсѣмъ иного характера. Но надо сознаться, что окружавшій Наполеона престижъ славы, могущества, долженъ былъ привлекать воображеніе чарами, свойственными всему чудесному.

Александръ не могъ считать узурпаторомъ необыкновеннаго человѣка, который, извлекши Францію изъ пропасти революцій, продолжалъ направлять судьбы ея подъ скромнымъ еще титуломъ консула. Позднѣе Наполеонъ сказалъ, что онъ нашелъ корону Франціи на землѣ и подобралъ ее. Безъ сомнѣнія, онъ поступилъ бы справедливѣе и благороднѣе, если бъ, подобравъ эту корону, онъ возвратилъ ее Бурбонамъ: вѣдь, не они уронили эту корону—она была у нихъ вырвана; но счастливый солдатъ нашелъ корону и вѣнчалъ себя королемъ. Желая поддерживать съ Франціей дружескія связи, Александръ пожелалъ продолжать начатые въ предшествующее царствованіе переговоры и послалъ въ Парижъ графа Моркова. Главная цѣль миссіи Моркова состояла въ томъ, чтобы войти въ соглашеніе съ французскимъ правительствомъ относительно системы вознагражденія германскихъ князей, лишенныхъ владѣній или потерпѣвшихъ убытокъ, благодаря послѣднему договору съ Австріей,—вознагражденія посредствомъ обмѣна или секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Въ инструкціи Моркова входило также предписаніе способствовать, насколько возможно, установленію добрыхъ отношеній между Франціей и Англіей; ибо война между этими двумя державами неизбѣжно должна была нарушить миръ и благоденствіе Европы. Въ царствованіе императрицы Екатерины Моркову поручали переговоры лишь съ турками, всегда побѣждаемыми, или съ поляками, всегда отважными, но принужденными уступать силѣ. Онъ не проявилъ ни такта, ни чувства мѣры. Все въ немъ не понравилось,—и тонъ его, и умъ, и характеръ; онъ не внушилъ довѣрія ни Франціи, ни Англіи, ни Германіи. Когда Англія нарушила Амьенскій трактатъ и объявила Франціи войну, Морковъ такъ былъ увѣренъ, что лордъ Уитфордъ приметъ условія перваго консула, что онъ сталъ играть на казенныя деньги и проигралъ значительную сумму ихъ. Въ концѣ

концовъ, присутствіе этого дипломата такъ надоѣло Бонапарту, что онъ просилъ отозвать его въ Петербургъ. Императоръ Александръ выказалъ при этомъ большую силу характера: онъ послалъ Моркову орденъ Андрея Первозваннаго, предоставивъ ему, по желанію, вернуться въ Петербургъ или остаться въ Парижѣ. Но вмѣсто того, чтобы выказать такую же твердость, какъ его повелитель, Морковъ поспѣшилъ уѣхать, говоря, что не смѣетъ оставаться дольше въ Парижѣ, изъ боязни отравы. Его замѣнилъ въ качествѣ уполномоченнаго Убри, исполнявшій эту должность, пока роковой случай не нарушилъ добрыхъ отношеній между русскимъ и французскимъ дворами. Убійство несчастнаго герцога Энгіенскаго доказало даже поклонникамъ Наполеона, до какихъ ужасныхъ эксцессовъ могло довести его честолюбіе. Вся Европа содрагнулась отъ ужаса при такомъ нарушеніи самыхъ священныхъ правъ. Раздѣляя это справедливое негодованіе, императоръ Александръ, какъ князь Германской имперіи, тотчасъ послалъ ноту въ Регенсбургскій сеймъ, предлагая потребовать удовлетворенія за нарушеніе территоріи Баденскаго курфюршества. Но какое возможно было удовлетвореніе, когда зло было непоправимымъ!.. Герцога Энгіенскаго уже не было въ живыхъ!.. Австрія и Россія объявили Франціи войну. Успѣхи Наполеона въ этой кампаніи слишкомъ извѣстны, чтобы надо было о нихъ напоминать... Австрія еще помнитъ ихъ! Императоръ Александръ назначилъ генерала Кутузова главнокомандующимъ своихъ войскъ и самолично присутствовалъ при Аустерлицкой битвѣ, неосмотрительно данной ранѣе прибытія отряда русской арміи подъ предводительствомъ генерала Бенингсена и шедшей изъ Италіи арміи подъ начальствомъ эрцгерцога Карла. Говорятъ, что въ началѣ битвы къ Наполеону привели русскаго полковника, взятаго въ плѣнъ французами, при чемъ императоръ спросилъ его о мѣстопребываніи русскаго императора. Когда

русскій офицеръ удовлетворилъ любопытство Наполеона, последній велѣлъ отпустить его и поручилъ ему отъ его имени предложить императору Александру удалиться, такъ какъ на ту сторону, гдѣ находился его величество, долженъ былъ направиться огонь артиллеріи. Я не стану описывать это сраженіе, столь славное для французскаго оружія; скажу только, что молодой императоръ выказалъ въ немъ большую личную отвагу. Онъ рисковалъ своей жизнью въ нѣсколькихъ стычкахъ, при которыхъ подъ нимъ была убита лошадь, и среди общаго смятенія онъ пытался остановить своихъ старыхъ гренадеровъ, которые, убѣгая, кричали ему: „Государь, никто уже не командуетъ арміей, бѣгите, не рискуйте своей жизнью!" Такимъ образомъ, императоръ принужденъ былъ покинуть поле сраженія, опечаленный пораженіемъ и, въ еще большей степени, сознаніемъ, что онъ понапрасну пролилъ кровь своихъ подданныхъ. „Надо быть на моемъ мѣстѣ," сказалъ однажды этотъ государь, „надо быть на моемъ мѣстѣ, чтобы понять, что значитъ отвѣтственность государя, и что я испытываю при мысли, что мнѣ предстоитъ когда-нибудь дать Богу отчетъ въ жизни каждаго изъ моихъ солдатъ." Сколько души, сколько набожности отражается въ этихъ прекрасныхъ словахъ, заслуживающихъ быть выгравированными на мраморѣ и бронзѣ и во вѣки служить урокомъ всѣмъ земнымъ царямъ!

По дорогѣ въ Россію императоръ заблудился въ прусской Польшѣ и былъ разлученъ со своей свитой, зимой, въ теченіе цѣлой ночи, близъ маленькаго городка или мѣстечка Миндзирчекъ. Узнавъ, что помѣстье это принадлежитъ князю Константину Чарторижскому, котораго онъ близко зналъ въ Петербургѣ, такъ же какъ жену его, княгиню Анжелику, урожденную Радзивиллъ, *) государь отправился въ замокъ. Пріѣхавъ

*) Княгиня Радзивиллъ, виленская воеводша, мать княгини Чарторижской и моя тетушка,—умная, талантливая и одаренная, съ жи-

въ санкахъ и безъ свиты, императоръ велѣлъ доложить о себѣ, какъ о старинномъ другѣ князя и попросилъ тотчасъ видѣть князя. Судя по невзрачному экипажу, слуги вначалѣ не хотѣли докладывать; но принужденные сдаться передъ царственной осанкой пріѣзжаго, они пошли разбудить хозяина и доложили ему о пріѣздѣ незнакомаго друга, не желающаго назваться. Князь Чарторижскій, въ свою очередь изумленный, всталъ, накинулъ халатъ и вышелъ въ гостиную, гдѣ онъ узналъ „друга". Императоръ не дозволилъ разбудить княгиню; онъ только выпилъ чаю, согласился взять немного бѣлья, въ которомъ онъ нуждался, и тотчасъ уѣхалъ въ Петербургъ.

По прибытіи его въ столицу имперіи, сенатъ хотѣлъ поднести императору орденъ св. Георгія; но Александръ отказался отъ этой награды за храбрость, скромно сказавъ, что онъ ее не заслужилъ.

Послѣ этой кампаніи Убри, уполномоченный Россіи, заключилъ въ Парижѣ невыгодный для Россіи договоръ, который императоръ Александръ имѣлъ стойкость не утвердить. Вслѣдъ за этимъ Пруссія, которая раньше отказалась вступить въ коалицію съ Австріей и Россіей,—рѣшила одна объявить войну Франціи. Это было крайне неосторожно. Битва при Іенѣ, смерть доблестнаго принца Людвига, взятіе Берлина,—таковы были печальные результаты этого шага, въ которомъ было больше благихъ намѣреній и геройской экзальтаціи, чѣмъ истинной, здравой политики. Прекрасная королева Пруссіи, поощрявшая доблесть прусскихъ воиновъ, принуждена была, беременная, бѣжать на границу своего государства. Ее бережно перевезли въ Мемель, гдѣ она вмѣстѣ съ королемъ

вымъ воображеніемъ, подолгу гостила въ Петербургѣ. Ее милостиво принимали императрица Екатерина, осыпавшая ее милостями и дарами, Павелъ I и императоръ Александръ.

оставалась до конца этой злополучной кампанiи. Пруссiя погибала; быть можетъ, по справедливому возмездiю свыше, она подверглась бы судьбѣ Польши, если бъ великодушный Александръ, ея благородный союзникъ, не пришелъ ей на помощь. Русская армiя подъ предводительствомъ генерала Бенингсена одна сдерживала нѣкоторое время стремительный натискъ французскихъ войскъ, привыкшихъ идти отъ одной побѣды къ другой. Какъ та, такъ и другая армiя не могла считать успѣшными для себя битвы при Пултуцкѣ и при Прейсишъ-Эйлау. Бенингсенъ преградилъ Наполеону доступъ въ Литву; ни одинъ генералъ, сражавшiйся съ этимъ генiальнымъ полководцемъ, не могъ еще похвастаться столь большимъ успѣхомъ.

Значительное количество французскихъ плѣнныхъ были тогда перевезены черезъ Вильну въ глубь Россiи. Среди поляковъ видъ плѣнныхъ французовъ вызвалъ какъ бы взрывъ патрiотизма, который, по счастью, не имѣлъ прискорбныхъ послѣдствiй, благодаря умѣренности и осторожности литовскаго генералъ-губернатора Римскаго-Корсакова.

Въ то время Варшава, уже занятая французами, являлась какъ бы центромъ новой Польши; и всѣ патрiотическiя идеи, всѣ надежды поляковъ сосредоточились на Бонапартѣ, единственномъ государѣ, который могъ и желалъ возстановить прежнее Польское королевство. Заблуждаясь относительно лицемѣрнаго характера Наполеона, поляки въ каждомъ французскомъ солдатѣ видѣли орудiе возстановленiя своего отечества. Какъ таковые, вышеупомянутые плѣнники встрѣчали въ Литвѣ, въ Вильнѣ въ особенности, выраженiя столь сильнаго, преувеличеннаго сочувствiя, что нельзя было приписать его одной гуманности. Въ пользу ихъ собирали одежду, бѣлье, деньги; торговки на базарѣ безплатно давали съѣстные припасы французскимъ солдатамъ; офицеровъ, за которыми слѣдили, многiе посѣщали. Въ день ихъ отъѣзда имъ прислали много съѣст-

ныхъ припасовъ; и толпа собралась въ занимаемомъ имъ домѣ, чтобы проститься съ ними и проводить ихъ. Такъ какъ ихъ вели пѣшкомъ, этапнымъ порядкомъ, одинъ городской извозчикъ безплатно доставилъ тридцать лошадей и столько же саней, чтобы провезти французовъ нѣсколько миль отъ Вильны.

Битва при Фридландѣ, весной 1807 года, завершила прусскую кампанію. Тильзитскій договоръ, опредѣливъ границы Варшавскаго великаго герцогства, обманулъ надежды поляковъ, хотя не вполнѣ ихъ погасилъ. Свиданіе между двумя государями состоялось, какъ извѣстно, на плоту, среди Нѣмана, въ присутствіи русскихъ и французскихъ войскъ, занимавшихъ, въ полномъ парадѣ, оба берега рѣки.

Говорятъ, Наполеонъ, увидѣвъ Александра, былъ пораженъ его красотой. „Это Аполлонъ!“ воскликнулъ онъ. При этомъ свиданіи Александръ впервые обратился къ Наполеону, какъ къ императору: до тѣхъ поръ онъ считалъ его лишь главой французскаго народа.

Плотъ принадлежалъ Наполеону. Послѣ первыхъ привѣтствій и взаимнаго представленія другъ другу великаго князя Константина и Мюрата, въ то время Бергскаго великаго герцога, Наполеонъ, пригласилъ русскаго императора въ предназначенный для совѣщанія кабинетъ. Александръ сталъ увѣрять, что онъ—на своемъ берегу, Наполеонъ—что онъ на своемъ плоту. Чтобы прекратить эти церемонныя пререканія, Александръ сказалъ: „Такъ войдемте вмѣстѣ“. Такъ какъ дверь была очень узкая, оба государя принуждены были тѣсно прижаться другъ къ другу, чтобы войти одновременно. Замѣтили, что послѣ совѣщанія, результатъ котораго сталъ извѣстенъ позднѣе, они вышли изъ кабинета очень оживленные. Вернувшись на свой берегъ, Наполеонъ изъ любезности къ русскому императору, велѣлъ всей французской арміи кричать

„ура“. Въ отвѣтъ на эту демонстрацію Александръ далъ знакъ чтобы его войска кричали „vive l'empereur Napoléon!“ Знавшіе французскій языкъ офицеры исполнили это приказаніе; но русскіе солдаты отвѣчали обычнымъ своимъ кликомъ; и оба берега Нѣмана огласились многочисленными, громогласными „ура“.—Въ теченіе совѣщаній, продолжившихся нѣсколько дней, государи дѣлали другъ другу визиты. Александръ даже нѣсколько разъ обѣдалъ у Наполеона, который, съ своей стороны, не оказалъ ему этого знака довѣрія, говоря въ оправданіе своихъ оскорбительныхъ опасеній: „Я не такъ добръ, какъ вы, ваше величество, я опасаюсь окружающихъ васъ лицъ“. Одинъ только разъ ему вздумалось попросить чаю: „Вы—сосѣдъ Китая“, сказалъ онъ русскому императору, „у васъ, вѣроятно, прекрасный чай“. И когда ему подали чаю, онъ поднесъ чашку къ губамъ и затѣмъ поставилъ ее, не отвѣдавши чая.

Когда императоръ Александръ обѣдалъ во французскомъ лагерѣ съ нѣсколькими лицами изъ своей свиты, дворецкіе вносили золотыя блюда и ставили ихъ на столъ Наполеона, между двумя рядами гренадеръ, которые никого близко не подпускали, изъ страха, чтобы не бросили въ блюда яду.

ГЛАВА III.

Возвращеніе Александра въ С.-Петербургъ послѣ Тильзитскаго мира. Эрфуртское свиданіе.

Давъ свое согласіе на континентальную систему, которую Наполеонъ стремился предписать Европѣ, какъ единственное средство борьбы противъ Англіи, державы столь гордой своимъ неприступнымъ положеніемъ и не хотѣвшей признать славу великаго полководца,—императоръ Александръ купилъ Тильзитскій миръ цѣною жертвы, болѣе тягостной для имперіи, чѣмъ несчастная кампанія. Страданія цѣлой Европы были для Наполеона безразличны, лишь бы его честолюбіе и ненависть нашли свое удовлетвореніе. Спокойный по отношенію къ Россіи, которую онъ подчинилъ игу своей политики, Наполеонъ обратилъ свои честолюбивые взоры на Испанію. Въ это самое время императоръ Александръ принималъ въ Петербургѣ короля и королеву Пруссіи. Онъ выказалъ при этомъ случаѣ величіе, щедрость и великодушное гостепріимство Людовика XIV, проявленныя послѣднимъ, когда онъ принималъ изгнаннаго изъ Англіи несчастнаго Якова II съ семьей. На границахъ имперіи для ихъ величествъ и ихъ свиты заготовлены были великолѣпные экипажи и драгоцѣнныя шубы; всевозможныя удовольствія и самая изысканная роскошь была доставлена имъ во время этого путешествія. Король и королева Пруссіи совершили свой въѣздъ въ Петербургъ въ дворцовой каретѣ.

Несмотря на сильный морозъ, всѣ войска, съ пяти часовъ утра, были въ полномъ парадѣ. Августѣйшихъ путешественниковъ ожидали собравшіеся во дворцѣ представители высшаго петербургскаго общества. Разсказываютъ, что Александръ, шедшій подъ руку съ королевой прусской, встрѣтилъ, въ одной изъ дворцовыхъ галлерей красивую г-жу Н*** *), одѣтую въ простое бѣлое креповое платье; одна лишь гирлянда голубыхъ цвѣтовъ, такъ называемыхъ незабудокъ, украшала ея черныя волосы... Дама эта въ то время занимала и долго продолжала занимать первое мѣсто въ сердцѣ Александра, ничѣмъ инымъ, быть можетъ, не привлекая его, какъ опаснымъ обаяніемъ своей красоты. Напоминая объ этой слабости, быть можетъ, слишкомъ хорошо извѣстной, попытаемся, если возможно, не оправдать ее, но доказать, что добродѣтели Александра загладили ее.

Женившись такъ рано, и отъ природы очень страстный, онъ не могъ довольствоваться одной дружбой: сердце его было слишкомъ нѣжно, слишкомъ доступно опаснымъ впечатлѣніямъ любви. Быть можетъ также, гордость болѣе постояннаго сердца, оскорбленнаго въ самыхъ нѣжныхъ своихъ привязанностяхъ, не позволила Елизаветѣ воспользоваться для привлеченія охладѣвшаго супруга всѣми средствами, которыя могъ подсказать ей холодный разумъ. Въ то время, какъ она подавляла свои жалобы и притворялась спокойной, безмятежной,—сколько разъ ее заставали въ слезахъ передъ портретомъ Александра, столь любезнаго, но невѣрнаго!.. О! чтобы умалить его вину, отвратимъ наши взоры отъ горестей кроткой Елизаветы! Александру, какъ человѣку, свойственны были человѣческія слабости! Безукоризненное совершенство не совмѣстимо съ человѣческой природой. Если Александръ въ своемъ частномъ поведеніи не вполнѣ достигъ его, посмѣетъ ли

*) Нарышкина.

другой смертный мечтать о его достиженіи? Но, по крайней мѣрѣ, никто не обвинитъ его въ попыткѣ соблазнить невинныхъ. Онъ всегда умѣлъ уважать, почитать достоинства и добродѣтель и всегда избѣгалъ огласки. Никогда не расточалъ онъ въ безумныхъ страстяхъ государственныя деньги и никогда не поддавался опаснымъ вліяніямъ. Наконецъ, онъ отказался отъ своихъ заблужденій въ возрастѣ, когда страсти еще сохраняютъ свою пагубную власть,— въ возрастѣ, когда Людовикъ XIV содержалъ г-жу Монтеспанъ и красивую Фонтанжъ, и когда великій король Генрихъ IV, несмотря на свою слабость, бѣгалъ, переодѣтый въ ливрею, за каретой очаровательной княгини Кондэ.

Императоръ не только оплатилъ всѣ расходы короля и королевы Пруссіи во время ихъ пребыванія въ Петербургѣ, но и окружилъ ихъ самой деликатной заботливостью и предусмотрительностью. Въ честь ихъ въ Зимнемъ дворцѣ состоялись роскошныя празднества, между прочимъ фейерверкъ, стоившій громадныхъ денегъ, и балъ, въ которомъ приняли участіе болѣе двадцати тысячъ лицъ въ характерныхъ костюмахъ. Прусская королева появилась на немъ въ великолѣпномъ русскомъ костюмѣ, оцѣненномъ въ сто тысячъ рублей: она нашла его передъ баломъ въ своей уборной. Вотъ какъ Александръ умѣлъ сострадать невзгодамъ августѣйшихъ лицъ и уважать ихъ!

Честолюбіе, которымъ питался геній Наполеона, побудило его предложить императору Александру второе свиданіе, которое на этотъ разъ состоялось въ Эрфуртѣ. И здѣсь-то, какъ разсказываютъ, политика этого человѣка, ненасытно стремившагося къ славѣ и побѣдамъ, развернула передъ взорами мудраго и умѣреннаго государя гигантскій проектъ раздѣленія міра посредствомъ возобновленія Западной и Восточной Имперіи. Если проектъ этотъ не имѣлъ послѣдствій, надо это приписать исключительно умѣренности Александра. Какая громад-

ная сила получилась бы отъ соединенія военнаго генія Наполеона съ силами и мощью России! Въ то время еще не разсѣялось увлеченіе Александра по отношенію къ Наполеону, то очарованіе, которое поддерживалось всепокоряющей славой, передъ которой все сдавалось и которая сама должна была впослѣдствіи сдаться тому, кто даетъ власть государямъ. Разсказываютъ, что на томъ же Эрфуртскомъ свиданіи Александръ, присутствуя вмѣстѣ съ Наполеономъ на представленіи „Эдипа", вдругъ всталъ при произнесеніи стиха: „Дружба великаго человѣка— благодѣяніе боговъ", и обнявъ Наполеона, примѣнилъ къ нему эти слова. Я не ручаюсь за достовѣрность этого факта, вѣрнѣе анекдота; но я слышала отъ императора Александра, что во время пребыванія его въ Эрфуртѣ ему приходилось постоянно присутствовать на представленіи трагедій; и такой печальный выборъ пьесъ онъ приписывалъ мрачному, трагическому характеру Наполеона

Вскорѣ послѣ Эрфуртскаго свиданія Наполеонъ, расторгнувъ свой бракъ съ Жозефиной и желая, посредствомъ блестящаго прочнаго союза, утвердить и продолжить свою династію на престолѣ, поручилъ просить у русскаго императора руки его сестры, великой княжны Екатерины. Александръ, повидимому, былъ расположенъ исполнить желаніе Наполеона. Но императрица Марія и сама юная княжна, женщина съ сильнымъ характеромъ, всегда относившіяся отрицательно къ континентальной системѣ, которую Александръ принялъ противъ собственнаго желанія,—выказали въ этомъ случаѣ такую твердость, такое сопротивленіе, что императоръ долженъ былъ уступить; и Наполеонъ, быть можетъ, впервые послѣ своего возвышенія получилъ отказъ. Впервые счастье измѣняло ему! Его блестящій бракъ съ эрцгерцогиней Маріей-Луизой изгладилъ самые слѣды мимолетнаго униженія и, внушивъ ему вѣру въ неизмѣнность фортуны, вновь преисполнилъ сердце его гордыней. Между

тѣмъ, Провидѣніе уже намѣтило предѣлъ ея. Злой рокъ долженствовалъ поразить свою знаменитую жертву въ пустыняхъ Россіи, при свѣтѣ пылающей Москвы, среди сѣверныхъ морозовъ и снѣговъ; здѣсь-то онъ долженъ былъ обрушить на голову Наполеона тѣ невзгоды, которыя честолюбіе его навлекло на весь міръ, и подвергнуть медленной, жестокой смерти на скалѣ, среди морей, того, кто жаловался, что *задыхается въ старой Европѣ.*

Послѣ трехъ лѣтъ мира императоръ Александръ рѣшился, если не объявить войну французамъ, то, по крайней мѣрѣ, отказаться отъ континентальной системы. Тѣмъ не менѣе, нельзя было надѣяться, что Наполеонъ уступитъ въ этомъ важномъ вопросѣ своей политики. Равнымъ образомъ, Александру было невозможно закрывать далѣе глаза на печальное положеніе, въ которое повергло имперію полное прекращеніе торговли. Притомъ, можно ли было ожидать предѣла этой системы, болѣе пагубной для предпринявшихъ ее, чѣмъ для тѣхъ, противъ кого она была направлена? При своихъ колоніяхъ и корабляхъ не располагала ли Англія всѣми морями? Для постояннаго отпора Франціи политика Англіи не была ли выше политики Наполеона, который умѣлъ дѣйствовать лишь при посредствѣ бомбъ, пушекъ и милліоновъ людей? Наконецъ, какъ послѣдній рессурсъ, не имѣла ли она на своей сторонѣ Испанію и Веллингтона?

ГЛАВА IV.

События въ Россіи, предшествовавшія войнѣ 1812 года. Пребываніе Александра въ Литвѣ. Анекдоты.

Въ 1812 году совершились самыя достопамятныя въ исторіи событія. Императоръ Александръ, который со времени своего восшествія на престолъ лишь одинъ разъ почтилъ Вильну своимъ присутствіемъ, вдругъ объявилъ, что онъ избираетъ этотъ городъ своей главной квартирой. Войска стягивались съ границъ Россіи въ различные пункты Литвы. Императоръ только что закончилъ завоеваніе Финляндіи, и его дружескія отношенія съ маршаломъ Бернадотомъ, въ то время шведскимъ наслѣднымъ принцемъ, вполнѣ обезпечивали его противъ всякой опасной диверсіи со стороны сѣвера. Побѣдитель въ Молдавіи, генералъ Кутузовъ, заканчивалъ славную кампанію заключеніемъ съ турками выгоднаго мира.

Какъ ни хорошо охранялись тайны русскаго кабинета, легко было угадать, что Франція являлась предметомъ всѣхъ этихъ движеній, что вскорѣ должна была разразиться война. Но въ какой мѣстности? Этого никто не могъ предвидѣть, ибо ни одна вѣсть изъ-заграницы не проникала въ страну, даже въ главную квартиру. Со свойственной ему осторожностью императоръ почувствовалъ, что пребываніе его въ Литвѣ, его личная обаятельность, привѣтливость, его милости,—

привлекутъ къ нему всѣхъ литовцевъ и оградятъ ихъ отъ соблазновъ, которыми Наполеонъ хотѣлъ повліять на ихъ патріотизмъ. Прибытіе Александра въ Вильну совершилось въ началѣ марта 1812 года. Къ этому то времени относятся, главнымъ образомъ, мои воспоминанія объ этомъ прекрасномъ государѣ. Я заранѣе прошу моихъ читателей не упрекать меня въ тщеславіи, если, говоря объ императорѣ Александрѣ, я должна буду упоминать и о самой себѣ: скромная полевая лилія подчасъ растетъ рядомъ съ величественнымъ кедромъ!

Моему отцу пришлось уступить свое помѣщеніе великому князю Константину. Самъ онъ взялъ другую квартиру, а меня отправилъ къ почтеннымъ друзьямъ въ имѣніе, недалеко отъ Вильны. Выѣхавъ изъ города, я поражена была бѣдностью сельскихъ жителей: пріостановка торговли лишила ихъ предметовъ первой необходимости, какъ напримѣръ, соли, сельдей и т. п.; а плохой прошлогодній урожай, проходъ войскъ и постоянная доставка арміи провіанта — совсѣмъ ихъ раззорили. Частныя лица принуждены были въ огромномъ количествѣ снабжать различными предметами военные магазины, а правительство въ неопредѣленные сроки выдавало имъ квитанціи. Бѣдствіе, по обыкновенію, обрушивалось на низшій классъ. Бѣдные крестьяне, перевозя провіантъ, лишались своихъ лошадей и даже скота. Сердце мое сжималось при видѣ этого печальнаго зрѣлища, вызывавшаго во мнѣ досаду на императора, какъ будто онъ виновенъ былъ въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя естественнымъ образомъ предшествуютъ войнѣ, не говоря уже о послѣдующихъ неизбѣжныхъ ея бичахъ. Въ то время былъ великій постъ, строго соблюдаемый всѣмъ населеніемъ имперіи, въ томъ числѣ и самимъ императоромъ. Поэтому нельзя было ознаменовать присутствіе государя блестящими торжествами; но императоръ часто дѣлалъ честь нѣкоторымъ лицамъ изъ виленскаго дворянства и при-

глашалъ ихъ къ своему столу. Днемъ императоръ занимался государственными дѣлами, принималъ и отсылалъ курьеровъ, присутствовалъ на парадахъ, на военныхъ ученіяхъ и дѣлалъ длинныя прогулки верхомъ въ окрестностяхъ Вильны, которыя онъ, по справедливости, находилъ прелестными.

Въ нашемъ тихомъ уединеніи, украшенномъ искусствами и дружбой, мы узнали, мои пріятельницы и я, что императоръ будетъ дѣлать смотръ отряду войскъ, квартировавшему въ Шавли, въ Самогитіи, и что мы, поэтому, будемъ имѣть счастье увидѣть государя, который неизбѣжно проѣдетъ черезъ Товіани, мѣстность, извѣстную красотой замка и садовъ, разбитыхъ по-англійски. Государь уже неоднократно былъ въ этихъ мѣстахъ. Въ Товіани для его величества было отправлено сорокъ лошадей. Не зная, будетъ ли здѣсь лишь перепряжка лошадей или же императоръ остановится и отобѣдаетъ въ Товіани, графъ Морикони съ супругой стали готовиться къ торжественному пріему.

Признаюсь, особое оживленіе, возвѣщающее о прибытіи государя и предшествующее ему, быстрая смѣна противорѣчивыхъ вѣстей, общая суета, приказы и отмѣна ихъ, движеніе курьеровъ, лакеевъ, полицейскихъ чиновъ, почтмейстеровъ, генераловъ и т. д., смѣнявшихъ другъ друга съ быстротой молніи,—все это крайне меня забавляло. Никогда я столько не смѣялась; и надо сознаться, что мои юныя подруги дружно вторили мнѣ, и достаточно было весьма немногаго, чтобы вызвать нашу веселость.

Наконецъ, 27 апрѣля 1812 года, императоръ Александръ пріѣхалъ въ Товіани около семи часовъ вечера, въ открытой коляскѣ. Онъ всегда такъ путешествовалъ въ какую бы ни было погоду, ночью, такъ же какъ и днемъ. На крыльцѣ его встрѣтилъ графъ Морикони. При видѣ этого почтеннаго старика въ формѣ мальтійскаго командора, со многими орденами,

который едва могъ стоять на ногахъ вслѣдствіе паралича, разбившаго его нѣсколько лѣтъ раньше, императоръ сейчасъ же замѣтилъ, что онъ страдаетъ, и самъ поддержалъ его съ видомъ участія и заботливости. Увидѣвъ хозяйку дома, ея двухъ племянницъ и меня, его величество въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ извинился, что онъ въ форменномъ сюртукѣ, такъ какъ не ожидалъ встрѣтить здѣсь дамъ. Затѣмъ, предложивъ руку графинѣ Мориконп, чтобы ввести ее въ гостиную, императоръ хотѣлъ поцѣловать у нея руку. Графиня Мориконп, изъ уваженія къ государю, не желала допустить такого знака почтенія, вполнѣ для нея неожиданнаго; и такъ какъ она была очень небольшого роста и, присѣдая, склонялась весьма низко, императоръ, съ своей стороны, наклонился почти до земли; и мнѣ опять очень трудно было удержаться отъ смѣха.

Графиня Мориконп представила затѣмъ своихъ двухъ племянницъ, г-жу Грабовскую (нынѣ княгиня Радзивиллъ) и г-жу Доротею Мориконп (нынѣ графиня Лопасинская) и меня. Императоръ пригласилъ дамъ сѣсть; стараго графа онъ насильно усадилъ въ кресло съ трогательной заботливостью; а самъ, стоя, сталъ говорить о Вильнѣ, высказывая самыя лестныя вещи о мѣстномъ обществѣ и о балѣ, данномъ наканунѣ его отъѣзда. Въ отвѣтъ на эти комплименты мы сочли долгомъ заговорить о Петербургѣ. Императоръ спросилъ насъ, знаемъ ли мы его, и на нашъ отрицательный отвѣтъ сказалъ: „Такъ я васъ, mesdames, приглашаю въ Петербургъ; надѣюсь, что вы найдете его соотвѣтствующимъ вашимъ ожиданіямъ.“ Онъ нѣсколько разъ повторилъ, что смущается своимъ костюмомъ въ обществѣ дамъ, и разсказалъ намъ, что нѣчто подобное случилось съ нимъ близъ Варшавы, въ Вилановѣ, старинной резиденціи короля Яна Собѣсскаго. „Я крѣпко спалъ, когда пріѣхалъ туда,“ сказалъ намъ государь: „представьте мое

удивленіе и смущеніе, когда, проснувшись, я вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ прелестными, остроумными женщинами, въ ярко освѣщенномъ замкѣ, полномъ воспоминаній о королѣ Янѣ!"

Императоръ наговорилъ много комплиментовъ г-жѣ Мориконп о ея замкѣ и паркѣ, на который онъ пожелалъ взглянуть изъ окна. Въ этотъ годъ весна такъ запоздала, что въ концѣ апрѣля не было еще и признака зелени. Обѣденный часъ уже прошелъ; но государь согласился выпить чашку чая; а когда вскорѣ доложили, что экипажи готовы, государь милостиво попросилъ г-жу Морикони не провожать его; любезно поклонившись всѣмъ провожавшимъ его, онъ сѣлъ въ экипажъ съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Толстымъ.

Признаюсь, при первомъ взглядѣ, я не особенно была поражена красотой государя. Обаяніе его заключалось, главнымъ образомъ, въ кротости выраженія открытаго, веселаго лица. Должна также откровенно сознаться, что я не могла представить себѣ государя въ *сюртукѣ*. Наконецъ, если мнѣ позволятъ сказать правду,—я нашла, что онъ недостаточно величественъ, слишкомъ любезенъ, слишкомъ заставляетъ забывать о его высокомъ положеніи. Я не могла привыкнуть къ преувеличеннымъ любезностямъ, выраженіямъ уваженія и почтенія, съ которыми онъ обращался къ женщинамъ, и которыя, въ моемъ представленіи превосходили все, что мы знаемъ объ изысканной галантности Людовика XIV. Мы узнали отъ генерала Армфельда, командовавшаго въ то время въ Финляндіи, и отъ г. Чернышева, адъютанта его величества, что императоръ вернется черезъ Товіани. Г. Чернышевъ, который, благодаря своимъ поѣздкамъ въ Парижъ и возлагавшимся на него тайнымъ порученіямъ, пользовался извѣстностью, къ которой онъ не былъ равнодушенъ,—г. Чернышевъ, казалось, обожалъ государя, котораго онъ прозвалъ „прельстителемъ."

Черезъ три дня послѣ отъѣзда его величества, пріѣхавшій изъ Шавли курьеръ привезъ письмо отъ князя Волхонскаго съ извѣщеніемъ, что его величество предполагаетъ пріѣхать на слѣдующій день вечеромъ къ графинѣ Морикони на чашку чая. Такъ какъ императоръ долженъ былъ остановиться въ Вилькомирѣ, чтобы присутствовать на смотрѣ, главный директоръ почтъ, который завѣдывалъ отводомъ помѣщеній для его величества, намекнулъ графинѣ Морикони, что было бы умѣстно предложить императору провести ночь въ Товіани, что здѣсь ему было бы гораздо удобнѣе, чѣмъ въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, грязномъ и наполненномъ евреями; онъ увѣрилъ ее, что императоръ охотно приметъ ея приглашеніе. Графиня Морикони, пожилая дама, не любившая стѣсненій этикета, притомъ страдавшая отъ застуженнаго насморка, отвѣтила, что она недостойна такой великой чести; въ то же время она тихонько ущипнула меня за руку, давая понять свою досаду. Пришлось наскоро очистить аппартаменты графини, ея племянницъ и ихъ горничныхъ, чтобы приготовить ихъ для императора. Цѣлая толпа горничныхъ, молодыхъ и старыхъ, ходили взадъ и впередъ, что-то несли и опрокидывали все, что несли; можно было помереть со смѣху, глядя на этотъ безпорядокъ. Лакей его величества приказалъ наполнить сѣномъ сафьяновый мѣшокъ, обычная постель Александра, всегда спавшаго на жесткомъ матрасѣ; при этомъ онъ съ важностью сказалъ намъ, что императоръ никогда не допуститъ, чтобы изъ-за него безпокоились, и сталъ насъ увѣрять, что ему будетъ *слишкомъ хорошо*. Въ сумерки, въ то время, когда въ домѣ зажигали огни, я увидѣла въ окно толпу мужиковъ и бабъ, которые, послѣ дневныхъ работъ, возвращались въ свои скромныя избы и пѣли печальныя литовскія пѣсни... Простота, спокойствіе этихъ добрыхъ людей представляли поразительную противоположность волненію, царившему

въ замкѣ; я это замѣтила графинѣ Морикони, вдовѣ генерала того же имени, очень достойной особѣ, благоволившей тогда относиться ко мнѣ, какъ къ своей пріемной дочери. Въ то время, какъ мы спокойно бесѣдовали, намъ доложили, что ѣдетъ императоръ. Хозяйка дома прибѣжала, запыхавшись; мы усадили ее на минуту, чтобы дать передохнуть, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ пошли встрѣчать императора. На этотъ разъ Александръ былъ въ вышитой золотомъ генеральской формѣ, съ перевязью; это уже не былъ *государь въ сюртукѣ*. Онъ остановился переодѣться на фермѣ, принадлежащей къ замку. Государь, вспомнивъ про нездоровье г-жи Морикони, участливо спросилъ, какъ она себя чувствуетъ, и каждой изъ насъ сказалъ привѣтливое слово. Онъ сказалъ намъ, что онъ торопился, чтобы поспѣть къ обѣду въ Товіани, но дурныя дороги задержали его. Тогда г-жа Морикони, которую мы толкали, осмѣлилась просить императора сдѣлать ей честь—остаться ночевать въ замкѣ. Государь объявилъ, что ни за что не захочетъ до такой степени затруднять ее, что помѣщеніе въ Вилькомирѣ уже готово и т. д. За этимъ пошли новыя просьбы; ибо ясно было, что отказъ вызывался лишь чувствомъ деликатности. Мы призвали на помощь графа Толстого, который, узнавъ, что онъ сродни г-жѣ Морикони черезъ бракъ его дочери съ княземъ Любомірскимъ, племянникомъ графини, тотчасъ обратился къ императору тѣмъ фамильярнымъ тономъ, который онъ себѣ дозволялъ съ нимъ: „Ваше величество, согласитесь остаться здѣсь, такъ какъ это я, въ качествѣ родственника, являюсь здѣсь хозяиномъ!“ Императоръ былъ, видимо, удивленъ, и Толстой поспѣшилъ объяснить ему это родство. Тогда, обратившись къ графинѣ Морикони, государь сказалъ: „Графиня, я къ вашимъ услугамъ; но умоляю васъ не безпокоиться для меня.“ Графъ Толстой вышелъ, чтобы послать курьера въ Вилькомиръ къ военному министру Бар-

клай де Толли. Когда всѣ усѣлись въ кругъ, императоръ спросилъ у графини Морикони, не употребляетъ ли она очень извѣстное въ Петербургѣ средство отъ кашля, прибавивъ, что, если средства этого у нея нѣтъ, его докторъ можетъ достать его. Возвратившійся въ гостиную графъ Толстой сталъ увѣрять, что онъ берется вылѣчить отъ насморка лепешками изъ придорожника. Императоръ пошутилъ надъ его медицинскими познаніями, прибавивъ, что надо остерегаться его совѣтовъ. „Какъ! ваше величество,“ возразилъ Толстой, „я давалъ этихъ лепешекъ вашей maman; императрица-мать только этимъ и лѣчится отъ насморка, и очень одобряетъ это средство.“

Императоръ сталъ затѣмъ говорить о своей поѣздкѣ по Литвѣ, о нѣсколькихъ красивыхъ мѣстностяхъ по Нѣману, о земледѣліи вообще и т. д. Вдова Морикони, по-моему, съ успѣхомъ поддерживала разговоръ; мы нѣсколько разъ обмѣнялись взглядами, и по глазамъ было видно, какое я испытывала удовольствіе. Императоръ сказалъ ей нѣсколько комплиментовъ по поводу ея агрономическихъ познаній. Императоръ спросилъ затѣмъ, не занимаемся ли мы музыкой; графиня Морикони отвѣтила, что племянница ея поетъ. Государь выразилъ желаніе послушать ее. Всѣ встали, и Александръ сталъ около фортепіано. М-lle Доротея сказала ему, что она отъ страха съ трудомъ переводитъ дыханіе. „Умоляю васъ,“ сказалъ государь, „забудьте, что около васъ императоръ.“ Въ то время, какъ она пѣла, Александръ перевертывалъ страницы и, по окончаніи аріи, онъ обратился къ ней съ лестными комплиментами о ея талантѣ. Потомъ онъ спросилъ меня, занимаюсь ли я также музыкой. Но я поспѣшила отвѣтить, что у меня самыя заурядныя способности.

Императоръ долго говорилъ о музыкѣ и пѣніи, упомянулъ о г-жѣ Фраккъ, метода которой нравилась ему болѣе, чѣмъ голосъ, который, впрочемъ, былъ очень красивъ и обширенъ

о Ромбергѣ, Родѣ, Стейбельтѣ, авторѣ оперы „Ромео и Джульетта,“ которой я осмѣлилась открыто предпочесть оперу Цингарелли и т. д. Государь жаловался, что императрица Екатерина никогда не хотѣла дозволить ему учиться игрѣ на скрипкѣ, несмотря на его любовь къ этому инструменту: государыня справедливо боялась для своего внука потери времени, которую неизбѣжно влекутъ за собой музыкальныя занятія. Императоръ сообщилъ намъ также, что въ Петербургѣ постомъ даются только концерты, а баловъ не бываетъ: „У насъ обряды,“ сказалъ онъ, „строже, чѣмъ у васъ.“ Онъ попросилъ затѣмъ м-lle Доротею спѣть національную пѣснь,— если она не сочтетъ эту просьбу *злоупотребленіемъ ея терпѣнія.*

Между тѣмъ пріѣхалъ князь Волхонскій и г. Вилье. Императоръ сталъ шутить по поводу того, что они запоздали, и сказалъ, что они путешествовали, какъ черепахи. „Хорошо императору смѣяться надъ нами“, сказалъ мнѣ князь: „онъ беретъ на подставахъ лучшихъ лошадей, а намъ оставляетъ только плохихъ“. „Знаете, Вилье“, сказалъ Александръ своему доктору, „Толстой посягаетъ на ваши права и дерзаетъ давать совѣты“. Удивленный англичанинъ ничего не понялъ изъ этой рѣчи; за этимъ послѣдовало объясненіе въ видѣ пріятнаго шутливаго разговора. Въ то время, какъ моя пріятельница пѣла, я разговаривала съ новоприбывшими, о которыхъ никто не думалъ, такъ какъ всѣ были заняты однимъ лишь императоромъ. Когда я подошла къ фортепіано, я услышала, что бесѣда ведется на иностранныхъ языкахъ, при чемъ императоръ утверждалъ, что̀ однѣ польки знаютъ нѣсколько языковъ, и прибавилъ что онъ очень любитъ и понимаетъ польскій языкъ. Я тогда сказала, что великій князь Константинъ, говорятъ, прекрасно читаетъ и даже пишетъ по-польски. „Да“, отвѣчалъ императоръ, „мой братъ этимъ хвастается; но *писаній* его я не видалъ, а говоритъ онъ по-польски не совсѣмъ правильно“.

Зашла также рѣчь о близости русскаго и польскаго языковъ, о сходствѣ нѣсколькихъ словъ; императоръ, улыбаясь, заставилъ меня повторить русское слово, которое я дурно выговаривала.

Черезъ нѣкоторое время Александръ пожелалъ удалиться, говоря, что онъ не хочетъ долѣе безпокоить насъ, что мы, вѣрно, желаемъ отдохнуть. Такъ какъ, при всемъ желанiи, никто не смѣлъ удерживать императора, я воскликнула: „Ваше величество, вѣрно, считаетъ насъ совсѣмъ провинцiалками"? Добрый государь засмѣялся и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ: „Нѣтъ, я, конечно, этого не думаю; но я думаю, что въ деревнѣ благоразумно ложиться рано". Толстой пришелъ сказать ему нѣсколько словъ на ухо; дѣло шло объ ужинѣ. Императоръ спросилъ графиню Морикони, имѣетъ ли она обыкновенiе ужинать, и на утвердительный ея отвѣтъ сказалъ: „Я не ужинаю, но я буду сообразоваться съ обычаями дома". Разговаривая со вдовой Морикони, онъ пожелалъ узнать, проводить ли она зиму въ городѣ или въ деревнѣ. Она отвѣтила, что раньше она жила зимой въ Вильнѣ, но что теперь обстоятельства всѣхъ заставляли сокращать расходы. „Да", замѣтилъ государь, *„и будущее внушаетъ еще больше опасенiй"*. Фраза эта заставила насъ призадуматься. „Поэтому", прибавила г-жа Морикони, „я завидую моей семьѣ, которая имѣетъ счастье жить въ глубинѣ Бѣлоруссiи".—*„Конечно, это дальше отъ границъ;* но я еще надѣюсь, что все уладится".—„Дай Богъ"! сказала графиня.

Подали ужинъ. Императоръ предложилъ руку хозяйкѣ дома, чтобы перейти въ столовую, которая, такъ же какъ и столъ, была украшена цвѣтами. Онъ отказался занять приготовленное ему *почетное мѣсто* и, съ очаровательной живостью переставляя приборы, сказалъ: „Я васъ прошу, позвольте

мнѣ быть простымъ смертнымъ,—я тогда такъ счастливъ".— „Это отдыхъ для вашего величества", сказала вдова Мориконн. Императоръ сѣлъ между этихъ двухъ дамъ и услуживалъ имъ. Поднявъ стаканъ венгерскаго вина, онъ выпилъ за здоровье хозяйки, говоря: „Вѣдь, это по-польски называется have wino (старое вино)?"

Государь увѣрялъ также, что онъ и его три спутника дѣлали честь ужину, и, указавъ на князя Волхонскаго, замѣтилъ: „Вотъ великій ѣдокъ, посмотрѣть, какъ онъ ѣстъ, не подумаешь, что онъ уже обѣдалъ".—Князь Волхонскій сказалъ мнѣ съ нѣкоторой досадой: „Хорошъ обѣдъ! Яйцо и полъ-цыпленка"! —„Да", прибавилъ графъ Толстой", императоръ никогда не хочетъ брать во время своихъ путешествій ни поваровъ, ни провизіи; онъ довольствуется той ѣдой, которая попадается въ пути". И затѣмъ, обратившись къ Александру, онъ воскликнулъ: „Что же, ваше величество, вы сожалѣете, что остались здѣсь, вмѣсто того, чтобы отправиться въ вашъ противный Вилькомиръ"?—„Нѣтъ, не жалѣю", отвѣчалъ императоръ, „я давно уже не проводилъ такого пріятнаго вечера". Такъ какъ присутствующіе восхищались памятью государя, съ изумительной точностью помнившаго названіе всѣхъ лицъ и мѣстностей, имъ посѣщенныхъ въ различныя его поѣздки по Литвѣ, государь сказалъ: „Мнѣ поневолѣ приходится имѣть память за оберъ-гофмаршала и за себя, потому что у него-то ея совсѣмъ нѣтъ. Когда онъ мнѣ о комъ-нибудь разсказываетъ, онъ всегда говоритъ: „Ваше величество, вы знаете, это такой-то", и затѣмъ сочиняетъ цѣлую исторію". Маршалъ съ этимъ согласился. Я захотѣла испытать его и стала распрашивать о послѣднемъ его путешествіи. „Я не помню", сказалъ онъ, „но я спрошу у государя". И онъ такъ и сдѣлалъ.

Послѣ ужина Александръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не потому ли Толстой такъ долго разговаривалъ со мной, что

онъ хочетъ тоже быть моимъ врачемъ. Въ самомъ дѣлѣ, я замѣтила, что императоръ наблюдалъ за нами при помощи маленькой лорнетки, которую онъ всегда пряталъ въ рукавѣ своего мундира и часто терялъ. Я отвѣтила, что, наоборотъ, это я испытывала терпѣніе и, въ особенности, память оберъ-гофмаршала. „По какому же поводу"? —„Да по поводу его путешествія, и, къ сожалѣнію, онъ все ошибался".—„О! никто не способенъ на такое чудо, чтобы заставить его что-либо помнить", сказалъ императоръ.

Передъ тѣмъ, какъ удалиться, государь отвелъ въ сторону графиню Мориконн, говоря, что у него къ ней большая просьба. Вступленіе это очень насъ заинтересовало. Александръ хотѣлъ чтобы никто на слѣдующее утро не безпокоился провожать его. Г-жа Мориконн настаивала, но государь съ поклонами удалился. Мы попросили тогда у графа Толстого и князя Волхонскаго разрѣшенія ослушаться государя. Господа эти отвѣтили, что они не берутъ это на себя, но что они сейчасъ же обратятся за разрѣшеніемъ къ императору. Государь вернулся и сталъ увѣрять, что у него будетъ на совѣсти, если графиня Мориконн, уже и такъ простуженная, встанетъ рано утромъ. Она сказала, что чувство неисполненнаго долга гораздо болѣе отяготитъ ее; а я прибавила, что мы готовы подвергнуться послѣдствіямъ нашего непослушанія. M-lle Доротея Мориконн, съ своей стороны, сказала, что мы встанемъ раньше вилькомирскихъ солдатъ. Мы говорили всѣ заразъ. Императоръ поочереди смотрѣлъ на насъ своимъ выразительнымъ взглядомъ, улыбался, мило выражалъ на своемъ лицѣ нетерпѣніе, уходилъ, возвращался; всѣ эти переговоры, казалось, забавляли его, и во всѣхъ его движеніяхъ было много живости и граціи. Наконецъ, поцѣловавъ у насъ руку, онъ удалился въ свои покои. На слѣдующее утро, въ шесть часовъ, мы всѣ собрались въ гостиной, устремивъ взоры на дверь.

изъ которой долженъ былъ выйти государь. Она вскорѣ растворилась, и на порогѣ появился императоръ. Въ эту минуту у него былъ очень величественный видъ... Съ движеніемъ, полнымъ достоинства и граціи, онъ подошелъ къ хозяйкѣ дома: „Графиня“, сказалъ онъ, „я долженъ сдѣлать вамъ упрекъ. Вы приняли меня не какъ друга и стараго знакомаго; вы для меня обезпокоились и выселились изъ своихъ комнатъ. Вы по-истинѣ приняли меня слишкомъ хорошо“.—Затѣмъ императоръ спросилъ, когда мы встали. „Въ два часа“, отвѣчали мы. Онъ покачалъ головой. Вдова Морикони сказала его величеству, что впечатлѣнія вечера разогнали сонъ. Передъ отъѣздомъ императоръ опять обратился съ разными любезностями къ графинѣ Морикони, просилъ помнить его и предложилъ ей свои услуги въ Вильнѣ. Онъ не хотѣлъ, чтобы его провожали; но какъ только онъ вышелъ, мы послѣдовали за нимъ до крыльца, гдѣ онъ скрылся за колонны, чтобы надѣть свою шинель.

Императоръ вскочилъ въ коляску и долженъ былъ самъ прибрать цѣлую гору свертковъ, мѣшавшихъ ему сѣсть. Онъ это исполнилъ съ веселымъ видомъ, поджидая оберъ-гофмаршала, который, наконецъ, явился и усѣлся рядомъ съ его величествомъ, послѣ того, какъ, зацѣпившись руками за подкладку сюртука, онъ съ трудомъ натянулъ его на себя. Этотъ неожиданный инцидентъ заставилъ насъ смѣяться до упаду, даже послѣ отъѣзда его величества.

Александръ оставилъ тысячу рублей для прислуги. Узнавъ, что приходскій священникъ ожидалъ императора при его проѣздѣ, мы пошли къ нему въ село. Добрый старикъ вышелъ къ намъ навстрѣчу и съ умиленіемъ разсказалъ намъ, что императоръ, увидѣвъ, что онъ выходилъ изъ церкви въ облаченіи и съ крестомъ, велѣлъ остановить лошадей и, соскочивъ на землю, подошелъ къ нему приложиться къ кресту, который онъ поцѣловалъ съ благоговѣніемъ. Когда священникъ хотѣлъ

поцѣловать у него руку, онъ ее тотчасъ отдернулъ, поцѣловалъ руку у священника и уѣхалъ, осыпанный его благословеніями.Это простое, но столь трогательное проявленіе благочестія и уваженія къ старости растрогало меня до слезъ.

Читатель, быть можетъ, подумаетъ, что удовольствіе, вызываемое воспроизведеніемъ дорогихъ мнѣ воспоминаній увлекло меня въ слишкомъ длинныя и мелкія подробности. Но для того, чтобы описать лицъ, сыгравшихъ важную роль на великой міровой сценѣ и оставившихъ среди людей чтимое имя,—недостаточно напомнить ознаменовавшія ихъ великія дѣянія; надо, такъ сказать, шагъ за шагомъ слѣдовать за ними въ ихъ частной жизни; здѣсь-то человѣкъ выказывается въ истинномъ своемъ свѣтѣ! Почему насъ такъ очаровываютъ историческіе романы Вальтеръ Скотта, который съ такимъ удивительнымъ искусствомъ часто ведетъ насъ изъ одной комнаты и будуара въ другія,—вплоть до спальной своихъ героевъ и героинь? Потому что онъ мысленно переноситъ насъ къ тѣмъ лицамъ, дѣйствія которыхъ онъ описываетъ; и иллюзія такова, что намъ кажется, что мы ихъ видимъ и разговариваемъ съ ними. Почему всѣ такъ любятъ мемуары и цѣнятъ ихъ? опять таки потому, что въ мемуарахъ описывается масса подробностей и обстоятельствъ, не допускаемыхъ строгимъ тономъ исторіи.

Въ ту эпоху, о которой я говорю, императору Александру было тридцать пять лѣтъ, но онъ казался несравненно моложе. Я помню, когда я спросила графа Толстого, какъ можетъ императоръ переносить столь утомительныя путешествія, онъ сказалъ: „Взгляните на него, и вы перестанете удивляться“. Несмотря на правильность и нѣжность его очертаній, несмотря на блескъ и свѣжесть его цвѣта лица, красота его, при первомъ взглядѣ, поражала не такъ, какъ выраженіе привѣтливости, привлекавшее къ нему всѣ сердца и сразу внушавшее довѣріе. Его благородная, высокая и величественная фигура,

часто наклоненная съ той граціей, которая отличаетъ позу античныхъ статуй, въ то время проявляла склонность къ излишней полнотѣ; но онъ былъ сложенъ прекрасно. У него были живые, умные глаза цвѣта безоблачнаго неба.

Онъ былъ нѣсколько близорукъ, но умѣлъ очаровывать улыбкой глазъ, если можно такъ опредѣлить выраженіе его привѣтливаго и кроткаго взора. Носъ у него былъ прямой и правильной формы, ротъ небольшой и очень пріятный; окладъ лица округленный, такъ же, какъ и профиль, очень напоминавшій профиль его красивой августѣйшей матери. Его плѣшивый лобъ, придававшій всему лицу его открытое спокойное выраженіе, золотисто свѣтлые волосы, тщательно зачесанные, какъ на красивыхъ головахъ камей или античныхъ медалей,—казалось, были созданы для тройного вѣнца изъ лавра, мирта и оливъ. Въ его тонѣ и манерахъ проявлялось безчисленное количество различныхъ оттѣнковъ. Если онъ обращался къ лицамъ высокаго положенія, тонъ его былъ полонъ достоинства и въ то же время привѣтливъ. Къ лицамъ своей свиты онъ обращался съ почти фамильярной добротой; къ пожилымъ дамамъ—съ почтеніемъ; къ молодымъ особамъ—съ безграничной граціей, съ тонкимъ, чарующимъ взглядомъ, полнымъ выраженія. Въ ранней молодости государь, къ сожалѣнію, испортилъ себѣ слухъ отъ сильнаго выстрѣла артиллерійскаго снаряда; съ тѣхъ поръ онъ всегда плохо слышалъ лѣвымъ ухомъ и, чтобы разслышать, наклонялся направо. Странно то, что чѣмъ болѣе было шума вокругъ, тѣмъ лучше императоръ слышалъ. Ни одинъ живописецъ не сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, запечатлѣть черты его лица и, въ особенности, выраженіе его тонкой физіономіи. Впрочемъ, Александръ не любилъ, чтобы писали его портретъ, и это обычно дѣлалось украдкой. Болѣе счастливый, чѣмъ его собратья, знаменитый Жераръ получилъ отъ императора Александра нѣсколько сеансовъ. Въ портретѣ этого государя,

какъ и во всѣхъ своихъ шедеврахъ, онъ выказалъ большой талантъ, хорошую кисть; и все-таки, это еще не Александръ. Жераръ хотѣлъ придать ему видъ завоевателя, воинственный видъ, который не согласовался съ кроткими чертами умиротворителя Европы, государя, который хотѣлъ не побѣдить, а возстановить французскую монархію. Жерару удалось сдѣлать лишь прекрасную картину. На этотъ разъ скульптура одержала верхъ надъ своей сестрой живописью; и мы видѣли бюстъ Александра, исполненный берлинскимъ художникомъ, не оставляющій желать ничего лучшаго. Торвальдсенъ тоже сдѣлалъ бюстъ этого государя,—бюстъ, который, говорятъ, достоинъ рѣзца этого великаго художника.

ГЛАВА V.

Нарбоннъ. Празднества, данныя въ Вильнѣ въ честь императора Александра. Различные эпизоды.

Вскорѣ послѣ возвращенія императора Александра въ Вильну туда прибылъ графъ Нарбоннъ, посланный Наполеономъ, повидимому, не столько чтобы избѣжать разрыва или обезпечить сближеніе, какъ для того, чтобы украдкой бросить взглядъ на положеніе русской арміи, ея силы, планы и т. д. Свѣтскій человѣкъ, любящій удовольствія, пріятный, блестящій, но непостоянный умъ, стыдившійся тѣхъ различныхъ пріемовъ, которымъ онъ слѣдовалъ, и самой роли, которую онъ игралъ, чуждый того апломба, той важности взглядовъ, которые притомъ и несвойственны фальшивымъ положеніямъ, — графъ Нарбоннъ не годился для дипломатической миссіи. Въ молодости онъ началъ съ того, что былъ въ свитѣ принцессъ изъ королевскаго дома, которыя осыпали его милостями и неоднократно приходили ему на помощь, ибо склонный къ расточительности онъ не имѣлъ состоянія. Въ эпоху революціи Нарбоннъ выказалъ неблагодарность по отношенію къ этимъ принцессамъ. Увлеченный г-жей Сталь и нѣсколькими другими лицами, онъ воспринялъ революціонныя идеи. Будучи министромъ Людовика XVI въ то время, когда этотъ государь былъ королемъ лишь по названію, Нарбоннъ принялъ мѣры противъ

иностранныхъ войскъ, прибывшихъ на помощь Людовику. Подозрительный для революціонной партіи, такъ же какъ презираемый роялистами, онъ покинулъ Францію въ періодъ террора.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитаній, онъ вернулся въ свое отечество въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ взялъ въ руки бразды правленія. Цѣною долгихъ хлопотъ и просьбъ, графъ Нарбоннъ получилъ отъ Наполеона сначала мѣсто министра въ Мюнхенѣ, затѣмъ генералъ-адъютанта. Наполеонъ при этомъ остановилъ свой выборъ на Нарбоннѣ, такъ какъ среди этого двора, пропитаннаго военнымъ духомъ, быть можетъ, онъ одинъ сохранилъ прежній этикетъ и пріемы обращенія; и поэтому онъ одинъ былъ достоинъ, чтобы его выслушалъ государь просвѣщенный и вѣжливый, какимъ былъ Александръ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на изящную легкость своей рѣчи, Нарбоннъ въ аудіенціи, которую далъ ему Александръ, не могъ привести ни единаго аргумента въ пользу своего повелителя.

Государь такъ ясно, съ такимъ благороднымъ краснорѣчіемъ изобразилъ умѣренность своего образа дѣйствій, свои справедливыя обиды, невозможность согласовать сдѣланныя ему предложенія съ честью своей короны, съ интересами имперіи и со своимъ желаніемъ избѣжать пролитія человѣческой крови,— что Нарбоннъ, ослѣпленный, смущенный, ничего не могъ возразить на эту рѣчь. Послѣ аудіенціи онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей: „Императоръ стоялъ на твердой почвѣ, въ разсужденіяхъ его столько логики и силы, что мнѣ оставалось сказать лишь нѣсколько банальныхъ придворныхъ фразъ“.

Въ тотъ же день Нарбоннъ присутствовалъ на большомъ смотру и обѣдалъ у императора, который велѣлъ передать ему богатый подарокъ, ящикъ, осыпанный брилліантами и украшенный его портретомъ. Желая переговорить съ поляками,

къ которымъ у него были письма, Нарбоннъ хотѣлъ продолжить свое пребываніе въ Вильнѣ. Но на слѣдующій день послѣ аудіенціи императоръ прислалъ ему съ дворецкимъ самыя изысканныя яства на дорогу; вслѣдъ за тѣмъ графъ Кочубей и графъ Нессельроде сдѣлали ему прощальные визиты. Послѣ этого Нарбоннъ почувствовалъ, что уже не можетъ откладывать долѣе своего отъѣзда, тѣмъ болѣе, что курьеръ императора пришелъ доложить ему, что почтовыя лошади заказаны къ шести часамъ вечера. Чувство глубокаго восхищенія Александромъ, изумленіе при видѣ выдержки и силъ русской арміи,--вотъ что вынесъ Нарбоннъ изъ этого посольства.

Вскорѣ я узнала въ Товіани, что государь соблаговолилъ назначить фрейлинами при императрицахъ дѣвицъ Доротею Мориконі, Марію Грабовскую и меня, а также двухъ молодыхъ особъ, въ то время находившихся въ Вильнѣ, а именно дѣвицъ Гедрой и Вильхонскую. Императоръ самъ передалъ моему отцу три футляра съ брилліантовыми значками, изображавшими соединенные шифры императрицы-матери и императрицы Елизаветы; при этомъ государь любезно указалъ ему на то, что онъ этимъ уплачиваетъ долгъ Товіанскаго гостепріимства. Мой отецъ пріѣхалъ тогда за мной, чтобы везти меня въ Вильну.

На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда я отправилась въ церковь, гдѣ императоръ долженъ былъ присутствовать при богослуженіи. Былъ воскресный день. Въ церкви собралось многочисленное, блестящее общество. Я въ первый разъ присутствовала при торжественномъ православномъ богослуженіи. Я нашла, что облаченіе архимандритовъ, *) ихъ широкія фіолетовыя мантіи, длинные, распущенные волосы, спускавшіеся на грудь, вол-

*) Такъ сказано въ оригиналѣ.

нистыя бороды, наполнявшее церковь благоуханіе ладана, золоченыя двери, которыя въ опредѣленные службой моменты открывались и закрывались,—все это подходило къ величественности христіанскаго богослуженія. Въ особенности, пѣніе безъ инструментальнаго аккомпанимента поразило меня красотою своей божественной простоты. Пѣла петербургская императорская капелла. Въ этотъ самый день, въ то время, какъ мой отецъ обѣдалъ при дворѣ, оберъ-гофмаршалъ подошелъ къ нему и сказалъ: „Ваша дочь будетъ ли дома сегодня вечеромъ? Императоръ предполагаетъ посѣтить ее и даже написалъ императрицѣ, что онъ сдѣлаетъ визитъ одной фрейлинѣ. И возможно,—прибавилъ, смѣясь, графъ Толстой,—что императоръ при этомъ не принялъ въ расчетъ хозяина дома“. Тогда отецъ написалъ мнѣ карандашемъ записку, чтобы предупредить меня и послалъ ко мнѣ придворнаго курьера.

Императоръ пріѣхалъ около семи часовъ вечера, въ дрожкахъ. Отецъ мой встрѣтилъ императора внизу, на лѣстницѣ; я приняла его у двери прихожей и въ краткихъ словахъ выразила, какъ я счастлива, что государь соблаговолилъ предупредить своимъ посѣщеніемъ выраженія моей почтительной благодарности. Императоръ сталъ увѣрять, что мнѣ не за что благодарить его; что, наоборотъ, онъ благодаритъ меня за все мое вниманіе къ нему въ Товіани, и добавилъ, что онъ явился, чтобы выразить мнѣ свое *нижайшее почтеніе*. Я привожу эти слова, чтобы дать понятіе о свойственномъ этому государю рыцарскомъ обращеніи. Входя въ гостиную, государь потребовалъ, чтобы я сѣла на диванъ; самъ онъ взялъ стулъ и положилъ шляпу на полъ.

Такъ какъ мой отецъ продолжалъ стоять, несмотря на обращенное къ нему его величествомъ приглашеніе сѣсть,—государь вдругъ всталъ со словами: „Если вы не сядете, графъ, я тоже буду стоять“.

Мой отецъ повиновался.

Императоръ сталъ говорить о Товіани и, смѣясь, сказалъ моему отцу, что я обвинила его въ томъ, что онъ будто бы принялъ меня за провинціалку. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ тономъ просьбы, тогда какъ онъ могъ приказать, и спросилъ, не пріѣду ли я въ Петербургъ? Такъ какъ я опустила глаза, не отвѣчая на это нѣсколько смутившее меня предложеніе, государь, продолжая, сказалъ тономъ столь плѣнительной мягкости „Такъ развѣ это невозможно?“—„Ваше величество“, отвѣчала я наконецъ, „я сочту это за счастье“.

„Въ данный моментъ“, продолжалъ императоръ, „не время пріѣзжать въ Петербургъ. Но я надѣюсь, что вы пріѣдете позднѣе, и мы постараемся какъ можно лучше принять васъ и доставить вамъ разныя развлеченія“. Государь очень хвалилъ окрестности Вильны; и такъ какъ я говорила о красивыхъ загородныхъ домахъ въ окрестностяхъ Петербурга и о красотѣ Невы, государь сказалъ: „Да, искусство все у насъ сдѣлало, чтобы побѣдить природу; вѣдь, Петербургъ расположенъ среди дикихъ болотъ. Мы все покажемъ вамъ когда вы пріѣдете. У насъ ужасный климатъ, прибавилъ онъ: когда у насъ въ сезонѣ наберется пятнадцать хорошихъ дней, мы говоримъ, что лѣто было чудное“. Императоръ сообщилъ мнѣ, что онъ только что пріобрѣлъ имѣніе генерала Бенингсена, Закретъ, въ полуверстѣ отъ города; что онъ теперь виленскій гражданинъ и пріобрѣлъ право носить мѣстный мундиръ. Я осмѣлилась выразить сожалѣніе, что государь не пріобрѣлъ Верки, старинную, красивую резиденцію виленскаго епископа, князя Массальскаго; его обширный замокъ, лучшей итальянской архитектуры, расположенъ на лѣсистой горѣ, откуда открывается обширный видъ на окрестныя деревни, на Вильну, отстоящую отъ него на разстояніи одной мили, и на протекающую у подножія горы Вилію. Императоръ отвѣтилъ, что такая при-

хоть стоила бы слишкомъ дорого для него, и прибавилъ къ этому другую шутку,—что имѣніе это долженъ бы пріобрѣсти мой отецъ. Графъ возразилъ, что онъ отецъ семейства. „Такъ что же“, отвѣчалъ государь, „тѣмъ болѣе: вы дадите это имѣніе вашей дочери, которая будетъ тамъ хозяйничать, и это будетъ прелестно“.

Разговоръ скоро принялъ болѣе серьезный оборотъ: онъ перешелъ на политическія темы. Не высказываясь по вопросу о современныхъ обстоятельствахъ, императоръ сталъ увѣрять, что намѣренія его самыя миролюбивыя; что, во всякомъ случаѣ, онъ рѣшилъ не предпринимать враждебныхъ шаговъ; наконецъ, что счастье его подданныхъ всего ему дороже, и что бѣдствія настоящаго времени доставляютъ ему много страданій. Мой отецъ сказалъ, что литовцы сожалѣютъ, что эти несчастныя обстоятельства не позволяютъ имъ высказать всю ихъ преданность его величеству; всѣ они знаютъ, что императоръ хочетъ быть отцомъ своихъ подданныхъ. Императоръ ласково отвѣтилъ, что онъ постарается оправдать снисходительное о немъ мнѣніе.

Уѣзжая Александръ со свойственной ему преувеличенной милой любезностью извинился передо мной, что онъ докучалъ мнѣ и злоупотребилъ моимъ терпѣніемъ. Мои подруги изъ Товіани тоже ѣздили въ Вильну благодарить государя, который сдѣлалъ имъ визитъ въ моемъ присутствіи. Вспоминаю одну фразу императора, которая произвела большую сенсацію среди поляковъ его свиты, узнавшихъ о ней черезъ меня: быть можетъ, они дали ей другое истолкованіе, чѣмъ то, которое имѣлъ въ виду государь. Подали чай; государь взялъ хрустальный кубокъ со сливками и подалъ его дамамъ. Когда настала моя очередь, онъ спросилъ, сколько мнѣ налить сливокъ. „Ваше величество, я пью чай по-англійски,“ отвѣчала я. „Лучше бы по-польски,“ сказалъ Александръ со свойственнымъ ему тонкимъ взглядомъ.

Въ то время въ Вильнѣ занимались подготовленіемъ къ празднеству въ императорскомъ домѣ, въ Закретѣ. Надъ нашими головами готова была разразиться гроза; и между тѣмъ всѣ безпечно думали лишь объ удовольствіяхъ и о томъ, какое счастье имѣть Александра въ Вильнѣ. Мы не только не предвидѣли его отъѣзда и приближенія къ Нѣману наполеоновскихъ войскъ, но мы не знали даже, что французы уже прошли черезъ Германію. Въ Литву не пропускали никакихъ вѣстей; никогда еще политика не была окутана столь непроницаемой завѣсой.

Въ саду Закрета строили для танцевальнаго зала окруженную колоннами длинную открытую галлерею; въ полукругѣ ея предполагалось устроить обширный лугъ, усѣянный цвѣтами. Работа эта поручена была казенному архитектору, профессору Шульцу. Мой отецъ, будучи въ Закретѣ, замѣтилъ архитектору, что глубина фундамента не соотвѣтствуетъ высотѣ галлереи и толщинѣ колоннъ. Шульцъ сознался, что замѣчаніе это вполнѣ справедливо; но онъ сказалъ, что недостатокъ этотъ онъ исправитъ, соединивъ верхнюю часть колоннады съ срубомъ крыши. На слѣдующій день вся галлерея обрушилась со страшнымъ трескомъ. По счастью, это случилось въ обѣденный часъ рабочихъ; тѣмъ не менѣе, одинъ изъ нихъ былъ раздавленъ при обвалѣ. Обезумѣвъ при этомъ зрѣлищѣ и, быть можетъ, опасаясь, что его заподозрятъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ французами, не довѣряя снисходительности государя, несчастный Шульцъ бѣжалъ. За нимъ бросились въ погоню по его слѣдамъ; но нашли лишь его шляпу на берегу рѣки: несчастный утопился! Въ самомъ дѣлѣ, какой страшной катастрофой кончилось бы это событіе, случись оно дня на два позднѣе, во время бала.

Государь, вся его военная свита, командовавшіе войсками генералы, много извѣстныхъ лицъ,—неизбѣжно погибли бы

при этомъ ужасномъ крушеніи. Французы, не обнаживъ своихъ шпагъ, выиграли бы цѣлую кампанію.

Тѣмъ не менѣе, празднество въ Закретѣ состоялось. Я никогда не видала такого великолѣпнаго праздника и такихъ веселыхъ прощаній; ибо, кромѣ посвященныхъ въ тайну лицъ никто не могъ еще предвидѣть, что балъ этотъ будетъ сигналомъ отъѣзда государя и отступленія русскихъ войскъ.

Въ восемь часовъ вечера всѣ собрались въ паркѣ Закрета. Вечеръ былъ прелестный, небо слегка заволакивало облаками какъ бы для того, чтобы предохранить насъ отъ жаркаго солнца. Дамы въ покрытыхъ цвѣтами, элегантныхъ туалетахъ усѣлись въ кругъ на паркетной площадкѣ, на лужайкѣ, занимавшей мѣсто галлереи и украшенной благоухающими померанцами.

Толпа лицъ, привлеченныхъ любопытствомъ и, въ особенности, желаніемъ созерцать своего государя, разбилась на отдѣльные кружки. Со всѣхъ сторонъ, въ различныхъ мѣстахъ парка раздавались гармоничные звуки духовыхъ инструментовъ: это музыканты императорской гвардіи играли избранные номера. Блестящее собраніе разряженныхъ женщинъ, военныхъ въ богатыхъ мундирахъ и орденахъ съ алмазами; разсыпавшаяся на зеленой лужайкѣ огромная толпа, пестрѣвшая разнообразными и блестящими цвѣтами своихъ одеждъ, старыя деревья, образовывавшія обширныя пространства зелени; рѣка Вилія, отражавшая въ своемъ извилистомъ теченіи и лазурное небо, и розоватые оттѣнки солнечнаго заката; лѣсистыя вершины горъ, исчезавшія въ туманномъ горизонтѣ,—все представляло чудную картину. Но вотъ появился государь... и всѣ взоры сосредоточились на немъ одномъ.

Государь былъ въ этотъ день въ формѣ Семеновскаго полка, съ отворотами небесно-голубого цвѣта, который удивительно шелъ къ нему. Государь обошелъ кругъ дамъ, ко-

торымъ онъ не позволилъ вставать даже тогда, когда онъ къ нимъ обращался; затѣмъ онъ вступилъ въ разговоръ съ нѣкоторыми изъ присутствующихъ мужчинъ. Дамъ пригласили освѣжиться прохладительными напитками; затѣмъ государю предложили открыть балъ на площадкѣ, чтобы собравшаяся толпа могла насладиться этимъ зрѣлищемъ. Со свойственной ему любезностью государь согласился и пригласилъ на полонезъ г-жу Бенингсенъ, исполнявшую роль хозяйки бала; затѣмъ онъ танцовалъ съ г-жей Барклай де Толли, потомъ со мной и при звукахъ музыки мы поднялись въ главную танцевальную залу, обширную и ярко освѣщенную.

Я не стану повторять здѣсь всѣ комплименты, съ которыми государь соблаговолилъ обратиться ко мнѣ, такъ же какъ ко всѣмъ присутствующимъ дамамъ: подробности эти заняли бы слишкомъ много мѣста, безграничная галантность государя не поддается описанію. Никто въ такой степени не обладалъ искусствомъ придать граціозный оборотъ самымъ обыкновеннымъ выраженіямъ и удивительнымъ тактомъ, проистекавшимъ не только отъ находчивости, но и отъ рѣдкой сердечной доброты. Желая узнать, предполагаю ли я вернуться въ Товіани или остаться съ отцомъ, государь прибавилъ: „На мѣстѣ графа, я никогда бы не разставался съ вами!“ Государь удалился во время ужина, который былъ сервированъ безъ всякаго этикета на двухъ небольшихъ столахъ, въ саду. Было такъ тихо, что огни не гасли, и блескъ иллюминаціи, озарявшей часть парка, фонтана и рѣки съ ея островами,—казалось, соперничалъ со звѣздами и съ мягкимъ свѣтомъ луны. Говоря со мной, императоръ назвалъ луну,— весьма, по-моему, непочтенно,—фонаремъ, замѣтивъ, что это лучшая часть иллюминаціи. Кто бы подумалъ, при видѣ любезности и оживленія, проявленныхъ въ этотъ вечеръ Александромъ, что онъ какъ разъ во время бала получилъ вѣсть, что французы пе-

решли Нѣманъ, и что ихъ аванпосты находятся всего въ десяти миляхъ отъ Вильны!..

Шесть мѣсяцевъ спустя Александръ говорилъ мнѣ, какъ онъ страдалъ отъ необходимости проявлять веселость, отъ которой онъ былъ такъ далекъ. Какъ онъ умѣлъ владѣть собой!

Три дня послѣ празднества въ Закретѣ императоръ покинулъ Вильну и отправился въ свою главную квартиру, въ Свенцяны. Надѣясь, что пребываніе его величества продолжится и не предвидя ожидавшихъ насъ событій, отецъ мой собирался устроить праздникъ въ честь Александра.

Въ минуту своего отъѣзда государь издалъ краснорѣчивый приказъ по войскамъ, вызвавшій всеобщій энтузіазмъ среди военныхъ, восхищенныхъ тѣмъ, что государь согласился стать во главѣ армій: „Я съ вами," сказалъ онъ, „на зачинающаго—Богъ!" Слова эти явились какъ бы вдохновеніемъ свыше. Какая разница между благороднымъ, религіознымъ тономъ, характеризующимъ приказы Александра, вѣрившаго лишь въ правоту своего дѣла и, болѣе всего, въ заступничество неба,—и властнымъ тономъ приказовъ Наполеона, не признававшаго другого божества, кромѣ того, которое онъ приковалъ къ своей колесницѣ,—Фортуны!

Не одни русскія войска покинули Вильну, но и частныя лица изъ русскихъ поспѣшили уѣхать со своими женами, дѣтьми, со всѣмъ своимъ имуществомъ... Въ виду такой экстренной необходимости отъѣзжавшимъ были предоставлены всѣ лошади города, а также частныхъ лицъ, за исключеніемъ моего отца. Между тѣмъ, отецъ мой не сталъ даже изъ предосторожности прятать ихъ, какъ сдѣлали нѣкоторыя другія лица, поставившія своихъ лошадей на чердакъ, гдѣ полиція не догадалась искать ихъ.

Прошло всего два дня между отъѣздомъ императора Але-

ксандра и вступленіемъ французовъ; но, вслѣдствіе волненія и тревоги время это показалось намъ смертельно долгимъ. На улицахъ не слышно было лошадинаго топота, но люди бѣгали взадъ и впередъ, сообщая другъ другу тревожныя и почти всегда невѣрныя вѣсти. Одни говорили, что подъ стѣнами города будетъ дано сраженіе и совѣтовали мнѣ бѣжать въ горы, такъ какъ пули разрушатъ нашъ домъ. Другіе, съ блѣдными, перепуганными лицами, прибѣгали сообщить, что русскіе, отступая, подожгутъ городъ. Наконецъ, третьи увѣряли, что они видѣли, какъ императоръ Александръ безъ мундира ходитъ по улицамъ и старается успокоить мѣстныхъ жителей, обѣщая не оставлять ихъ. Генералъ-губернаторъ Корсаковъ, уѣзжая, увѣрялъ моего отца, что бояться нѐчего. Изумленіе, недозумѣніе, вызываемыя ожиданіемъ великихъ событій, не оставляли въ моей душѣ мѣста для тщетныхъ страховъ. Притомъ, послѣдніе не помогаютъ въ опасности и лишь убиваютъ ту твердость духа, которая такъ необходима во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

ГЛАВА VI.

Вступленіе французской арміи въ Вильну. Положеніе Литвы. Анекдоты.

Въ ночь съ 15-го на 16-е іюня, н. ст., русскія войска выступили изъ города въ полномъ порядкѣ и внушительномъ безмолвіи. Нѣтъ, это не было бѣгство, какъ увѣряли нѣкоторые. Въ восемь часовъ утра отрядъ французской кавалеріи маршъ-маршемъ бросился въ городъ, чтобы отстоять подожженный русскими мостъ. Трудно передать волненіе, которое я испытала при видѣ поляковъ, которые бѣжали во весь опоръ, сабли наголо, но съ веселымъ видомъ, махая своими флагами, національныхъ цвѣтовъ, которые я видѣла впервые. Я стояла у открытаго окна; они, проходя, поклонились мнѣ. При видѣ этихъ истинныхъ соотечественниковъ сердце мое умилилось. Я почувствовала, что родилась полькой, что сознаніе это вновь пробуждается во мнѣ; слезы радости и энтузіазма залили мое лицо. Это была чудная минута; но она промелькнула, какъ мигъ. Всюду царило общее опьяненіе. Во всемъ городѣ раздавались торжествующіе клики; жители спѣшили вооружаться. Русскіе побросали много оружія въ Вилію. Разныя лица изъ подонковъ населенія поспѣшили вытащить его изъ рѣки. Неуклюже нацѣпивъ эти орудія на свое рабочее платье, они ходили по улицамъ, собирались на площади городской думы, бросая въ воздухъ свои шапки, съ шум-

ными патріотическими возгласами. Болѣе мудрый и осторожный мой отецъ основательно боялся этихъ патріотическихъ движеній. „Сумасшедшіе! безумцы!“ восклицалъ онъ, „русскіе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ: кто можетъ предвидѣть, куда они направятся, и что затѣмъ воспослѣдуетъ?“ Я помню, что черезъ три дня послѣ вступленія французовъ, при видѣ безпорядка, царившаго въ этой громадной арміи, и отсутствія въ ней дисциплины, непредусмотрительности вождей ея, ихъ фаталистической вѣры въ то, что они называли *„счастьемъ императора“* (этимъ громкимъ словомъ французскіе офицеры и придворные Наполеона всегда отвѣчали, когда имъ возражали по поводу этой кампаніи),—при видѣ всего этого у моего отца явились роковыя предчувствія относительно исхода этой войны. Шестьсотъ тысячъ человѣкъ всѣхъ европейскихъ національностей, подчиненные наполеоновской политикѣ, шли двумя линіями, безъ провіанта, безъ жизненныхъ припасовъ, въ странѣ, обѣднѣвшей, благодаря континентальной системѣ, и недавно еще систематически разорявшейся огромными контрибуціями. Одинъ русскій генералъ предложилъ даже императору Александру опустошить всю Литву, вывести изъ нея всѣхъ жителей и оставить наполеоновскимъ арміямъ лишь обширныя пустыни. Но чувствительный Александръ отвергъ эту мѣру, быть можетъ, полезную, но жестокую и безчеловѣчную. Были сожжены лишь всѣ хлѣбные магазины и мельницы. Вступавшая въ Вильну французская армія въ теченіе трехъ дней терпѣла недостатокъ въ хлѣбѣ. Всѣхъ городскихъ булочниковъ тотчасъ взяли въ армію; и вопреки словамъ генерала Жамини, утверждавшаго, что „съ голоду умираютъ лишь въ осажденномъ городѣ“, голодъ жестоко далъ себя знать виленскимъ жителямъ, особенно тѣмъ, кто заранѣе не обезпечилъ себя жизненными припасами и мукой. Мѣстности, расположенныя на пути великой арміи, подверглись разоренію и грабежу,

жатва ихъ была преждевременно срѣзана для кавалеріи, поэтому онѣ не могли удовлетворять запросамъ столицы и не смѣли даже высылать съѣстные припасы по дорогамъ, наводненнымъ мародерами. Впрочемъ, безпорядки въ арміи являлись слѣдствіемъ взглядовъ вождя; ибо, перешедши Нѣманъ, Наполеонъ въ приказѣ войскамъ объявлялъ, что здѣсь начинается русская территорія. Вотъ какъ входилъ въ Литву этотъ столь жеданный освободитель! Вслѣдствіе этого приказа французскія войска стали смотрѣть на Литву и относиться къ ней, какъ къ непріятельской странѣ; и между тѣмъ, какъ ея обитатели, одушевленные патріотическимъ энтузіазмомъ, бросались навстрѣчу французамъ, они вскорѣ подверглись разоренію и оскорбленіямъ со стороны тѣхъ, кого они считали орудіемъ своего освобожденія. Принужденные отдать на разграбленіе свои дома и помѣстья они бѣжали вглубь лѣсовъ, унося съ собой самое дорогое свое достояніе: честь своихъ женъ и дочерей. Разсказы о насиліяхъ, совершаемыхъ войсками въ деревняхъ, ежедневно поражали нашъ слухъ и наполняли скорбью наши сердца. Вильна, казалось, превратилась въ театръ войны. Безпрерывно шли безчисленныя войска. Солдаты располагались на бивакахъ среди улицъ; раздавалось бряцаніе оружій, слышался звукъ трубъ, ржаніе лошадей и смѣсь различныхъ нарѣчій. И когда, утомленная зрѣлищами, послѣдовательно представлявшимися моимъ взорамъ,—я поднимала глаза къ небу, чтобы отдохнуть на болѣе отрадной картинѣ, мнѣ казалось, что и на облакахъ двигаются войска; и воображеніе мое съ ужасомъ рисовало страшныя видѣнія Апокалипсиса.

Между тѣмъ пылкіе французы, удивленные овладѣвшимъ всѣми упадкомъ духа, стремились отстранить всѣ препятствія, уничтожить всѣ затрудненія. Отъ Литвы требовали солдатъ, хлѣба и денегъ. Наскоро организовалось временное правитель-

ство; старались пробудить національное самолюбіе посредствомъ зажигательныхъ рѣчей. „У васъ нѣтъ патріотизма“, говорили французскіе чиновники: „нѣтъ стойкости и энергіи“. И литовцы говорили другъ другу, чтобы подбодриться: „Мы подвергнемся разоренію, но будемъ поляками!“. Что могло поддержать при этомъ ихъ увѣренность? Французскій Магометъ даже не соблаговолилъ дать имъ иллюзіи въ залогъ ихъ надеждъ и принесенныхъ жертвъ.

Наполеонъ вступилъ въ Вильну встревоженный и недовольный. Легкость этого завоеванія нѣкоторымъ образомъ пугала его. У него было достаточно здраваго смысла, чтобы видѣть, что отступленіе русскихъ вызывалось не страхомъ передъ его именемъ, но что оно скрывало глубоко задуманный планъ дѣйствій. „Я полагалъ“, сказалъ онъ, „что взятіе Вильны обойдется мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ двадцать тысячъ человѣкъ“. Наполеонъ пришелъ въ бѣшенство, узнавъ, что Россія заключила миръ съ Турціей, и что онъ не можетъ надѣяться на благопріятную диверсію ни на югѣ, ни на сѣверѣ.

Отсутствіе съѣстныхъ припасовъ, безпорядки въ арміи, ошибки принца Жерома, брата императора, постоянныя потери, которыя терпѣла кавалерія,—все вмѣстѣ предвѣщало неизбѣжный печальный исходъ кампаніи; но роковой геній Наполеона толкалъ его впередъ; и такимъ образомъ, отъ одной иллюзіи къ другой, онъ шелъ къ своей погибели, отталкивая истину, какъ страшное видѣніе, невыносимое для его взоровъ.

На общей аудіенціи въ императорскомъ замкѣ Наполеонъ въ безсвязныхъ, туманныхъ, неясныхъ словахъ объявилъ, что онъ пришелъ, чтобы возстановить Польшу, что въ Варшавѣ собрался сеймъ для избранія короля, что сеймъ этотъ еще не знаетъ, кто будетъ королемъ. Графъ Нарбоннъ, находившійся въ то время въ Вильнѣ, въ свитѣ Наполеона, на вопросъ одного лица, кому предназначается польскій престолъ, сказалъ,

что, такъ какъ императоръ и король одержимъ маніей коронъ, вѣроятно, онъ себѣ присвоитъ и польскую корону.

Помню, какъ однажды, въ многочисленномъ обществѣ нѣсколько французовъ, въ видѣ развлеченія, предложили дамамъ намѣтить избранника. Одна остановила свой выборъ на самомъ Наполеонѣ, другія избрали его брата Жерома, неаполитанскаго короля, и даже маршала Даву. Я молчала. „А вы кого избираете?“ спросили меня. „Я не имѣю чести знать всѣхъ этихъ господъ“, отвѣчала я небрежно и разсѣянно. Дамы были, кажется, поражены моимъ глупымъ отвѣтомъ; но, мнѣ думается, тотъ, кто обратился ко мнѣ съ этимъ вопросомъ, не совсѣмъ раздѣлялъ, въ данномъ случаѣ, ихъ мнѣнія. Въ другой разъ, проговорившись, я сказала еще большую наивность. Я тогда только что получила извѣстіе изъ имѣнія отъ моего брата; мнѣ прислали цвѣтовъ, провизіи и въ то же время мнѣ сообщали, что армія не проходила черезъ эту мѣстность. Обрадованная этими хорошими вѣстями и забывъ присутствіе француза изъ дипломатическаго посольства министра иностранныхъ дѣлъ, я воскликнула, обращаясь къ моей подругѣ, тоже француженкѣ: „Ахъ! M-lle T....! какъ они счастливы въ P***,—они не видѣли ни единаго француза!“ Присутствовавшій при этомъ французъ не преминулъ отмѣтить это выраженіе. „Вотъ какъ насъ здѣсь любятъ!“ сказалъ онъ. Нѣсколько смущенная моимъ восклицаніемъ я сказала, желая поправиться: „Я говорю не о французахъ, а объ арміи“.— „Да, да, понимаю,—это грабители“.

Среди всѣхъ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ нашей страной, не говоря о тѣхъ, которыя ей угрожали, надъ нами мелькнулъ лучъ надежды, проблескъ мира. Онъ исходилъ отъ ангела, о встрѣчѣ съ которымъ мы сожалѣли, не надѣясь когда-либо вновь его увидѣть,—отъ Александра, который, желая сдѣлать послѣднюю великодушную попытку избавить человѣчество отъ

кровопролитія, въ первые же дни по вступленіи Наполеона въ Вильну послалъ генерала Балашова съ предложеніями мира, крайне выгоднаго для Франціи и для Польши. Наполеонъ сначала сказалъ, что послѣ объявленія войны онъ считаетъ за шпіона всякаго представителя дипломатическихъ сферъ. Онъ однако, согласился дать Балашову частную аудіенцію, принялъ его вѣжливо и выразилъ ему свое удивленіе, что императоръ Александръ рѣшилъ лично командовать войсками. „Это хорошо для стараго капрала, какъ я“ сказалъ онъ. Онъ совершенно отбросилъ всякія мирныя предложенія, давъ понять, что Рубиконъ перейденъ, и что теперь уже судьба рѣшитъ исходъ войны. Отпуская русскаго посла, Наполеонъ спросилъ у него: по какой дорогѣ лучше всего идти къ Москвѣ. „Къ ней ведутъ нѣсколько дорогъ“, съ рѣдкой находчивостью отвѣчалъ Балашовъ, „и можно даже взять путь черезъ Полтаву“.

Старый французскій эмигрантъ съ весьма извѣстнымъ именемъ, совершившій нѣсколько путешествій по Франціи въ ту эпоху, когда въ ней уже властвовалъ Наполеонъ, и который никогда не былъ представленъ императору, находился въ Вильнѣ во время вторженія французовъ. Всѣмъ обязанный за себя и за свою семью русскому государю, который проявилъ къ нему въ его несчастьяхъ самое благородное великодушіе, этотъ французъ испытывалъ естественное отвращеніе къ тому, чтобы въ какой-либо формѣ привѣтствовать властелина Европы, врага императора Александра. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ старинный другъ его семьи, близко стоявшій къ Наполеону, предупредилъ его, что онъ будетъ призванъ и подвергнутъ допросу самимъ Наполеономъ, эмигрантъ этотъ рѣшилъ добровольно представиться императору. Въ назначенный для аудіенціи часъ камердинеръ ввелъ эмигранта и громко назвалъ его имя въ той самой пріемной, гдѣ за нѣсколько дней

передъ тѣмъ принималъ императоръ Александръ. Наполеонъ встрѣтилъ эмигранта привѣтливой улыбкой, сказалъ, что онъ былъ освѣдомленъ о его послѣдней поѣздкѣ въ Парижъ и, прохаживаясь съ нимъ вдоль и поперекъ комнаты, поставилъ ему слѣдующіе вопросы:

— Вы видѣли здѣсь императора Александра?

— Я имѣлъ честь представиться ему.

— Онъ, на самомъ дѣлѣ, правитъ государствомъ?

— Онъ много работаетъ съ своими министрами; ему докладываютъ о всѣхъ важныхъ дѣлахъ.

„Я не то спрашиваю. Пользуется ли онъ, на самомъ дѣлѣ, полной властью? Не вліяетъ ли на него преобладающій надъ нимъ сенатъ?

— Сенатъ въ Россіи представляетъ лишь высшее судебное учрежденіе, — судъ послѣдней инстанціи. Насколько мнѣ извѣстно, у сената нѣтъ ни возможности, ни желанія бороться противъ верховной власти.

— Зачѣмъ русскіе такъ быстро отступили и не захотѣли попытать счастья въ сраженіи здѣсь или въ окрестностяхъ города? У нихъ въ Вильнѣ была позиція, которая обошлась бы мнѣ въ двадцать тысячъ человѣкъ.

— Быстрое наступленіе французской арміи, направляемой столь искусными генералами, вѣроятно, застигло врасплохъ русское войско, которое не сочло возможнымъ бороться съ ней“.

— О нѣтъ! вы ошибаетесь. Мы шли совсѣмъ не быстро; меня заставили потерять много времени.... Я съ сожалѣніемъ началъ эту войну, благодаря которой прольется много крови; императоръ Александръ, не соблюдавшій условій Тильзитскаго трактата, принудилъ меня начать войну. Государь этотъ въ своей ранней молодости получилъ плохое умственное развитіе: онъ воспріялъ ложныя филантропическія идеи своего воспитателя, нѣкоего Лагарпа.

Повѣрите ли, въ нашихъ бесѣдахъ въ Эрфуртѣ мнѣ пришлось оспаривать его взгляды, будто бы избранное народомъ правительство болѣе обезпечиваетъ счастье народовъ, чѣмъ наслѣдственная власть? Какъ будто надо быть божествомъ, чтобы править людьми! Случайность наслѣдственности пригоднѣе для счастья людей, чѣмъ ихъ собственный выборъ.

Подобныя слова изумительны въ устахъ такого человѣка, если только онъ говорилъ искренно. Онъ продолжалъ въ томъ же духѣ:

Императоръ Александръ не любитъ этикета; онъ почти всегда безъ свиты. Такихъ же пріемовъ держится мой тесть, австрійскій императоръ; онъ не разъ выражалъ мнѣ свое удивленіе при видѣ моей многочисленной свиты. Я отвѣчалъ ему, что французамъ надо импонировать даже внѣшнимъ проявленіемъ власти; и притомъ, положеніе мое совсѣмъ иное.

Говоря о литовскомъ дворянствѣ, онъ употребилъ грубое выраженіе, которое я здѣсь не повторю. И, вообще, онъ не считался съ поляками, которые жертвовали ему своимъ состояніемъ и своей жизнью. Онъ писалъ изъ Москвы герцогу Бассано, что однѣ женщины въ Польшѣ обладаютъ умомъ и характеромъ.

Въ своихъ инструкціяхъ архіепископу де Прадту онъ совѣтовалъ ему, главнымъ образомъ, *бережно относиться къ женщинамъ* въ Польшѣ, ибо онѣ—все въ этой странѣ.

ГЛАВА VII.

Представленіе Наполеону литовскихъ дамъ, въ томъ числѣ автора мемуаровъ. Бесѣды съ этимъ государемъ. Празднества.

Во время своего пребыванія въ Вильнѣ Наполеонъ потребовалъ, чтобы дамы явились на пріемъ въ замокъ. Недомогая нравственно, еще болѣе, чѣмъ физически, я хотѣла уклониться отъ этого визита, но мой отецъ указалъ мнѣ на положеніе, въ которомъ онъ находился. Недоброжелательныя лица представили его, какъ сторонника русскихъ, и если бъ не вмѣшательство неаполитанскаго короля, онъ бы даже не попалъ въ представленный Наполеону списокъ гражданъ. Видя, что избѣжать представленія мнѣ нельзя, я объявила о своемъ намѣреніи явиться въ замокъ *съ шифромъ*. Мой отецъ сначала колебался и сказалъ, что надо узнать, надѣнетъ ли его M-lle Ж., единственная изъ моихъ подругъ, находившаяся въ то время въ Вильнѣ. Я просила его ничего не узнавать. Я наскоро одѣлась, и очень неохотно, такъ какъ меня разбудили въ пять часовъ утра, чтобы пригласить по приказу полиціи явиться ко двору раньше полудня. Эти чисто военные пріемы до послѣдней степени не нравились мнѣ, особенно по сравненію съ привѣтливостью, съ изысканной вѣжливостью императора Александра и его свиты. Никогда еще я не надѣвала

своего шифра съ такимъ удовольствіемъ, я скажу даже—съ гордостью.

Я отправилась въ замокъ вмѣстѣ съ нѣсколькими дамами изъ моихъ знакомыхъ, которыя употребили всѣ старанія, чтобы убѣдить меня снять шифръ. Онѣ пытались напугать меня, говоря, что Наполеонъ — страшный человѣкъ и что онъ, навѣрно, наговоритъ мнѣ непріятныхъ вещей. Такъ какъ я довольно свободно выражала свой образъ мыслей, онѣ сказали: „Молчите ради самого неба,—развѣ вы не знаете, что самыя стѣны передаютъ ему все, что о немъ говорите". Ничто не могло заставить меня измѣнить мое рѣшеніе. Я отвѣтила, что, быть можетъ, мнѣ придется повиноваться волѣ того, передъ которымъ все уступаетъ; но такъ какъ *воля* эта была мнѣ неизвѣстна, я должна дѣйствовать именно такъ, какъ я рѣшила. Въ самомъ дѣлѣ, съ моей стороны было бы столь же малодушно, какъ и неблагодарно отбрасывать, въ присутствіи счастливаго и торжествующаго противника, знаки благоволенія государя, столь достойнаго быть любимымъ, и притомъ, въ ту самую минуту, когда государь этотъ, казалось, былъ преслѣдуемъ судьбой. Все мое сердце возмущалось при одной этой мысли. Признаюсь, я ожидала *рѣзкой выходки со стороны Наполеона* и собиралась дать твердый отпоръ; но мнѣ не пришлось получить этого удовлетворенія. Онъ обратился ко мнѣ, какъ будетъ видно дальше, съ вопросами, на которые можно было дать лишь незначительные отвѣты. Всѣ отвѣты, которые мнѣ приписывали при этомъ случаѣ и которые были даже записаны въ альбомахъ нѣкоторыхъ русскихъ, не соотвѣтствуютъ истинѣ.

Когда меня назвали Наполеону, взглядъ его внимательно устремился на мой брилліантовый шифръ съ голубой кокардой. „Что это у васъ за орденъ?" спросилъ онъ. „Шифръ ихъ величествъ, русскихъ императрицъ.—„Такъ вы—русская

дама?"—„Нѣтъ, ваше величество, я не имѣю чести быть русской". Впослѣдствіи, на балу, данномъ въ его честь, Наполеонъ, замѣтивъ стоявшую рядомъ со мной M-lle Ж., спросилъ у нея, почему, будучи также фрейлиной при русскомъ дворѣ, она не надѣла своего ордена. M-lle Ж. отвѣтила, что при данныхъ обстоятельствахъ она не нашла нужнымъ надѣть его. „Почему же?" возразилъ Наполеонъ, „это придворное отличіе, которое ничего не означаетъ. Дарованіе этого значка—большая любезность со стороны императора Александра. Можно оставаться хорошей полькой и носить шифръ", прибавилъ онъ, обращаясь въ мою сторону съ привѣтливой улыбкой.

Наполеонъ даже въ женщинѣ умѣлъ цѣнить проявленіе сильнаго характера. Когда оказалось, что дѣло приняло такой хорошій оборотъ, меня очень стали хвалить за твердость, которую я проявила въ данномъ случаѣ; но у меня было одно лишь желаніе, чтобы объ этомъ когда-нибудь узналъ императоръ Александръ, и я никакъ не предвидѣла, что желаніе это такъ скоро исполнится. На этомъ самомъ представленіи Наполеонъ, поговоривъ съ нѣсколькими женщинами и, по своему обыкновенію, поставивъ имъ странные вопросы: „Вы замужемъ? Сколько у васъ дѣтей? Что они у васъ—толстые, жирные—а?"—вдругъ обратился ко всему кружку и сказалъ: „Императоръ Александръ очень любезенъ, онъ всѣхъ васъ очаровалъ, mesdames; хорошія ли вы польки?" Всѣ улыбнулись въ отвѣтъ.

Наполеонъ рисовался въ обществѣ, выражая чувства уваженія и дружбы къ государю, имперію котораго онъ собирался разгромить. Въ аудіенціи, которую онъ далъ представителямъ виленскаго университета, онъ прежде всего обратился къ членамъ академіи съ слѣдующими словами: „Вы всѣ паписты, да?" Я не знаю, что ему отвѣтили. Онъ сказалъ затѣмъ;

„Императоръ Александръ хорошій государь, философъ на тронѣ; оказываетъ ли онъ вамъ покровительство?“ Ректоръ отвѣтилъ, что академія многимъ обязана щедрости русскаго императора.

Наполеонъ не производилъ внушительнаго впечатлѣнія ни лицомъ, ни манерами. Я сама удивлялась, что не чувствую въ его присутствіи того волненія, которое невольно испытываешь при видѣ знаменитаго человѣка. Вся его слава, купленная цѣною людей и пролитой крови, не могла внушать мнѣ энтузіазма. Слава завоевателей блещетъ въ исторіи, но сердцами владѣетъ лишь доброта. Я часто представляла себѣ Наполеона въ сверкающемъ образѣ генія. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣла человѣка маленькаго роста, короткаго, толстаго, постоянно переминавшагося съ ноги на ногу, съ гладкими, прилизанными волосами, съ довольно красивыми, но мало выразительными чертами лица, не отличавшимися даже той жестокостью, которую придаютъ всѣмъ его портретамъ, за исключеніемъ портрета, написаннаго Давидомъ. Напротивъ, у него была довольно мягкая улыбка, обнаруживавшая очень красивые зубы. Издали, правда, его тускло-блѣдное лицо, безъ всякой окраски, его античный профиль производили впечатлѣніе строгости, которое исчезало для того, кто ближе всматривался въ это лицо.

Прошло восемь дней со времени вступленія Наполеона въ Вильну. Среди безпорядка и бѣдствій, причиняемыхъ недисциплинированной арміей, состоявшей изъ сброда чужестранцевъ, которые шли на войну противъ собственнаго желанія и ненавидѣли того, кто велъ ихъ (ибо было бы несправедливо приписывать однимъ французамъ совершенныя подъ ихъ именемъ насилія),—никто не думалъ о празднествахъ и удовольствіяхъ. Герцогъ Бассано убѣдилъ тогда графа П***, моего двоюроднаго брата, дать у себя балъ въ день польской кон-

федераціи. Праздникъ этотъ, который почтилъ своимъ присутствіемъ Наполеонъ, былъ такъ блестящъ, какъ только позволили обстоятельства и отсутствіе средствъ, вызванное столькими опустошеніями.

Среди криковъ „да здравствуетъ императоръ!“ при шумныхъ звукахъ военной музыки, при свѣтѣ аллегорическихъ картинъ и блестящей иллюминаціи, среди расточительности роскошнаго пира, — въ это самое время, на улицѣ человѣкъ умеръ съ голода! Ужасная противоположность, достойная того, кто вскорѣ долженъ былъ похоронить свои войска въ снѣгахъ Россіи!

Какъ только на балу возвѣстили о пріѣздѣ Наполеона, тотчасъ избрали нѣсколько дамъ, — въ томъ числѣ меня, — чтобы принять его внизу лѣстницы. При одномъ словѣ „императоръ“ маршалы имперіи, важные сиповники, не говоря уже о камергерахъ, — бросились къ выходу, какъ будто бы непріятель ждалъ ихъ на полѣ битвы. Коленкуръ подалъ своему государю подножку, чтобы помочь ему выйти изъ кареты, какъ будто земля недостойна была прикосновенія этой царственной ноги. Не удостоивъ поклономъ вышедшихъ ему навстрѣчу дамъ, Наполеонъ поднялся по ступенькамъ лѣстницы, устланнымъ шелковой матеріей, при кликахъ „да здравствуетъ императоръ!“ — кликахъ, никогда не пресыщавшихъ его слухъ. Я не только не была поражена его невѣжливостью, но подумала, что напрасно мы ей подверглись безъ достаточныхъ основаній. Побесѣдовавъ съ нѣсколькими дамами въ бальномъ залѣ, Наполеонъ усѣлся на импровизированный тронъ, сооруженный изъ кресла, ковра и подушки, которую онъ, садясь, отбросилъ ногой. Затѣмъ онъ закричалъ, какъ бы тономъ команды: „Дамы, садитесь!“ Дамы тотчасъ сѣли, и балъ открылся. Наполеонъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оглядѣлъ танцующихъ дамъ, обратился съ нѣсколькими фразами къ лицамъ своей свиты, къ маршаламъ, къ хозяину бала и уѣхалъ, сопровождаемый обычными

кликами. Оставшіеся на балу французы восхищались любезностью своего государя; похвала, на которую онъ, безъ сомнѣнія, самъ не разсчитывалъ и которую трудно было совмѣстить съ званіями полководца, завоевателя, основателя имперіи.

Мужчины и женщины надѣли въ этотъ день національную кокарду,—патріотическая побрякушка, льстившая надеждамъ поляковъ—надеждамъ, ни на чемъ не основаннымъ, ибо Наполеонъ, отъ измѣнчивой политики котораго онѣ зависѣли, никогда не высказалъ ни намѣренія, ни желанія удовлетворять ихъ. Однажды, когда я выражала удивленіе, что честолюбіе Наполеона не удовлетворилось обладаніемъ однимъ изъ лучшихъ троновъ Европы, и что онъ постоянно со всѣми воевалъ,—мнѣ отвѣтили, что геній Наполеона былъ направляемъ не только жаждой завоеваній, но также необходимостью искоренить во Франціи якобинскую партію. Лѣкарство было, по меньшей мѣрѣ, такъ же сильно, какъ и недугъ.

Вскорѣ послѣ бала, катаясь верхомъ съ г-жей Б*** и нѣсколькими другими лицами, мы встрѣтили Наполеона, возвращавшагося изъ Закрета съ своей блестящей и многочисленной свитой. Онъ остановился, чтобы сказать намъ нѣсколько словъ, и спросилъ, любимъ ли мы ѣздить верхомъ, и *хорошія ли мы наѣздницы*. Черезъ нѣсколько минутъ мы вновь увидѣли Закретъ, еще такъ недавно сіявшій блескомъ празднества и присутствіемъ самаго любезнаго изъ всѣхъ государей... Закретъ представляетъ теперь груду развалинъ. Наши лошади шагали по паркету, на которомъ я танцевала съ императоромъ Александромъ. Апельсинныя деревья были опрокинуты и разбиты; замокъ, недавно такъ элегантно меблированный, представлялъ картину полнаго разгрома. Прекрасныя теплицы, полныя тропическихъ растеній, были разрушены и разграблены, не только солдатами, но и нѣкоторыми горожанами...

Крапива и чертополохъ росли теперь въ тѣхъ мѣстахъ,

гдѣ раньше цвѣли розы и спѣли ананасы... Печальное молчаніе царило тамъ, гдѣ я недавно слышала звуки музыки и веселые, радостные голоса. Однѣ птицы еще пѣли свои пѣсни и не покинули этихъ рощъ. Фонтанъ изсякъ. Словомъ, Закрстъ предназначенъ былъ служить военнымъ госпиталемъ.

Я избавлю читателей отъ тѣхъ размышленій, которыя естественно навѣяли на меня эти развалины и столкновеніе событій, столь противоположныхъ и столь близкихъ по времени одно къ другому.

ГЛАВА VIII.

Императоръ Александръ оставляетъ свою армію. Возвращеніе его въ С.-Петербургъ.

Потерявъ надежду водворить въ своемъ государствѣ миръ, твердый въ сознаніи исполняемаго долга, полный религіозной вѣры въ помощь и поддержку Провидѣнія, императоръ Александръ покинулъ свою главную квартиру въ Свенцянахъ и отправился въ Москву. Прибытіе государя въ первую столицу его имперіи, его присутствіе, его рѣчи, приказы, вызывали общій энтузіазмъ и умиленіе среди патріотически настроеннаго дворянства и русскаго народа, столь религіознаго и патріархальнаго. Однажды, когда императоръ обѣдалъ у графини Орловой, огромная толпа тѣснилась вокругъ дворца и садовъ, жадно стремясь увидѣть обожаемаго государя. Чтобы удовлетворить этому естественному желанію, графиня Орлова тотчасъ велѣла снять всѣ рѣшетки сада, чтобы открыть свободный доступъ народу, который въ пылу радости и любви здѣсь же поклялся передъ небомъ, что онъ посвятитъ Александру свои силы, свою жизнь и все, чѣмъ онъ владѣлъ. Клятву эту онъ свято сдержалъ, и пылающая Москва подтвердила ее! Какъ все это должно было тронуть чувствительное сердце Александра! И сколько величія проявляется въ этихъ непроизвольныхъ движеніяхъ народа,—движеніяхъ, которыхъ нельзя ни поддѣлать, ни искусственно вызвать! Движенія эти встрѣчаются

лишь среди народовъ, нравы которыхъ еще не удалились отъ природы и еще проникнуты религіозностью; среди народовъ, которые привыкли видѣть въ своемъ государѣ образъ обожаемаго Бога и которые основываютъ надежды на будущее счастье на чувствахъ вѣрноподданническаго повиновенія и вѣрности. Какъ прекрасна конституція, покоющаяся на вѣрѣ и на небесныхъ наградахъ! Чѣмъ можно замѣнить ее? Для этого, прежде всего, пришлось бы исказить основныя черты русской націи. Повторяю, трогательное зрѣлище этихъ сценъ любви и чувствительности между государемъ и его подданными не встрѣчается среди легкомысленныхъ и чувственныхъ націй, давно развращенныхъ привычками роскоши, праздности, изнѣженности, эгоизма и алчности.

Императоръ Александръ недолго пробылъ въ Москвѣ. Передавъ командованіе надъ войсками генералу Барклай де Толли, онъ вернулся въ Петербургъ. Этотъ мудрый и осторожный государь чувствовалъ, какъ полезно будетъ его присутствіе и примѣръ его твердости въ столицѣ и во дворцѣ при данныхъ опасныхъ обстоятельствахъ. Наполеонъ уѣхалъ изъ Вильны и сосредоточилъ всѣ свои усилія, чтобы настигнуть непріятеля, который постоянно ускользалъ отъ него, благодаря плану мудро разсчитанному и задуманному, какъ говорять, шведскимъ наслѣднымъ принцемъ.

Хорошо знакомый съ военнымъ геніемъ Наполеона, побуждавшимъ его быстро кончать кампаніи посредствомъ рѣшительныхъ дѣйствій, Бернадоттъ, какъ увѣряютъ, посовѣтовалъ русскому императору не рисковать вступать въ битву съ этимъ великимъ побѣдителемъ на полѣ сраженія, но, наоборотъ, посредствомъ симулированнаго отступленія, заманить его въ глубь русскихъ степей. Между тѣмъ Петербургъ и Москва были лозунгомъ французскаго солдата. Послѣдній, легкомысленный и безпечный, не озабоченный исходомъ кампаніи, спо-

койно спрашивалъ дорогу, считая тотъ и другой богатый городъ цѣлью, славнымъ завершеніемъ длиннаго, труднаго похода.

Удивленный упорнымъ отступленіемъ русскихъ, Наполеонъ произнесъ въ Смоленскѣ слѣдующія знаменательныя слова: „Ужъ не хочетъ ли мой братъ Александръ заставить меня разыграть роль Карла XII?“

Если онъ это предчувствовалъ, почему же онъ не остановился? Но непобѣдимая гордость, наоборотъ, побудила его отбросить всѣ убѣжденія короля Неаполитанскаго и князя Понятовскаго, предлагавшихъ ему остановиться на зиму въ Смоленскѣ и идти на Волынь и Украйну. Но Наполеонъ былъ во власти

…„Духа безумія и заблужденія,
Рокового предвѣстника паденія царей“.

И Провидѣніе уже намѣтило теченіе его судебъ.

ГЛАВА IX.

Паника въ С.-Петербургѣ. Герцогъ Бассано въ Вильнѣ. Отступленіе французовъ.

Я не стану подробно останавливаться на этой кампаніи, столько разъ описанной талантливыми писателями.

Движеніе французскихъ войскъ, направлявшихся, повидимому, на Петербургъ, вызвало въ этомъ городѣ всеобщую необычайную тревогу. Всѣ хотѣли уѣхать,—удалиться въ глубь Россіи. Спѣшили укладывать драгоцѣнности. Императрица-мать, женщина смѣлая, съ сильнымъ характеромъ, боясь не за себя, а за юныхъ и нѣжныхъ созданій, которыхъ она окружала истинно-материнскими попеченіями, тоже хотѣла покинуть Петербургъ и увезти съ собой молодыхъ дѣвицъ, воспитывавшихся въ многочисленныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ и направляемыхъ ея благодѣтельными заботами. Императоръ Александръ съ полнымъ основаніемъ боялся, что отъѣздъ императрицы окончательно перепугаетъ населеніе; и онъ съ почтительной твердостью сказалъ своей матери: „Ваше величество! я, какъ сынъ, умолялъ васъ остаться,—теперь я, какъ императоръ, требую, чтобъ вы остались“.

Скрывъ жестокую печаль въ глубинѣ своего сердца, Александръ сохранялъ по внѣшности безмятежное спокойствіе и публично объявилъ, что онъ покинетъ Петербургъ послѣднимъ. Это осторожное поведеніе достигло желанныхъ резуль-

татовъ, и вскорѣ спокойствіе возстановилось во всѣхъ слояхъ общества.

Послѣ отъѣзда Наполеона въ Литвѣ приступили къ рекрутскому набору, къ формированію полковъ. Одинъ изъ моихъ братьевъ былъ назначенъ полковникомъ въ пѣхоту, а старшій за свой счетъ образовалъ отрядъ конной артиллеріи. Но, по отсутствію средствъ, вооруженіе подвигалось очень медленно, и Наполеонъ изъ своей главной квартиры писалъ герцогу Бассано: „Я получилъ въ Литвѣ значительное подкрѣпленіе. Огинскій прибылъ съ *двѣнадцатью солдатами* новой гвардіи".

Французы, оставшіеся въ Вильнѣ съ дипломатическимъ корпусомъ, всѣ горячо желали счастливаго заключенія войны. Я помню, что герцогъ Бассано,—внимательное и благожелательное отношеніе котораго къ моему отцу и ко мнѣ я съ удовольствіемъ вспоминаю,—объявилъ мнѣ однажды, что генералъ Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ русской арміи; при этомъ онъ сказалъ мнѣ: „Надо надѣяться, что мы вскорѣ заключимъ миръ, ибо г. Кутузовъ имѣетъ талантъ проигрывать битвы".

Политику, повидимому, не принимали въ разсчетъ, а между тѣмъ развѣ она не помогаетъ одерживать побѣды?

Битва подъ Можайскомъ или подъ Москвой, *) предвѣщая близкое взятіе Москвы, явилась въ глазахъ всѣхъ французовъ вѣрнымъ залогомъ мира.

Уже герцогъ Бассано собирался немедленно ѣхать въ Москву для предварительнаго обсужденія условій мира; и окружавшіе его изящные молодые люди высшаго тона, повидимому,

---

*) Авторъ говоритъ о Бородинской битвѣ, которую французы называли сраженіемъ подъ Москвой.

очень безпокоились тѣмъ, что въ этой мѣстности ихъ ожидали сильные холода.

Наконецъ, мы узнали о вступленіи французовъ въ Москву, и вѣсть эта, по обыкновенію, была ознаменована молебномъ. Вечеромъ у герцога Бассано были танцы. На балу я съ удивленіемъ замѣтила на лицѣ этого дипломата выраженіе печали и тревоги, котораго ничто не могло разсѣять. Уже не было разговора объ объявленномъ отъѣздѣ: по словамъ герцога, министръ ждалъ новыхъ извѣстій; а послѣднія касались московскаго пожара,—единственнаго, быть можетъ, въ своемъ родѣ страшнаго примѣра патріотическаго самопожертвованія.

Со времени этого событія французская политика покрылась непроницаемой завѣсой. Мы узнали только, что Наполеонъ рѣшилъ покинуть Москву и идти обратно черезъ опустошенную страну. Но скоро сообщенія были прерваны. Къ Вильнѣ подходило нѣсколько отрядовъ легкой кавалеріи и казаковъ. Наконецъ, въ теченіе трехъ недѣль дипломатическій корпусъ не зналъ о судьбѣ новой арміи Камбиза,— о великой французской арміи. Тѣмъ не менѣе, въ городѣ продолжались танцы, спектакли, развлеченія, ибо французамъ прежде всего нужны удовольствія.

Супруга маршала Удино, герцогиня Режжіо, поспѣшно пріѣхала въ Вильну, чтобы ухаживать за своимъ мужемъ, котораго привезли раненымъ послѣ битвы при ***.

Герцогиня Режжіо спросила, есть ли у меня братья на военной службѣ; и затѣмъ сказала съ выраженіемъ, котораго я никогда не забуду: „Такъ ваши печали только начинаются!" Слова эти оказались пророческими! Одинъ изъ моихъ родственниковъ, покинувшій французскія войска въ Смоленскѣ, сообщилъ намъ удивительныя свѣдѣнія о великой арміи, живо напоминавшей, по его словамъ, венеціанскій карнавалъ, или улицу Толедо, въ Неаполѣ, на масляницѣ. Но въ Вильнѣ его сочли за чудака и безумца.

3-го декабря 1812 года состоялся другой балъ у генералъ-губернатора, графа Гогендорна, въ честь годовщины вступленія на престолъ того самаго Наполеона, который, покидая свои арміи въ несчастіи, бѣжалъ, повторяя столь извѣстное слово: „Отъ великаго до смѣшного—одинъ шагъ!“ Онъ путешествовалъ подъ именемъ Коленкура, и французскій солдатъ, способный шутить среди величайшихъ несчастій, говорилъ по этому случаю: „Oui, c'est Colin qui court.“

Проѣздъ Наполеона близъ Вильны явился секретомъ, который всѣ сообщали другъ другу на ухо. Герцогъ Бассано говорилъ мнѣ объ этомъ въ тотъ же вечеръ и замѣтилъ, что императоръ былъ въ хорошемъ настроеніи и *веселъ.*

Наполеонъ спокойно позавтракалъ у воротъ Вильны, разговаривая, шутя съ лицами своей свиты и съ герцогомъ Бассано, въ то самое время, какъ правившій его лошадьми ямщикъ тутъ же замерзъ. Но что значилъ этотъ случай для человѣка, на глазахъ котораго три четверти его арміи погибли отъ истощенія и холода и который, созерцая покрытыя тѣлами долины Можайска, воскликнулъ съ восторгомъ: „Какое прекрасное поле битвы!“

Изреченіе Виттелія—ничто въ сравненіи съ этой фразой.

Вскорѣ предъ нами предстало зрѣлище, одновременно вызывавшее состраданіе и тайный страхъ,—въ образѣ остатковъ этой арміи, шесть мѣсяцевъ ранѣе столь прекрасной, торжествующей, могущественной: теперь эта армія своимъ быстрымъ шествіемъ и своей судьбой напоминала блестящій метеоръ. Въ теченіе трехъ-четырехъ дней на улицахъ Вильны толпились люди, которыхъ нельзя было назвать военными, въ ихъ смѣшныхъ, неуклюжихъ одеждахъ. Одинъ, бросивъ свою кирасирскую каску, нарядился въ дамскую шляпу и черный, бархатный плащъ, изъ-подъ котораго виднѣлись шпоры, и тащилъ подъ уздцы свою изнуренную лошадь, на каждомъ шагу

скользя по обледенѣлой землѣ. Другой, тщетно пытаясь защититься отъ холода, напялилъ на себя одно на другое церковныя облаченія,—ризу, стихарь, напрестольныя пелены. Нѣкоторые, болѣе счастливые въ поискахъ добычи, накинули на себя женскіе, подбитые мѣхомъ, капоты, завязавъ на шеѣ рукава. Наконецъ, другіе тащили за собой шерстяныя одѣяла, или, подобные тѣнямъ, вернувшимся изъ мѣстъ, откуда никто не возвращается, шли покрытые саванами и погребальными пеленами. И эти мрачныя одѣянія, эти траурные аттрибуты смерти изображали въ этомъ историческомъ маскарадѣ угасшую славу великаго завоевателя. Пѣхотинцы, кавалеристы, артиллеристы,—никто уже не признавалъ никакой власти. Моля о помощи, они шли безъ порядка, безъ дисциплины, почти безъ оружія, съ лицомъ и руками почернѣвшими отъ дыма бивуаковъ, потерявъ, отъ чрезмѣрныхъ лишеній и физическихъ страданій всякія чувства, кромѣ храбрости, никогда не покидающей французовъ.

Мой отецъ пріютилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, главнымъ образомъ генерала Жюмильяка, зятя герцога Ришелье, котораго близко знала моя тетушка Радзивиллъ и у котораго при этомъ несчастномъ отступленіи осталась одна лишь лошадь. Когда этому бѣдному генералу дали хорошо натопленную комнату и приборъ за столомъ, онъ былъ внѣ себя отъ радости. Онъ говорилъ намъ, жадно поглощая пищу: „Mesdames, вы не понимаете, какое счастье ѣсть за столомъ!“ Мы не могли удержаться отъ смѣха, глядя на его черныя руки,—по его увѣренію очень чистыя, но только закоптѣлыя.

Г. Жюмильякъ все вздыхалъ *по Аркадіи и своей доброй принцессѣ.* Онъ часто спрашивалъ насъ, долго ли продлятся эти холода; и когда мы чистосердечно увѣряли его, что морозъ въ 26—28 градусовъ держится въ этой мѣстности не долѣе трехъ дней, онъ благодарилъ насъ, какъ за какую-то милость.

Но въ этихъ обстоятельствахъ казалось, что небо, охраняя Россію, хотѣло со всей суровостью обрушиться на ея враговъ: зима, даже для нашего сѣвернаго климата, была необыкновенно холодная. Вслѣдствіе преступной непредусмотрительности французскихъ властей, расхищеній и взяточничества чиновниковъ арміи,—всѣ запасы провіанта и одежды, какъ присланные изъ Франціи, такъ и доставленные на мѣстахъ, не были розданы французскимъ солдатамъ и цѣликомъ достались русскимъ. Вильна, вся Литва въ громадномъ количествѣ доставляли корпію и бѣлье для госпиталей; но все это продавалось бумажнымъ фабрикамъ, а солдатамъ перевязывали раны шерстью и сѣномъ. Подробности эти я имѣю отъ директора госпиталя: болѣе честный, чѣмъ его товарищи, онъ съ полнымъ основаніемъ жаловался на эти злоупотребленія.

Мой отецъ, членъ временнаго правительства Литвы, принужденъ былъ слѣдовать за французской арміей. Уѣзжая, онъ далъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ относительно образа дѣйствія которому я должна послѣдовать, чтобы спасти хотя бы часть его состоянія, ибо всѣмъ удалявшимся въ данныхъ обстоятельствахъ грозила конфискація имущества. Отецъ сказалъ мнѣ, что, если императоръ Александръ не пріѣдетъ въ Вильну, хорошо бы мнѣ съѣздить въ Петербургъ; наконецъ, онъ обѣщалъ мнѣ вернуться въ случаѣ, если я дамъ ему успокоительныя свѣдѣнія относительно его личной безопасности. Онъ уѣхалъ; мои братья уѣхали раньше его... Многія дамы изъ моихъ знакомыхъ тоже уѣхали... Я осталась одна; и въ этомъ одиночествѣ было что-то тягостное и зловѣщее. Я осталась одна, не зная еще, что ожидаетъ этотъ городъ, что можно было ждать для Вильны отъ милосердія русскихъ и отъ проектовъ французскаго правительства. Неаполитанскому королю, командовавшему въ то время остатками арміи, предложили защищать Вильну. Онъ протестовалъ противъ этого проекта

и, описывая положеніе города, употребилъ такое тривіальное сравненіе, что невозможно повторить его. Онъ равнымъ образомъ отказался поджечь арсеналъ и пороховой складъ: взрывъ этихъ двухъ зданій разрушилъ бы большую часть города.

Въ день взятія Вильны русскими войсками я проснулась при звукахъ пушечной пальбы. Битва происходила у воротъ города, въ горномъ ущельѣ Понари, гдѣ погибло столько французовъ. Сраженіе было непродолжительно, въ исходѣ его не было сомнѣній; и вскорѣ я увидѣла длинныя пики, остроконечныя шапки, мохнатые плащи и длинныя бороды моихъ старыхъ знакомыхъ казаковъ. Появленіе ихъ не вызвало во мнѣ большой радости, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ, чтобы не упустить случая пограбить и не потерять этой привычки, подъ предлогомъ поисковъ французскихъ экипажей, пришли, чтобы завладѣть моей каретой. Перепуганные слуги прибѣжали предупредить меня. Я обратилась къ казакамъ твердымъ тономъ и мнѣ удалось остановить ихъ: я всѣхъ ихъ заставила выйти изъ дома. Очень довольная этимъ успѣхомъ, я все-таки изъ предосторожности обратилась къ генералу Чаплицу, который первый вступилъ въ Вильну, съ просьбой дать мнѣ охрану.

Два дня спустя въ Вильну торжественно вступилъ фельдмаршалъ Кутузовъ и явился навѣстить меня. Я давно была съ нимъ знакома. Онъ очень хвалилъ мое поведеніе на представленіи Наполеону и сказалъ, что онъ не преминетъ увѣдомить объ этомъ императора. Онъ прибавилъ, что напрасно отецъ мой уѣхалъ и не довѣрился великодушію его величества... Фельдмаршалъ далъ въ мою честь вечеръ и представилъ меня всѣмъ генераламъ арміи, говоря: „Вотъ молодая графиня, надѣвшая шифръ передъ лицомъ Наполеона.“

Этотъ поступокъ, столь простой и естественный, былъ тѣмъ болѣе одобренъ, что разнесся слухъ, будто бы я послѣ-

довала за моими братьями во французскую армію. Разсказывали, что меня видѣли по дорогѣ въ Москву, что я разыгрывала изъ себя героиню и скакала среди войска въ синей амазонкѣ, на сѣрой лошади. Нѣсколько русскихъ военныхъ признались мнѣ, что они дали себѣ слово взять меня въ плѣнъ.

Фельдмаршалъ, казалось, изнемогалъ подъ бременемъ своихъ успѣховъ, оказанныхъ ему почестей и отличій, которые со всѣхъ сторонъ сыпались на него. Его только что произвели въ князя Смоленскаго. Онъ получилъ, въ знакъ отличія, портретъ государя, украшенный бриллiантами, на голубой лентѣ; ему былъ обѣщанъ орденъ св. Георгія. И между тѣмъ онъ вздыхалъ, что ему не удалось взять въ плѣнъ Наполеона. Я замѣтила на его столѣ великолѣпный министерскій портфель изъ чернаго сукна, съ золотой вышивкой, представлявшей съ одной стороны французскій гербъ, съ другой—шифръ Наполеона.

Фельдмаршалъ предназначалъ этотъ портфель княгинѣ Кутузовой.

Однажды кто-то изъ общества сдѣлалъ замѣчаніе по поводу бѣдствій Москвы. „Какъ!“ воскликнулъ фельдмаршалъ, „дорога отъ Москвы до Вильны дважды стòитъ Москвы!“ И онъ хвалился, что въ одинъ годъ заставилъ двѣ арміи питаться кониной,—французскую и турецкую.

ГЛАВА X.

Ужасное положеніе французскихъ военноплѣнныхъ. Казаки-грабители въ дружеской странѣ. Анекдотъ.

Въ Вильнѣ мало-по-малу возстановилось спокойствіе; но какое это было спокойствіе! Правда, уже не опасались случайностей войны; но картины самыя ужасныя съ человѣческой точки зрѣнія постоянно опечаливали наши взоры. Нельзя было шагу сдѣлать на улицахъ, чтобы не встрѣтить трупы французовъ или замерзшихъ, или убитыхъ евреями, которые овладѣвали ихъ часами и деньгами. При малѣйшей оттепели, на мостовой и даже въ воротахъ нѣкоторыхъ домовъ выступали кровавые слѣды. Женщины-еврейки и даже дѣти доходили въ своей жестокости до того, что собственными руками приканчивали умирающихъ несчастныхъ солдатъ и убивали ихъ позорнымъ образомъ, нанося удары своими каблуками, окованными желѣзомъ. Тѣла этихъ несчастныхъ, въ мундирахъ, окостенѣвшія отъ мороза, даже съежившіяся, сохраняли то положеніе, въ которомъ застигла ихъ смерть: одни сидѣли, склонивъ голову на руки, другіе—прислонившись къ стѣнѣ, съ угрожающимъ видомъ и сжавши кулаки... Можно было подумать, что они спали, но сонъ этотъ былъ не что иное, какъ смерть.

По свѣдѣніямъ полиціи, въ городѣ и его окрестностяхъ

оказалось около сорока тысячъ погибшихъ французовъ. Проникая въ нашу страну, французы внесли безпорядокъ и грабежъ; покидая ее, они оставили ей заразныя болѣзни и страшную смертность. Эпидемія лихорадки, извѣстная подъ названіемъ госпитальной лихорадки, произвела ужасныя опустошенія и уничтожила большую часть населенія по пути, гдѣ проходила великая армія. Виленскіе госпитали были заражены; огромное число частныхъ лицъ пали жертвами этого новаго бича. Между тѣмъ французскіе плѣнные свободно бродили по городу. Нѣтъ, ничто не изгладитъ изъ моего воображенія образъ этихъ бродячихъ привидѣній. Я, какъ сейчасъ, вижу ихъ: съ изнуренными, исхудалыми лицами, съ заведенными глазами, они вызывали глубочайшее содраганіе. Прикрытые лохмотьями, съ трудомъ таская ноги, они садились погрѣться у навозныхъ кучъ, которыя зажигали передъ домами, чтобы разсѣять зловоніе; и здѣсь же эти несчастные часто отыскивили какіе-нибудь отвратительные отбросы, чтобы утолить жестокій голодъ, являвшійся не меньшимъ изъ бѣдствій! Можно было примѣнить къ нимъ стихъ Лафонтена о чумѣ:

„Умирали не всѣ, но всѣ были поражены“.

Однажды я выходила изъ монастыря, гдѣ моя тетушка была игуменьей. Меня тамъ снабдили множествомъ пирожковъ, пряниковъ и т. п. У двери я увидѣла нѣсколько плѣнныхъ, просившихъ милостыню. Я дала имъ всѣ эти сласти; они накинулись на нихъ съ жадностью, которая меня испугала. Моей подругѣ не удалось такъ же скоро все вынуть изъ своего мѣшка; и эти несчастные, тѣснясь вокругъ нея, едва ее не затоптали“. Я послала моего слугу, который высвободилъ ее отъ нихъ; и она, блѣдная, дрожащая, пошла со мной далѣе.

Я пріютила у себя одного изъ этихъ несчастныхъ, подъ вліяніемъ крайней нужды утратившаго всѣ духовныя свойства. На мой вопросъ,—въ чемъ онъ нуждается,—онъ отвѣтилъ съ

сардоническимъ смѣхомъ: „мнѣ ничего не нужно, я мертвъ“. Невозможно было добиться отъ него другого отвѣта. Я не могу передать, какое ужасное впечатлѣніе произвела на меня эта страшная улыбка. Этотъ человѣкъ потомъ сбѣжалъ, и нельзя было узнать что съ нимъ сталось.

Я затѣмъ помѣстила у себя цѣлую семью плѣнныхъ,—мужа, жену и ребенка. Мужъ былъ родомъ изъ Генуи; онъ служилъ въ войскахъ сапожникомъ. У жены его, одѣтой въ рубище, было прелестное лицо. Будучи родомъ изъ Ниццы, она говорила мнѣ съ своимъ мягкимъ южнымъ акцентомъ, описывая свой госпиталь: „Сударыня, у васъ бы сердце сжалось, если бъ вы видѣли, что тамъ дѣлается“. Ребенокъ съ золотисто-бѣлокурыми волосами, большими черными глазами, напоминалъ своей чрезвычайной, выразительной красотой ангеловъ на картинахъ Рафаэля. Бѣдняжкѣ было всего два года. Онъ не въ силахъ былъ пережить свои страданія и умеръ въ деревнѣ, куда я послала его съ его родителями, которыхъ я долго держала у себя. Надо было послушать этихъ несчастныхъ, очутившихся среди снѣговъ, въ суровомъ климатѣ и въ жестокую зиму; надо было послушать, какъ они разсказывали о благоухающихъ цвѣтахъ своей страны, о чудныхъ ночахъ на берегу моря, въ прекрасной Генуѣ.

Невзгоды настолько погасили въ несчастныхъ плѣнникахъ самое сознаніе жизни, что, охваченные непобѣдимой апатіей, они поджигали полъ среди комнаты, садились вокругъ и подвергали себя медленному самосожженію. Такъ случился пожаръ въ военномъ госпиталѣ Закрета, и этотъ несчастный случай часто возобновлялся въ деревняхъ. Рядомъ съ этими ужасными картинами нищеты, обогатившіеся грабежомъ казаки продавали на ассигнаціи и за самую низкую цѣну слитки золота, серебра, жемчугъ, часы и драгоцѣнныя вещи. Въ то же время они продолжали грабить по деревнямъ. Я постоянно просила Ку-

тузова дать охрану моимъ знакомымъ. „Какіе негодяи“, говорилъ мнѣ при этомъ фельдмаршалъ, „имъ всегда мало, вотъ я заставлю ихъ вернуть награбленное“. На самомъ дѣлѣ, онъ принудилъ казаковъ доставить извѣстное количество серебряныхъ слитковъ для статуй двѣнадцати апостоловъ въ Казанскомъ соборѣ, въ Петербургѣ. Въ Вильнѣ казаки продавали дѣтей несчастныхъ французовъ, покинувшихъ Москву, чтобы послѣдовать за великой арміей. Бѣдняжки, отнятые отъ материнской груди, могли лишь плакать въ жесткихъ рукахъ своихъ своеобразныхъ покровителей: они не могли назвать своихъ родителей, которые, безъ сомнѣнія, погибли во время отступленія. Одинъ итальянскій пѣвецъ, Сопрано Торкиніо, котораго я раньше встрѣчала въ Вильнѣ, гдѣ онъ давалъ уроки, и который былъ въ Москвѣ во время взятія ея французами (онъ каждый вечеръ пѣлъ у Наполеона, всегда просившаго его спѣть „Нину“—сочиненіе Паезіелло), тоже былъ взять казаками и приведенъ въ Вильну, гдѣ онъ былъ освобожденъ. Торкиніо разсказалъ мнѣ довольно любопытныя вещи о своихъ сторожахъ. Каждый вечеръ, возвращаясь на биваки, казаки, въ видѣ развлеченія, переодѣвались въ награбленные днемъ мундиры французскихъ маршаловъ и генераловъ. Бѣдный Торкиніо и его товарищъ—итальянецъ, тоже хорошій артистъ, принуждены были пѣть, чтобы заработать свой ужинъ. Усѣвшись на обледенѣломъ снѣгѣ вокругъ костра, освѣщавшаго своимъ яркимъ пламенемъ ихъ дикія лица и богатыя одежды, представлявшія такой удивительный контрастъ съ манерами ихъ владѣтелей, —казаки, казалось, наслаждались гармоничными звуками юга, пѣснями, гдѣ воспѣвалась „возлюбленная Нина“,—безконечно чарующими пѣснями, которыя могли бы смягчить не только этихъ суровыхъ дѣтей сѣвера, но также ихъ жестокій климатъ.

Тысячи подобныхъ разсказовъ являлись предметомъ нашихъ бесѣдъ въ виленскомъ обществѣ. Какъ ненавистенъ былъ намъ

истинный виновникъ всѣхъ этихъ бѣдствій! Помню, какъ на одномъ изъ такихъ собраній, присутствующіе стали изобрѣтать разнаго рода казни для Наполеона. Особенно изобрѣтателенъ былъ одинъ англичанинъ, дѣлавшій предложенія въ мрачномъ духѣ своихъ соотечественниковъ. Когда насталъ мой чередъ, я сказала: „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Наполеонъ утонулъ въ тѣхъ слезахъ, которыя онъ заставилъ пролить“.

Среди всѣхъ этихъ бѣдственныхъ картинъ я также испытывала личныя горести. Я не получала никакихъ извѣстій отъ моего отца и братьевъ.

Часто приходили сказать мнѣ, что они взяты въ плѣнъ, и что въ данныхъ обстоятельствахъ можно этому только радоваться.

ГЛАВА XI.

Возвращеніе императора Александра въ Вильну. Бесѣды его съ авторомъ мемуаровъ.

Не прошло еще пятнадцати дней со времени возвращенія въ Вильну русскихъ войскъ. Однажды утромъ я проснулась съ той печалью, съ тѣмъ стѣсненіемъ сердца, которое стало для меня обычнымъ. Въ этомъ настроеніи я въ первую минуту пробужденія не могла дать себѣ отчета,—страдаю ли я отъ совершившагося несчастья или отъ предчувствія его. Вдругъ, пришли сказать мнѣ, что въ эту ночь пріѣхалъ императоръ. Я заплакала и воскликнула“. „Ангелъ здѣсь! Мы всѣ будемъ спасены!“

Днемъ ко мнѣ явился съ визитомъ милый, добрый графъ Толстой, и я искренно была рада вновь увидѣться съ нимъ. Онъ передалъ мнѣ *благодарность* нашего обожаемаго государя.

Мы довольно долго бесѣдовали о несчастіяхъ, вызванныхъ этой войной, и утѣшали другъ друга надеждой на болѣе счастливое будущее. Графъ Толстой простился со мной. Вдругъ, спускаясь уже съ лѣстницы, онъ вспоминаетъ главную цѣль своего визита и, поспѣшно возвращаясь, говоритъ мнѣ: „Тысячу разъ прошу извинить меня. Я забылъ сказать, что государь поручилъ мнѣ спросить у васъ, можетъ ли онъ навѣстить васъ сегодня вечеромъ“.

Когда онъ вышелъ, я не могла удержаться отъ смѣха и дала себѣ слово разсказать императору объ этомъ новомъ проявленіи памяти его оберъ-гофмаршала.

Хотя я была счастлива при мысли, что опять увижу государя, тѣмъ не менѣе, вспоминая о моемъ отцѣ и братьяхъ, я чувствовала невыразимое смущеніе. Они покинули свою страну, чтобы послѣдовать за врагами своего государя. Они нѣкоторымъ образомъ были къ этому принуждены; тѣмъ не менѣе, фактъ былъ на лицо. Что скажу я ему? И что скажетъ онъ мнѣ? Какое затруднительное положеніе!

Но присутствіе Александра, благосклонное выраженіе того, что онъ называлъ своей признательностью ко мнѣ (внушавшею мнѣ самую глубокую благодарность къ его ангельской добротѣ, цѣнившей во мнѣ небольшое доказательство моей преданности къ нему), разсѣяли всѣ возникшія въ моемъ умѣ облака и дали мнѣ спокойно, безбоязненно насладиться счастьемъ видѣть и слышать его. Наконецъ, самъ онъ со свойственной ему необычайной деликатностью, казалось, угадывалъ мои страданія. Онъ слѣдующими словами приступилъ къ этому тягостному вопросу: „Я не могу обвинять литовцевъ; имъ пришлось уступить силѣ: тайна нашей тактики была имъ неизвѣстна. Они не могли предвидѣть ни хода событій, ни ихъ направленія. Притомъ, вполнѣ естественно было имъ желать возстановить свое государство. Тѣмъ не менѣе, императоръ Наполеонъ далекъ былъ отъ мысли осуществить ихъ надежды, такъ какъ онъ отвергъ всѣ предложенія, съ которыми я черезъ Балашова обратился къ нему въ началѣ кампаніи. Я рѣшилъ тогда принести большія жертвы, чтобы сохранить миръ и свободу торговли, безъ которой государство мое не можетъ существовать. Что Наполеонъ никогда не думалъ о возстановленіи Польши —это ясно изъ того, что онъ не принялъ тѣхъ уступокъ, на которыя я былъ согласенъ. Въ концѣ концовъ, я терялъ лишь

завоеванную территорію; имперія оставалась неприкосновенной. Онъ этого не захотѣлъ. Поэтому мнѣ пришлось проводить планъ дѣйствій, успѣхъ котораго явился плодомъ нашей стойкости и помощи свыше.

Мы не могли по собственному почину пойти на рискъ войны противъ такихъ искусныхъ генераловъ, съ арміей, въ теченіе двадцати лѣтъ привыкшей побѣждать и командуемой великимъ полководцемъ, таланты котораго и военный геній до этой кампаніи не знали пораженій... Скорѣе, чѣмъ отказаться отъ намѣченнаго плана и принять условія, которыя Наполеонъ хотѣлъ мнѣ предписать, я готовъ былъ пожертвовать не только Москвой, но и Петербургомъ, и удалиться въ Казань, въ глубь Россіи, хотя бы до границъ Азіи. И при этомъ, опять таки я не рисковалъ настоящими границами, ибо Петербургъ построенъ на Шведской землѣ, а Москва — наше древнее пріобрѣтеніе. Но, добавилъ государь, улыбаясь, я, во всякомъ случаѣ, разсчитывалъ, что мнѣ представится возможность вернуться. Повторяю, сказалъ государь, я ничего не имѣю противъ литовцевъ. Мы сами ихъ покинули, но этого больше не случится".

Государь затѣмъ соблаговолилъ сказать мнѣ, что онъ пережилъ очень печальныя минуты со времени пребыванія своего въ Вильнѣ и въ теченіе шестимѣсячной кампаніи. „Я очень много перестрадалъ", сказалъ государь, „и сильно тревожился. Петербургское населеніе волновалось, большинство было недольно первыми военными дѣйствіями. Въ послѣднее царствованіе и при императрицѣ Екатеринѣ придворныя интриги гораздо болѣе привлекали общественное вниманіе, чѣмъ теперь; и въ настоящее время всѣ хотятъ быть посвященными въ тайны правительства и политики; возможно ли удовлетворить всѣхъ?.. Я не раздѣляю *счастливую* философію Наполеона, и эта несчастная кампанія стоила мнѣ десятка лѣтъ жизни"... Государь назвалъ кампанію *несчастной!* Но, вѣдь, онъ былъ побѣдите-

лемъ! Онъ торжествовалъ! Но это великодушное сердце не могло радоваться своимъ успѣхамъ при видѣ страданій всего человѣчества.

Чтобы избавить чувствительные взоры императора отъ картины бѣдствій, причиненныхъ этой жестокой войной, былъ составленъ новый маршрутъ, удалявшій его отъ пути, по которому слѣдовали арміи. Тѣмъ не менѣе онъ встрѣтилъ по дорогѣ нѣсколько несчастныхъ заблудившихся французовъ. Онъ давалъ имъ вспомоществованіе или сажалъ ихъ въ свои сани. Такимъ образомъ онъ привезъ больного французскаго солдата въ принадлежавшій моему отцу замокъ Постави. Императоръ ночевалъ тамъ, оставилъ несчастному денегъ и просилъ позаботиться о немъ. Таково было поведеніе государя относительно его враговъ: онъ уже не считалъ ихъ за таковыхъ, разъ они были несчастны. Наполеонъ совершенно иначе велъ себя, когда онъ, среди бѣдствій, бросилъ собственныхъ солдатъ—орудіе его карьеры и славы.

Императоръ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Вильну въ три дня, въ открытыхъ саняхъ, что утомительнѣе, чѣмъ ночь, проведенная на бивуакахъ. И онъ сказалъ смѣясь: „За поѣздку въ Вильну мнѣ пришлось поплатиться кончикомъ носа.“

Подали чай. Императоръ любилъ чай и пилъ его много. Разливая чай, г-жа Т. предложила государю чашку, но онъ не согласился взять ее, говоря, что первая очередь за мной, и сказалъ тономъ любезной шутки: „Хотя я и сѣверный дикарь, но я знаю, какъ надо обходиться съ дамами.“

Императоръ много разспрашивалъ меня о Наполеонѣ и о томъ, какъ я была ему представлена. Я попросту разсказала то, что произошло при этомъ случаѣ. Государь повторилъ, что я выказала удивительную смѣлость, не побоявшись того, передъ кѣмъ дрожали даже мужчины. Я отвѣтила, что для меня было счастьемъ дать его величеству единственное дока-

зательство преданности, которое было въ моей власти, и что я не смѣла бы надѣяться когда-либо получить столь отрадную награду — одобреніе моего государя. Онъ пожелалъ знать, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Наполеонъ. Я сказала, что внѣшность его не соотвѣтствовала моему представленію, которое я составила себѣ о немъ, судя по его генію. „Вотъ именно, такое же впечатлѣніе произвелъ онъ и на меня,“ замѣтилъ государь. „Обратили вы вниманіе на его свѣтло-сѣрые глаза, столь проницательные, что трудно выдержать его взглядъ?“—„Я ничего не нашла внушительнаго въ личности Наполеона,“ сказала я тогда. „Признаюсь, несмотря на чрезвычайную доброту вашего величества, я испытываю большую робость въ вашемъ присутствіи, чѣмъ когда меня представляли Наполеону; между тѣмъ я знала, насколько онъ непривѣтливъ и необходителенъ въ своемъ обращеніи съ женщинами.“— „Какъ,“ сказалъ императоръ, „неужели я внушаю вамъ страхъ?“ —„Да, ваше величество, страхъ заслужить ваше неодобреніе.“ Государь любезно поблагодарилъ меня. Императоръ спросилъ также, видѣла ли я неаполитанскаго короля. Я отвѣтила, что я лишь вскользь видѣла его изъ своего окна, со стороны двора, и что онъ произвелъ на меня впечатлѣніе театральнаго короля, съ его желтыми сапогами и большимъ султаномъ à la Henri IV.

— Да, — сказалъ государь,—онъ заимствовалъ лишь костюмъ этого короля, а не его нравственныя качества. Жаль, что вамъ не пришлось поговорить съ нимъ; у него гасконскій акцентъ. При моемъ первомъ свиданіи съ Наполеономъ я увидѣлъ около него молодого Журка, котораго тотчасъ представили мнѣ подъ именемъ и титуломъ герцога Бергскаго, зятя императора. Въ другой разъ онъ появился въ розовомъ мундирѣ испанскаго покроя, съ зелеными украшеніями.“

Я заговорила о новой милости, оказанной Наполеономъ его зятю.

— Онъ черезчуръ добръ, сказалъ государь,—Наполеонъ долженъ бы разстрѣлять его, такъ какъ это онъ погубилъ его, уничтоживъ французскую кавалерію.

Государь не могъ удержаться отъ улыбки, когда я передала ему фразу, которую сказалъ Наполеонъ, при представленіи ему дамъ: „Императоръ Александръ очень любезенъ, онъ покорилъ всѣ ваши сердца, mesdames. Хорошія ли вы польки?"

Бесѣдуя, я щипала корпію, и государь сказалъ мнѣ тогда милую фразу, которую я привожу, чтобы показать, какая деликатность и любезность проглядывала у него даже въ самыхъ мелочахъ: „Хотѣлось бы быть раненымъ, чтобы пользоваться этой корпіей."

Когда зашла рѣчь о нѣкоторыхъ подробностяхъ пребыванія Наполеона въ Вильнѣ и услугъ, которыя онъ требовалъ отъ своихъ сановниковъ (такъ, напримѣръ, Коленкуръ долженъ былъ подавать ему подножку), государь, очень шокированный, воскликнулъ: „Развѣ можно такъ унижать личность посланника? И притомъ, какое удовольствіе, чтобы вамъ прислуживали камергеры и шталмейстеры. Развѣ мой камердинеръ не лучше служитъ мнѣ, чѣмъ всѣ эти *придворные полотеры.* Къ счастью, продолжалъ онъ, теперь уже перестаютъ считать, что придворнаго мѣста достаточно, чтобы заполнить дѣятельность человѣка; и тѣ, которые имѣютъ такое мѣсто, несутъ другую службу, въ военномъ или административномъ вѣдомствѣ."

Философъ на тронѣ, какъ называлъ Александра Наполеонъ, ярко обрисовывался въ этихъ словахъ и, особенно, въ его равнодушіи ко всей помпѣ, которой обыкновенно окружаетъ себя верховная власть. Г-жа Ф. призналась, что, съ своей стороны, все

это кажется ей *очень красивымъ*. — „Такъ васъ соблазняетъ суетный блескъ?“ отвѣчалъ государь. И онъ произнесъ тогда прекрасныя слова, которыя я уже приводила раньше, но которыя заслуживаютъ, чтобы ихъ всегда повторять.—„Надо побывать на моемъ мѣстѣ, чтобы составить себѣ понятіе объ отвѣтственности государя и о томъ, что я испытываю при мысли, что когда-нибудь мнѣ придется дать отчетъ передъ Богомъ въ жизни каждаго изъ моихъ солдатъ. Нѣтъ, престолъ—не мое призваніе, и если бъ я могъ съ честью измѣнить условія моей жизни, я бы охотно это сдѣлалъ.“ Какъ изумительны были эти слова въ такую минуту въ устахъ государя, торжествовавшаго надъ самымъ страшнымъ своимъ противникомъ, покорителемъ Европы! —„У меня такъ мало поддержки въ моихъ стремленіяхъ къ счастью моего народа!“ сказалъ онъ затѣмъ. „Признаться, иногда я готовъ биться головой объ стѣну, когда мнѣ кажется, что меня окружаютъ одни лишь себялюбцы, пренебрегающіе счастьемъ и интересами государства и думающіе лишь о собственномъ возвышеніи и карьерѣ.“ Какія прекрасныя чувства! Какая ангельская душа проглядывала въ любви государя къ миру, въ его презрѣніи къ роскоши, къ честолюбію и, вообще, къ царедворцамъ! Для этого любящаго сердца недостаточно было счастья его собственныхъ подданныхъ; онъ мечталъ о счастіи всего человѣчества; онъ хотѣлъ бы возвратить міру золотой вѣкъ.—„Почему бы,“ говорилъ онъ, „всѣмъ государямъ и европейскимъ народамъ не сговориться между собой, чтобы любить другъ друга и жить въ братствѣ, взаимно помогая нуждающимся въ помощи? Торговля стала бы общимъ благомъ въ этомъ обширномъ обществѣ, нѣкоторые изъ членовъ котораго, несомнѣнно, различались бы между собой по религіи; но духъ терпимости объединилъ бы всѣ исповѣданія. Для Всевышняго, я думаю, не имѣетъ значенія, будутъ ли къ Нему обращаться по-гречески или по-латыни, лишь бы

исполнять свой долгъ относительно Его и долгъ честнаго человѣка. Длинныя молитвы не всегда бываютъ угодны Богу." —„Государь," сказала я тогда, „а я между тѣмъ возносила долгія молитвы за ваше величество." Государь, казалось, былъ тронутъ и, поблагодаривъ меня съ обычной своей привѣтливостью, прибавилъ: „Молитвы такой чистой души, безъ сомнѣнія, исполнятся."

Я осмѣлилась при этомъ замѣтить, что если бъ всѣ люди слѣдовали морали Евангелія, морали столь отрадной, столь доступной каждому, можно было бы, принявъ принципы этой божественной книги, обходиться безъ другихъ законовъ.

Императоръ одобрилъ мою мысль.

Я бы желала, чтобъ короли могли такъ же, какъ я, послушать этого государя, чтобы запомнить всѣ его слова и руководствоваться ими въ своемъ поведеніи. Его величество перевелъ разговоръ на произведенія философовъ XVIII вѣка, Вольтера, Руссо, Дидро, д'Аламбера и др. Изъ произведеній Вольтера я знала только его трагедіи, „Генріаду", историческія его сочиненія; Руссо я почти не знала. Государь увѣрялъ, что философія Руссо менѣе повредила религіи, чѣмъ сочиненія Вольтера. Многія филантропическія идеи этого писателя, повидимому, нравились государю и подходили къ складу его ума. Я также отмѣтила нѣкоторое соотвѣтствіе между идеями государя о всеобщемъ мирѣ и сочиненіемъ Сенъ-Пьера. Государь одобрительно отозвался о „Геніи Христіанства", произведеніи, по справедливости, такъ же знаменитомъ, какъ и его авторъ, о философіи Канта, столь глубокой и отвлеченной, что можно считать ее непонятной и не понятой даже самимъ Кантомъ.

Среди этой серьезной бесѣды, государь вдругъ прервалъ себя, смѣясь: „Не знаю," сказалъ онъ, „что мнѣ вздумалось читать курсъ морали, бесѣдуя съ хорошенькой женщиной.

Если бъ меня слышали, надо мной, навѣрно, стали бы смѣяться."—Я поспѣшила отвѣтить, что я воспользуюсь этимъ курсомъ морали, и, благодаря его величеству, стану лучше"—. „Ахъ! вамъ этого не надо, вы много лучше насъ. Впрочемъ," замѣтилъ онъ, „такіе разговоры со многими женщинами неумѣстны; есть такія, которымъ постоянно нужны сказочки."

Разговоръ вскорѣ вновь перешелъ къ Наполеону. Александръ, съ полнымъ основаніемъ, удивлялся изумительной непредусмотрительности этого великаго воина, отважившагося идти въ опустошенную страну съ шестьюстами тысячъ человѣкъ, безъ всякаго провіанта и жизненныхъ запасовъ; и послѣдствіемъ этой непредусмотрительности явилось мародерство и неповиновеніе арміи... Наполеонъ самъ говорилъ лицамъ, умолявшимъ его издать арміи строгіе приказы для прекращенія грабежа: „Что же мнѣ дѣлать? Надо же имъ чѣмъ-нибудь жить." — „Наполеонъ думалъ," продолжалъ государь, „что легко поднять русскій народъ, соблазнивъ его въ разныхъ прокламаціяхъ перспективой свободы. Но какъ было неполитично оскорблять религіозные взгляды русскаго народа, допустивъ, чтобы французскія войска безнаказанно совершали кощунства въ святыхъ мѣстахъ, освященныхъ религіей. При видѣ оскорбленій и расхищеній, совершаемыхъ по отношенію къ предметамъ ихъ культа, русскіе сочли за ловушку всѣ сдѣланныя имъ предложенія; и, всегда вѣрные своему Богу и своему государю, вмѣсто того, чтобы бѣжать навстрѣчу своимъ мнимымъ освободителямъ, они удалились въ глубь лѣсовъ съ своими женами, дѣтьми и скотомъ; и сами поджигали свои жилища, не переставая тормозить движеніе непріятельскихъ войскъ. О, мои бородачи!" съ энтузіазмомъ воскликнулъ государь, „они много лучше насъ! Вотъ гдѣ еще можно найти патріархальные нравы, глубокое уваженіе къ религіи, любовь къ Богу, полную преданность личности государя!..."

Александръ сталъ говорить затѣмъ объ услугахъ, оказанныхъ въ этой кампаніи евреями, которые подожгли мостъ, чтобы задержать движеніе французовъ. „Они выказали удивительную преданность,“ сказалъ государь.—„Да, удивительную,“ повторила я, думая въ эту минуту лишь о совершенныхъ евреями жестокостяхъ. Замѣтивъ сейчасъ же, что восклицаніе это съ моей стороны было болѣе чѣмъ наивно, я спохватилась и прибавила: „Судя по себѣ, ваше величество, я не вижу въ этомъ ничего удивительнаго...“

Императоръ опять заговорилъ о личности Наполеона, его манерахъ, небольшомъ ростѣ и т. д. „Ваше величество,“ сказала я, „весьма рѣдко бываетъ, чтобы государь соединялъ въ себѣ всѣ качества.“—„Но примѣры этому бываютъ,“ сказала г-жа Ф. „О, да, конечно...“ съ живостью подхватила я. Тотчасъ угадавъ, кого я при этомъ разумѣю, государь, краснѣя, закрылъ себѣ лицо обѣими руками и сказалъ съ самой любезной улыбкой: „Пожалуйста, безъ комплиментовъ.“

На слѣдующій день городъ собирался дать большой балъ по случаю годовщины дня рожденія его величества, но государь отказался отъ этой почести и сказалъ мнѣ по поводу этого отказа, мотивированнаго столькими причинами: „Я подумалъ, что въ данныхъ обстоятельствахъ танцы и даже самые звуки музыки не могутъ быть пріятны.“

Я поспѣшила выразить сочувствіе столь справедливой мысли.

Прощаясь со мной, государь изволилъ вновь любезно выразить свое участіе ко мнѣ и благоволеніе. Я проводила государя до передней, гдѣ его ждалъ любимый его кучеръ Илья, который напился чаю съ моимъ лакеемъ и горничными, въ то время, какъ, по моему приказанію, другіе слуги смотрѣли за лошадьми государя. Кучеръ остался очень доволенъ проведеннымъ вечеромъ, который былъ даже весьма шуменъ,

такъ какъ долгій, громкій смѣхъ доносился до гостиной, гдѣ я сидѣла съ государемъ, который, по счастью, не обратилъна это вниманія. Илья увѣрилъ моихъ людей, что онъ разскажетъ объ ихъ дружескомъ пріемѣ своему господину, которому, сказалъ онъ, это, навѣрно, доставитъ удовольствіе. Слуга этотъ своимъ прекраснымъ характеромъ, вполнѣ заслуживалъ безграничную привязанность къ нему императора. Мнѣ разсказали о немъ трогательный эпизодъ.

Государь имѣлъ обыкновеніе ѣздить по улицамъ Петербурга въ дрожкахъ или, зимой, въ саняхъ, запряженныхъ въ одиночку. Лошадью правилъ Илья. Однажды, когда государь объѣзжалъ городъ, Илья повезъ его въ грязную, плохо застроенную улицу. „Зачѣмъ ты везешь меня въ этотъ кварталъ?" спросилъ государь. Илья тотчасъ повернулъ назадъ. Тѣмъ не менѣе въ другой разъ онъ опять повезъ государя въ то же мѣсто. Государь, очень удивленный, сказалъ: „Ты не безъ причины все возишь меня на эту улицу?" Принужденный отвѣчать, Илья сказалъ: „Если ваше величество дозволитъ, я отвѣчу, когда мы проѣдемъ подальше." Государь согласился. Подъѣхавъ къ одной хижинѣ, Илья остановился. „Ваше величество," сказалъ онъ, „вотъ жилище вдовы моего прежняго хозяина, который уступилъ меня вашему величеству." Государь ничего не отвѣтилъ; но, вернувшись во дворецъ, онъ далъ честному Ильѣ денегъ для передачи прежней хозяйкѣ, съ обезпеченіемъ ей пенсіи на остатокъ ея дней. Мужъ этой дамы потерялъ все состояніе и оставилъ ее въ нищетѣ. *)

---

*) По смерти императора Александра ничто не могло заставить Илью разстаться съ тѣломъ его обожаемаго господина.

Онъ повезъ его изъ Таганрога въ Петербургъ и, несмотря на сильный холодъ и свои преклонные годы, спалъ всѣ ночи на колесницѣ, везшей драгоцѣнные останки государя.

ГЛАВА XII.

Праздникъ въ честь Александра. Варварская почесть, отвергнутая государемъ.

Въ годовщину рожденія императора Александра государю представлялись разныя лица. Немногіе, оставшіеся въ Вильнѣ представители литовской аристократіи, зашли ко мнѣ изъ замка. Господа эти были еще подъ впечатлѣніемъ величественнаго обращенія императора Александра и его рѣчи.

— Господа,—сказалъ имъ государь, окинувъ взглядомъ собраніе,—я недоволенъ многими литовцами и одобряю лишь весьма немногихъ среди нихъ. Но я предпочитаю забыть прошлое, въ надеждѣ, что вы уже не поставите себя въ положеніе, въ которомъ вамъ пришлось бы прибѣгать къ моей снисходительности“ и т. д.

Днемъ я получила приглашеніе на вечеръ къ фельдмаршалу Кутузову. Государь обѣдалъ у него, и говорили неопредѣленно, что онъ вторично будетъ у него вечеромъ. Входя къ фельдмаршалу, я очень удивилась при видѣ приготовленій къ танцамъ, музыкантовъ, массы военной молодежи и т. д. Въ ту минуту, когда входилъ императоръ, къ ногамъ его положили знамена, недавно отнятыя у непріятеля. Я видѣла, какъ императоръ отступилъ съ движеніемъ удивительной скромности, исходившимъ изъ великодушнаго чувства... Затѣмъ онъ вошелъ въ кабинетъ фельдмаршала. Послѣдній вскорѣ вышелъ

изъ кабинета и сказалъ мнѣ: „Мы сейчасъ нѣчто сдѣлали для васъ.“ Не понимая, что хотѣлъ сказать фельдмаршалъ, я попросила у него объясненія. Рѣчь шла о только что подписанной императоромъ амнистіи въ пользу литовцевъ.

Какая прекрасная мысль—ознаменовать забвеніемъ и прощеніемъ тотъ день, когда онъ впервые увидѣлъ свѣтъ!

Приглашая меня на танцы, государь сказалъ мнѣ: „Вѣроятно, вы удивитесь, что попали на балъ послѣ моихъ вчерашнихъ словъ; но, что дѣлать, надо было доставить старику удовольствіе.“—Государь такъ называлъ фельдмаршала. Онъ однажды сказалъ мнѣ, говоря о Кутузовѣ: „*Старикъ имѣетъ основаніе быть довольнымъ, морозъ сыгралъ ему въ руку.*“— Между тѣмъ, онъ только что пожаловалъ этому *старику* бриллянтовый орденъ св. Андрея и великолѣпную почетную саблю, украшенную крупными алмазами и гирляндой лавра изъ изумруда; при этомъ фельдмаршалъ нашелъ, что драгоцѣнные камни слишкомъ малы, и увѣрялъ, что онъ это замѣтитъ самому государю.

Этотъ балъ, гдѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ литовцевъ, я видѣла лишь русскихъ военныхъ, мысленно переносилъ меня въ Петербургъ; и иллюзія была бы полная, если бы не этотъ залъ, гдѣ я видѣла Наполеона и французовъ. Я сказала императору, что, не покидая Вильны, я въ теченіе шести мѣсяцевъ, перевидала почти всѣ европейскія націи, и что это произвело на меня впечатлѣніе волшебнаго фонаря. Императоръ передалъ мнѣ также сдѣланное ему довольно вѣрное замѣчаніе, что Наполеонъ, самъ погубивъ свою армію, показалъ себя самымъ лучшимъ союзникомъ Россіи. Фельдмаршалъ представилъ его величеству одну русскую даму, которая послѣдовала за своимъ мужемъ на войну и на самое поле сраженія.

„Я не одобряю въ женщинѣ такого рода храбрость“, ска-

залъ императоръ, когда эта дама удалилась, „есть для нихъ другой способъ отличиться, болѣе достойный ихъ, болѣе соотвѣтствующій ихъ полу“, прибавилъ онъ, бросивъ на меня привѣтливый взглядъ.

Каждый день императоръ Александръ, сопровождаемый своей свитой, отправлялся пѣшкомъ на парадъ, на площадь передъ городской думой, почти напротивъ моихъ оконъ. Я слышала, какъ онъ говорилъ солдатамъ: „здорово, ребята“, при чемъ солдаты отвѣчали: „здравія желаемъ, ваше величество“.

Эта взаимная заботливость, соединявшая государя съ арміей, отца съ усыновленными дѣтьми, гулъ всѣхъ этихъ мужественныхъ и воинственныхъ голосовъ,—все это производило впечатлѣніе чего-то торжественнаго и трогательнаго.

Однажды, когда я хвалила состояніе русскихъ войскъ, въ теченіе кампаніи никогда ни въ чемъ не нуждавшихся, императоръ сказалъ, взыхая: „Войска тоже много пострадали; здѣсь можно видѣть лишь то, что блеститъ“. Александръ считалъ несправедливымъ, что во Франціи императорская гвардія получаетъ болѣе высокій окладъ, чѣмъ рядовое войско.

Фельдмаршалъ Кутузовъ предложилъ мнѣ передать ему письмо моему отцу,—письмо, въ которомъ я посовѣтовала ему вернуться въ Литву. Онъ обѣщалъ доставить это письмо отцу черезъ еврея, шпіона и курьера арміи. Мой отецъ, дѣйствительно, получилъ его въ Варшавѣ, гдѣ онъ былъ еще во власти французовъ.

Посланіе это, написанное осторожно и показанное императору и фельдмаршалу, произвело сильное впечатлѣніе среди агентовъ французскаго правительства. Вообразили, что мой отецъ поддерживалъ тайныя сношенія съ русскими. Онъ принужденъ былъ обязаться послѣдовать за французами; и ему стóило большого труда помочь несчастному еврею спастись бѣгствомъ.

ГЛАВА XIII.

Заботы Александра о французскихъ плѣнныхъ. Императоръ уѣзжаетъ изъ Вильны.

Въ теченіе своего двухнедѣльнаго пребыванія въ Вильнѣ императоръ Александръ посвящалъ облегченію человѣческихъ страданій всѣ минуты, въ которыя онъ могъ оторваться отъ правительственныхъ и военныхъ дѣлъ. Всегда въ сопровожденіи генерала Сенъ-При онъ лично обходилъ госпитали, не боясь зловреднаго заразнаго воздуха, который внушалъ намъ сильнѣйшія опасенія за его драгоцѣнную жизнь! Благодаря ему, вездѣ возстановлялся порядокъ, и надежда возвращалась въ сердца несчастныхъ плѣнныхъ. Однажды одна бѣдная француженка съ двумя малыми дѣтьми бросилась на улицѣ къ ногамъ государя, возвращавшагося съ парада слезы этихъ несчастныхъ тронули его до слезъ, и онъ поспѣшилъ оказать имъ помощь. Одинъ солдатъ, котораго я пріютила, однажды разсказалъ мнѣ, что, встрѣтивъ молодого, красиваго и съ виду добраго русскаго офицера, онъ остановилъ его и попросилъ милостыни. Красивый молодой человѣкъ велѣлъ ему пойти въ кухню императорскаго дворца и сказать, что братъ великаго князя приказалъ, чтобы ему дали поѣсть.—„Я сдѣлалъ, какъ онъ мнѣ сказалъ“, прибавилъ солдатъ, „и хорошо же я тогда поѣлъ“! Несчастный не зналъ, что этотъ братъ великаго князя былъ самъ императоръ.

Извѣстіе о смерти принца Ольденбургскаго, зятя Александра, погибшаго отъ госпитальной лихорадки, усилило наши страхи за жизнь государя. Накануиѣ своего отъѣзда государь провелъ у меня вечеръ, при чемъ я осмѣлилась высказать ему свои опасенія и умолять его бережливѣе относиться къ столь драгоцѣнной для насъ жизни.

„Эти эпидемическія болѣзни“, отвѣчалъ императоръ, „совсѣмъ не страшны при отсутствіи мнительности и при здоровомъ организмѣ. Къ несчастью, по отношенію къ моему зятю, эти условія отсутствовали, и онъ погибъ“...

Я сама испытала то, что говорилъ государь: я ежедневно, въ собственномъ домѣ, бывала съ лицами, заболѣвшими госпитальной лихорадкой; но, пользуясь прекраснымъ здоровьемъ, я ни разу не заразилась этой болѣзнью. Я спросила у государя, правда ли, что его узнавали при посѣщеніи имъ госпиталей?—„Да“, сказалъ онъ, „меня узнали въ офицерской комнатѣ; но обыкновенно меня принимали за адъютанта генерала Сенъ-При“.

По этому поводу государь разсказалъ мнѣ одинъ эпизодъ, который очень его тронулъ и на меня произвелъ такое же впечатлѣніе. Одинъ умирающій испанскій офицеръ, лежа на своемъ одрѣ, диктовалъ конецъ письма своему товарищу, когда генералъ Сенъ-При въ сопровожденіи государя подошелъ и заговорилъ съ нимъ.

„Г-нъ офицеръ“, слабымъ голосомъ сказалъ испанецъ, обращаясь къ Александру, котораго онъ принялъ за адъютанта русскаго генерала,—будьте добры, отправьте это письмо. Я въ немъ посылаю послѣднее прости въ Испанію, моей женѣ“. —„Я доставлю это письмо“, сказалъ государь, который тогда собиралъ всѣхъ испанскихъ плѣнныхъ, чтобы отправить ихъ моремъ, на свой счетъ, на родину. Государь, посѣтившій французскій госпиталь, въ центрѣ университетскихъ зданій, опи-

салъ его въ такихъ краскахъ, что кровь леденѣла въ жилахъ и нельзя было не содрагаться отъ ужаса..—„Я отправился въ госпиталь вечеромъ“, сказалъ государь. „Одна единственная лампа освѣщала эти темные своды, подъ которыми были нагромождены цѣлые ряды труповъ, до самаго потолка. Я не могу выразить ужасъ, который охватилъ меня, когда, среди этихъ безжизненныхъ тѣлъ, вдругъ зашевелились еще живыя существа... Наконецъ“, продолжалъ государь, „никто не хочетъ сопровождать меня, когда я отправляюсь въ госпитали; и мои молодые люди, которые съ восторгомъ идутъ на приступъ или въ бой, стараются найти какой-нибудь благовидный предлогъ, чтобы не сопровождать меня, когда я иду исполнять этотъ долгъ“.

Говоря о безпорядкѣ, господствовавшемъ во французской администраціи, государь сказалъ: „Я хочу, чтобы императоръ Наполеонъ зналъ, какъ плохо служили ему тѣ, кого онъ облекъ своимъ довѣріемъ“...

Разговоръ естественно перешелъ къ ненасытному честолюбію этого великаго полководца, къ увлеченіямъ и несчастіямъ, въ которыя честолюбіе это вовлекало французовъ и остальную Европу.

„Боже мой!“ сказалъ Александръ, прижимая обѣ руки ко лбу, „какая блестящая карьера еще предстояла этому человѣку!.. Онъ могъ дать Европѣ миръ; это было въ его власти, и онъ этого не сдѣлалъ! Теперь чары его разсѣяны! Посмотримъ, что лучше удастся,—внушать страхъ или любовь.“ Какое благородное соревнованіе сказалось въ этомъ словѣ! Внушать любовь! Да, въ этомъ замѣчалась вся тайна великодушной и благородной политики Александра. Въ теченіе всего своего царствованія онъ всегда относился ко всѣмъ европейскимъ государямъ, *какъ другъ къ другу*.—„Въ концѣ концовъ“, сказала я, „не Наполеону достанется честь умиротворенія Европы“.

—„Не все ль равно“, отвѣтилъ государь,—„сдѣлаетъ ли это онъ или я, лишь бы водворился миръ“.—Когда я выразила желаніе, чтобы миръ былъ заключенъ слѣдующей весной, государь возразилъ горячо: „Почему же не этой зимой? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“.

Императоръ такъ пламенно желалъ утвержденія мира, главной цѣли, къ которой клонились всѣ его желанія и мысли, что онъ считалъ потерянными время, проведенное имъ въ Вильнѣ. „Мнѣ пріятно было въ Вильнѣ“, прибавилъ государь, „но, по ходу политическихъ событій, надо торопиться, чтобы воспрепятствовать Наполеону собрать свои силы на Вислѣ. Мы принуждены были дать войскамъ нѣкоторый отдыхъ послѣ тяжелаго похода“...

Императоръ Александръ былъ такъ скроменъ, что лестныя замѣчанія, хотя и правдивыя, были ему непріятны. Я ему сказала, что мы недавно старались найти въ исторіи государя, котораго можно было бы сравнить съ его величествомъ... Онъ не далъ мнѣ кончить: „Умоляю васъ,—безъ комплиментовъ“, сказалъ онъ, опуская голову. Не знаю, по какому поводу заговорили о семьѣ Наполеона. Г-жа Ф. одобрительно отозвалась о нравственныхъ качествахъ Люсьена Бонапарта. „Нѣтъ“, холодно сказалъ государь, „я не хотѣлъ бы походить на него“. Затѣмъ онъ воскликнулъ съ увлеченіемъ: „Но я хотѣлъ бы уподобиться Моро!*) Вотъ, по истинѣ, великій человѣкъ.

Государь описалъ затѣмъ достоинства и таланты этого искуснаго генерала. Повидимому, Александръ уже мысленно избралъ французскаго патріота для выполненія своихъ глубоко

*) Императоръ. какъ мнѣ кажется, долженъ былъ сказать: „Если бы я не былъ Александромъ, я бы хотѣлъ быть Моро“. Прим. автора „Мемуаровъ“.

задуманныхъ плановъ, политическихъ и военныхъ. Я заговорила съ государемъ объ одномъ портретѣ сына Наполеона, именуемаго тогда римскимъ королемъ, на которомъ онъ очень напоминалъ своего отца.

„Это для него большое счастье“, сказалъ государь, „если вѣрить всему, что говорятъ о его рожденіи. Какъ прискорбно, продолжалъ государь, что французы проявляютъ такое самопожертвованіе по отношенію къ человѣку, который въ глубинѣ души презираетъ ихъ, хотя онъ съ ихъ помощью и дѣлаетъ такія великія дѣла! При моемъ свиданіи съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ онъ сказалъ мнѣ, по поводу нѣкоторыхъ высказанныхъ мною мыслей о способахъ управленія этимъ народомъ: „Вы французовъ не знаете, надо править ими, подобно мнѣ,—при помощи желѣзнаго бича“. —„Я признаю теперь, какъ правъ былъ Талейранъ, сказавшій мнѣ тогда, что миръ для Франціи необходимъ. Я сильно не довѣрялъ въ политикѣ этимъ *сѣдымъ бородамъ*. Притомъ, освѣдомленный о военномъ могуществѣ французовъ и талантахъ ихъ главы, я думалъ, что, говоря такимъ образомъ, Талейранъ хотѣлъ уловить меня въ сѣти и предугадать мои мысли. Теперь событія доказываютъ мнѣ, что этотъ дипломатъ былъ правъ и что послѣ столь бѣдственной кампаніи въ Россіи и большихъ неудачъ, постигшихъ Францію въ Испаніи, страна эта, несомнѣнно, вполнѣ обѣднѣла, какъ солдатами, такъ и деньгами“. Услышавъ, съ какимъ презрѣніемъ Наполеонъ говорилъ о своихъ соотечественникахъ, г-жа Ф. сдѣлала замѣчаніе о томъ, какъ прискорбно, что Франція не можетъ узнать правды о бѣдствіяхъ этой войны и о лжи, которою Наполеонъ наполнялъ военные бюллетени.

„Мы были настолько предусмотрительны“, сказалъ государь, „что разбрасывали по берегамъ Франціи и во всѣхъ портахъ печатныя сообщенія, имѣвшія цѣлью извлечь эту страну изъ

ослѣпленія, въ которое ее погрузили и которое стараются поддержать. Впрочемъ, мы знаемъ, что заговоръ Маллэ далеко еще не подавленъ, и что во Франціи много недовольныхъ. Надо надѣяться, что всѣ событія сложатся такъ, чтобы привести къ желанному результату, къ прочному миру въ Европѣ. Послѣ сильныхъ потрясеній, которыя она пережила за послѣдніе тридцать лѣтъ, Европа сильно нуждается въ мирѣ".

Судя по этимъ брошеннымъ въ разговорѣ различнымъ мыслямъ, мнѣ трудно сказать, желалъ ли тогда же Александръ паденія Наполеона и вѣрилъ ли онъ въ возможность этого паденія. Но, говоря о Наполеонѣ, онъ нѣсколько разъ повторилъ съ особымъ выраженіемъ: „Чары разсѣяны". Не думалъ ли онъ о Бонапартѣ, вліяніе котораго онъ испыталъ на самомъ себѣ?

Государь сказалъ, что, воспринявъ революціонный жаргонъ, французы забыли свой настоящій языкъ. „Это удивительно", прибавилъ онъ,—„они уже не говорятъ на настоящемъ французскомъ языкѣ". Государь имѣлъ право быть разборчивымъ въ этомъ отношеніи, ибо самъ онъ всегда употреблялъ выраженія изящныя, избранныя и точныя. Я не знаю, гдѣ государь познакомился съ маршаломъ Удино, герцогомъ Режжіо, но онъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, любезномъ и былъ доволенъ, что маршалъ, во время своего пребыванія въ Смоленскѣ или Витебскѣ, самъ убѣдилъ жителей города не возставать противъ своего законнаго государя.

Говоря о порокахъ, которые онъ замѣчалъ въ современномъ воспитаніи, Александръ сказалъ: „Наши молодые люди воображаютъ, что, выучившись танцевать и говорить по-французски, они уже все знаютъ. Вы не можете себѣ представить", прибавилъ онъ, „до какой степени испорчены у насъ нравы. Никто не вѣритъ въ истинную дружбу, въ безкорыстное чувство къ женщинѣ, которая вамъ не мать, не жена, не сестра,

и не люб....“ Онъ не кончилъ послѣднее слово. Государь сталъ затѣмъ говорить, съ той проницательностью, которая составляла отличительную его черту, о принятыхъ въ Европѣ различныхъ системахъ упрощенія методовъ обученія, между прочимъ, объ алгебраической системѣ Песталоцци, которая казалась императору слишкомъ механической и мало способной развивать умъ.

„Стараясь облегчить молодымъ людямъ ученіе“, говорилъ государь, „изъ нихъ дѣлаютъ настоящія машины“.

Я не знаю, на какомъ основаніи авторы двухъ исторій объ императорѣ Александрѣ приписали возбужденному воображенію г-жи Крюднеръ идею священнаго союза и всеобщаго мира: этотъ благородный проектъ могъ зародиться лишь въ сердцѣ самого Александра.

Ни въ эту эпоху, ни впослѣдствіи, когда государь, въ различныхъ случаяхъ благоволилъ бесѣдовать со мной о знаменитыхъ писателяхъ прошлаго вѣка и нашего времени и даже о женщинахъ выдающагося ума, какъ г-жа Сталь, таланты которой онъ цѣнилъ, увѣряя, что она признала ошибочность своихъ сужденій о религіи и самоубійствѣ: никогда, говорю я, государь не произнесъ имени автора „Валеріи“. Я удивлялась, что онъ не упоминалъ также о г-жѣ Жанлисъ, выдающейся писательницѣ, изящной и плодовитой, написавшей столько полезныхъ и интересныхъ сочиненій о религіи, нравственности и чувствахъ, сочиненій, за которыя матери будутъ ей вѣчно признательны....

Государь соблаговолилъ спросить, какія у меня извѣстія о моей семьѣ; я повторила то, что слышала, что братья мои остались въ Литвѣ.—„Ахъ! какъ я радъ“, сказалъ государь съ такимъ искреннимъ выраженіемъ доброты, что я была тронута до глубины души. И онъ предложилъ мнѣ по этому поводу нѣсколько вопросовъ объ ихъ военной службѣ, о

полкахъ, которые были ими собраны противъ его войскъ; при этомъ онъ говорилъ совсѣмъ просто, съ поразительной добротой, доказывавшей, что прекрасная душа его была недоступна какому-либо чувству злопамятства. По-истинѣ, мнѣ кажется, я предпочла бы, чтобы Александръ гнѣвался на моихъ братьевъ; я бы тогда имѣла смѣлость защищать ихъ, тогда какъ его снисходительность почти что побуждала меня ихъ обвинять; и разговоръ этотъ былъ мнѣ такъ тяжелъ, что я съ большимъ трудомъ, при сильномъ сердцебіеніи, выговаривала одно слово за другимъ.

Съ тѣмъ же величіемъ души и чувствомъ негодованія государь отвергъ всѣ доносы, которые поспѣшили представить ему при его прибытіи въ Вильну, доносы часто ложные, всегда гнусные, которые, даже когда они были правдивы, могли лишь возмутить столь чувствительное и великодушное сердце. Онъ объявилъ, что не хочетъ ничего слышать: онъ здѣсь, чтобы прощать....

Между тѣмъ, въ актѣ амнистіи была одна тревожившая меня статья. Въ ней заключалась такая оговорка, что въ мартѣ мѣсяцѣ 1813 года—срокъ, предоставленный литовскимъ эмигрантамъ для ихъ возвращенія; имущества всѣхъ тѣхъ, кто не вернется къ этому времени, будутъ конфискованы. Я осмѣлилась высказать его величеству мои опасенія. Я сказала ему, что если мой отецъ не получитъ письмо мое въ Варшавѣ, ему не придется воспользоваться благодѣяніемъ амнистіи. Государь спросилъ, гдѣ, по моимъ предположеніямъ, находится отецъ мой. Я отвѣтила наудачу, что онъ въ Вѣнѣ. Моя мать была тамъ въ то время. „Такъ что же!“ сказалъ государь, „дайте письмо на его имя Толстому. Мы его, навѣрно, доставимъ, такъ какъ“, прибавилъ онъ, улыбаясь, „у насъ *въ теченіе всей кампаніи* всегда были *открытые каналы по отношенію къ Австріи.* Впрочемъ“, прибавилъ онъ, не тревожьтесь. Такія стро-

гія мѣры примѣняться не будутъ; онѣ объявлены лишь для того, чтобы воспрепятствовать отливу денегъ въ чужія страны и обращенію ихъ на поддержку непріятельскихъ войскъ".— Эго увѣреніе въ устахъ его величества показалось мнѣ вполнѣ достаточнымъ. Государь спросилъ меня затѣмъ о моихъ личныхъ планахъ. Я сказала, что намѣрена удалиться въ деревню. Онъ пожелалъ знать, гдѣ имѣніе, куда я предполаю уѣхать, и не находится ли оно на проходѣ войскъ: потому что, сказалъ онъ, солдаты—далеко не ангелы; и всѣ эти армейцы могутъ надѣлать безпорядковъ. И такъ какъ онъ проявилъ при этомъ самую любезную заботливость, я сказала: „Я ничего не боюсь, ваше величество, я отдаюсь подъ ваше покровительство".

Тронутый моимъ довѣріемъ, государь соблаговолилъ увѣрить меня, что онъ его оправдаетъ и прикажетъ генералъ-губернатору позаботиться о моей безопасности. Послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія, государь сказалъ самымъ мягкимъ тономъ.—„У меня къ вамъ небольшая просьба". Нѣсколько удивленная, я подняла глаза. „Вспоминайте иногда обо мнѣ".—„О, Боже мой! воскликнула я,—„я это дѣлаю во всѣ мгновенія моей жизни!" Мы были растроганы; и такъ сильно было вліяніе этой отзывчивой души, столь цѣнившей привязанность всѣхъ, близко къ ней подходившихъ, что нельзя было видѣть Александра, не пожелавъ стать лучше.

Прежде чѣмъ проститься со мной, государь поднялся и, не говоря, что онъ ищетъ, сталъ внимательно осматривать полъ во всѣхъ углахъ гостиной. Я поставила лампу на коверъ и тоже стала искать потерянный предметъ: оказалось, что государь искалъ небольшую лорнетку, которой онъ обычно пользовался и которая упала къ моимъ ногамъ, подъ столъ. Теперь я сожалѣю, что не присвоила ее себѣ, тѣмъ болѣе, что

она имѣла лишь ту цѣнность, что принадлежала Александру,—она была изъ простой черепахи, безъ украшеній.

Въ этотъ самый вечеръ произошелъ довольно забавный случай. Пріѣхавъ ко мнѣ, государь вошелъ въ гостиную, предшествуемый борзой собакой крупныхъ размѣровъ, которая прыгала вокругъ его величества. Зная, что государь не любитъ собакъ, я удивилась, что онъ привелъ ее съ собою; но я ничего не сказала и вскорѣ совсѣмъ позабыла о появленіи собаки. Лишь послѣ отъѣзда государя я вспомнила, что собака не осталась въ гостиной, и я спросила, куда она дѣвалась. Слуги мои отвѣтили, что они позаботились о собакѣ и угостили ее сухарями и молокомъ. Послѣ наведенныхъ точныхъ справокъ оказалось, что собака, которую такъ усердно угощали, не принадлежала ни государю, ни даже его кучеру Ильѣ, и никто не могъ узнать, откуда она взялась.

Я имѣла счастье вновь увидѣть Александра въ придворной церкви, въ день Рождества. Онъ уѣхалъ послѣ обѣдни, почти одинъ и безъ свиты. Кто-то замѣтилъ у фельдмаршала Кутузова, что осторожность требовала бы, чтобы императора лучше охраняли въ военное время, „Боже мой! воскликнулъ фельдмаршалъ, неужели кто-нибудь рѣшится сдѣлать зло этому ангелу".—Такой человѣкъ нашелся,—нельзя подумать объ этомъ безъ содраганія. И у него только не было случая выполнить свой замыселъ! Такой человѣкъ нашелся не среди непріятеля и не въ военное, а въ мирное время, въ собственномъ государствѣ Александра, среди неблагодарныхъ подданныхъ, достойныхъ всего гнѣва и всѣхъ каръ небесныхъ!

Безъ сомнѣнія, легко вспомнить и передать всѣ замѣчательныя слова Александра и благородныя чувства, вырвавшіяся изъ его великодушнаго сердца; но кто передастъ выраженіе его взгляда, его интонацій и всего лица?.. Какое испытываешь тяжкое сожалѣніе, когда, среди прекрасныхъ иллюзій,

услаждающихъ сердце при воспроизведенiи этихъ воспоминанiй, вдругъ вспоминаешь ужасную правду и говоришь себѣ: Это прекрасное, благодѣтельное созданiе уже не существуетъ, и ничто не вернетъ его намъ! Ахъ, какъ въ такiя минуты чувствуешь потребность поднять взоры къ небу, гдѣ настоящее его мѣсто!

ГЛАВА XIV.

Семейныя дѣла. Тщетныя надежды поляковъ. Смерть Кутузова. Военныя событія.

Прибывши въ уединенное имѣніе подъ охраной казаковъ,—предосторожность вполнѣ безполезная, такъ какъ дороги были безопасны, и спокойствіе вездѣ возстановилось,—вполнѣ довѣряя послѣднимъ словамъ государя, я не тревожилась о мартовскомъ срокѣ. Но повѣренные моего отца не раздѣляли моего спокойствія и увѣряли, что, такъ какъ я не добилась распоряженія, дѣлающаго исключеніе для моего отца, то правительство поступитъ согласно общему постановленію о секвестрѣ имуществъ. Такъ какъ мой отецъ не возвращался, пришлось принять новыя мѣры. Приводя самые недостаточные мотивы, я написала, что отецъ мой принужденъ продолжить свое пребываніе за границей; я прибавила, что, если нужно, я сама за нимъ поѣду; и, въ заключеніе, я умоляла его величество не подвергать имущества моего отца конфискаціи и секвестру. Я послала это письмо съ вѣрнымъ, старымъ конюшимъ въ главную квартиру, въ Іоганисбергъ, въ Пруссіи. Мой курьеръ, не отличаясь особенной подвижностью, тѣмъ не менѣе, пріѣхалъ довольно скоро и передалъ мою депешу графу Толстому. Прождавъ три дня, мой посланный все время приставалъ къ доброму графу Толстому, который каждый разъ, какъ видѣлъ его, призывалъ его въ свою комнату, го-

ворилъ, чтобы онъ терпѣливо ждалъ и поручалъ его заботамъ дворцовой прислуги.

Посланный былъ, наконецъ, отпущенъ съ самымъ благопріятнымъ отвѣтомъ, а именно—съ паспортомъ для моей поѣздки къ отцу,—при чемъ ѣхать мнѣ не пришлось, такъ какъ просьба моя достигла желанной цѣли,—и съ приказомъ генералъ-губернатору не подвергать наши имѣнія секвестру.

Я поспѣшила сообщить отцу эти хорошія вѣсти; но я вскорѣ узнала, что онъ уѣхалъ изъ Вѣны, чтобы присоединиться въ Дрезденѣ къ другимъ членамъ литовскаго временнаго правительства, которые привлекли его, внушивъ призрачныя надежды и глубокую увѣренность, что въ предстоящемъ договорѣ, который долженъ былъ состояться въ Вѣнѣ, Наполеонъ не преминетъ позаботиться о судьбѣ Польши.

Съ мужествомъ и стойкостью, достойными лучшей участи, лишенные всѣхъ средствъ существованія, благодаря тому, что они добровольно бросили свои имѣнія, не получая никакой помощи отъ французскаго правительства,—поляки и литовцы, однако, слѣпо рѣшились послѣдовать за колеблющейся фортуной Наполеона, который, подобно угасающему свѣточу, еще привлекалъ и очаровывалъ ихъ своимъ обманчивымъ блескомъ.

Варшаву заняли русскіе; тѣмъ не менѣе, исходъ войны еще не опредѣлился. Фельдмаршалъ Кутузовъ, заболѣвшій заразной лихорадкой, въ борьбѣ съ которой все искусство врачей оказалось безсильнымъ, вслѣдствіе преклоннаго его возраста и усталости, перенесенной имъ за послѣднюю кампанію,—фельдмаршалъ Кутузовъ покончилъ жизненные счеты въ Бунцлау, въ Силезіи. Кутузовъ посвятилъ всю жизнь служенію своимъ государямъ. Восемнадцати лѣтъ онъ получилъ, при взятіи небольшой турецкой крѣпости, рану, лишившую его одного глаза. Онъ часто командовалъ русскими войсками,

одержалъ нѣсколько побѣдъ, испыталъ также и большія неудачи, но всегда умѣлъ уберечь войска отъ столь пагубнаго для нихъ упадка духа. Побѣжденные при Аустерлицѣ и при Бородинѣ, русскіе солдаты не отчаялись спасти Россію и сохранили уваженіе къ своему старому генералу даже во время его неудачъ.

Ловкій, искусный дипломатъ, Кутузовъ въ царствованіе Екатерины II занималъ должность чрезвычайнаго посла въ Константинополѣ. Въ 1812 году онъ искусно велъ переговоры съ Лористономъ, подавая надежды на миръ,—надежды, которымъ не предстояло осуществиться. Онъ воспользовался перемиріемъ, чтобы собрать громадныя количества солдатъ, лошадей, съѣстныхъ припасовъ и аммуниціи. Добровольныя пожертвованія различныхъ русскихъ губерній были такъ велики, что фельдмаршалъ утверждалъ, въ моемъ присутствіи, что не только армія его была обильно всѣмъ снабжена, но онъ даже принужденъ былъ отмѣнить доставку многихъ ненужныхъ запасовъ.

Я не стану распространяться долѣе о важнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Германіи, которыя, несмотря на нѣкоторые послѣдніе проблески непостояннаго счастья, подготовили паденіе того, кто раньше распоряжался европейскими престолами и кто теперь долженъ былъ спуститься съ того престола, на который возвели его военныя побѣды и его геній. Событія эти принадлежатъ исторіи и политикѣ. Перо современнаго Тита-Ливія, соперника Ричардсоновъ, Фильдинговъ и т. д., со свойственнымъ ему талантомъ уже отмѣтило эти событія въ сочиненіи, озаглавленномъ „Жизнь Наполеона“ и т. д. *)

При этихъ памятныхъ событіяхъ императоръ Александръ

---

*) Вѣроятно, авторъ разумѣетъ здѣсь историка Арно, автора книги „Жизнь Наполеона“. Примѣчаніе французскаго издателя.

проявилъ не только примирительный духъ и твердость, но также большое мужество. Всѣмъ извѣстно, что на рекогносцировкѣ близъ Дрездена то самое ядро, которое раздробило знаменитому генералу Моро обѣ ноги,—пролетѣло около русскаго императора и покрыло его пылью.

При одной серьезной схваткѣ генералъ Витгенштейнъ послалъ своего адъютанта умолять государя удалиться и не рисковать своей жизнью; онъ также велѣлъ сказать государю, что присутствіе его величества совершенно лишаетъ его хладнокровія, необходимаго при военныхъ дѣйствіяхъ.

Политическіе взгляды Александра клонились лишь къ утвержденію въ Европѣ мира и обезпеченію независимости Германіи. Въ Прагѣ состоялся конгрессъ, которому предшествовало перемиріе. Извѣстенъ печальный результатъ этого конгресса: послѣдовавшія за нимъ враждебныя дѣйствія стоили человѣчеству потоковъ крови, а Франціи — неисчислимыхъ жертвъ. Графъ Нарбоннъ, въ то время посланникъ Наполеона въ Вѣнѣ, явился на этомъ конгрессѣ весьма плохимъ представителемъ интересовъ своего повелителя. Онъ выказалъ при австрійскомъ дворѣ легкомысліе, не соотвѣтствовавшее ни его возрасту, ни положенію,—легкомысліе, которое могло лишь покоробить серьезныхъ, степенныхъ нѣмцевъ. Нарбоннъ не сумѣлъ распознать истинныя намѣренія австрійскаго кабинета, а также силу общественнаго мнѣнія, которое открыто проявлялось въ Австріи и, въ концѣ концовъ, потребовало, чтобы государь объявилъ себя противъ Франціи.

Вскорѣ австрійское войско двинулось на армію Наполеона и поставило ее въ критическое положеніе. Мы не станемъ входить въ подробности успѣховъ и неудачъ этого великаго полководца. При знаменитой лейпцигской битвѣ, гдѣ погибъ князь Понятовскій, послѣдняя надежда поляковъ, —одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ, полковникъ П***, былъ тоже

опасно раненъ и взятъ въ плѣнъ пруссаками. Жена его, женщина очень интересная по своимъ нравственнымъ качествамъ, написала императору, прося его разрѣшить ей отправиться къ мужу въ Берлинъ и вернуться съ нимъ въ Литву. Государь далъ ей аудіенцію и привѣтливо принялъ ее; а когда г-жа П*** ободренная этимъ успѣхомъ осмѣлилась просить о снятіи секвестра съ ея личнаго имущества, государь прибавилъ: „А также и съ имущества вашего мужа.“ Вотъ какъ онъ относился къ своимъ подданнымъ, возставшимъ съ оружіемъ въ рукахъ! Къ сожалѣнію, великодушіе Александра стало для большинства столь привычнымъ, что не только не вызывало восторга и глубокой благодарности, но принималось, какъ нѣчто обязательное. Таково, вообще, человѣческое сердце: мало есть такихъ, для кого признательность не является тяжкимъ бременемъ. Столь замѣчательныя слова Александра,—„Посмотримъ, что лучше удастся—внушать страхъ или любовь,“—казалось, съ каждымъ днемъ оправдывались тѣмъ довѣріемъ, которое внушалъ рыцарскій характеръ государя и присоединеніемъ германскихъ силъ къ русскому войску. Преслѣдуя во главѣ союзныхъ войскъ остатки французской арміи, собиравшейся перейти Рейнъ, по берегамъ котораго развѣвались его торжествующія знамена, Александръ обратился къ своимъ храбрымъ войскамъ съ приказомъ, изъ котораго я приведу здѣсь выдержки, лучше всего характеризующія прекрасную душу этого государя и руководившія имъ благородныя чувства. „Воины! доблесть ваша привела васъ съ береговъ Оки къ берегамъ Рейна... Проникнувъ въ глубь нашей имперіи, непріятель, съ которымъ мы теперь боремся, причинилъ великія бѣдствія. Но страшная кара пала на его голову... Гнѣвъ Божій разразился надъ нашими врагами... Не будемъ подражать имъ: забудемъ дѣла ихъ. Обратимся къ Франціи не со злобой и местью,—протянемъ ей руку въ залогъ мира. Для русскаго

слава въ томъ, чтобы побѣдить нападающаго на него непріятеля и относиться по-братски къ обезоруженному врагу. Исповѣдуемая нами вѣра устами самого Бога учитъ насъ любить нашихъ враговъ и дѣлать добро тѣмъ, кто насъ ненавидитъ. Воины! я убѣжденъ, что, благодаря вашему сдержанному поведенію въ непріятельской землѣ, въ которую мы вступаемъ, вы сумѣете побѣдить столько же благодаря величію души, какъ и силѣ тѣлесной и, соединивъ доблесть воина съ человѣколюбіемъ христіанина, вы завершите ваши великія дѣянія, сохранивъ ту славу храбраго и цивилизованнаго народа, которую дѣянія эти упрочили за вами. Я также убѣжденъ, что ваши вожди приложатъ всѣ старанія, чтобы сохранить незапятнанной честь нашихъ войскъ."

ГЛАВА XV.

Нашествіе на Францію. Вступленіе союзныхъ войскъ въ Парижъ. Великодушный образъ дѣйствій Александра.

Между тѣмъ, Наполеонъ добился отъ Франціи новыхъ жертвъ.

По требованію его явилось новое войско, но состоящее уже не изъ мужчинъ, а изъ дѣтей, едва умѣвшихъ владѣть оружіемъ, которое имъ вкладывали въ руки. Тѣмъ не менѣе, французы, благодаря врожденной имъ доблести и съ помощью остатковъ старыхъ, искусившихся въ бою войскъ, поддержали своими искусными движеніями великія дарованія руководившаго ими полководца.

Была минута, когда союзные генералы высказались за отступленіе, представлявшееся имъ неизбѣжнымъ; войска не могли долго продержаться въ разоренной странѣ. Парижъ и національная гвардія проникались воинственнымъ духомъ, который бы не ослабъ и, быть можетъ, погубилъ бы эту громадную столицу, если бъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ Марія-Луиза проявила сильный характеръ Маріи Терезіи.

Императоръ Александръ, не раздѣляя точки зрѣнія своихъ союзниковъ, убѣдилъ ихъ принять свое мнѣніе, а именно,— быстро идти на Парижъ, въ то время какъ отрядъ войскъ будетъ отвлекать силы Наполеона. Въ этомъ планѣ дѣйствій,

по мнѣнію самихъ командовавшихъ генераловъ, проявился настоящій военный геній, которому, по справедливости, надо приписать счастливый и блестящій исходъ кампаніи.

Между тѣмъ какъ Наполеонъ завязалъ борьбу съ русскимъ генераломъ Винцингероде, императоръ Александръ двинулся на Парижъ во главѣ арміи столь сильной, что маршалъ Мармонъ не осмѣлился вступить съ ней въ сраженіе и, защищая Парижъ, подвергнуть громадное его населеніе ужасамъ разграбленія.

Капитуляція Парижа, за которую Наполеонъ и его сторонники обвиняли маршала въ измѣнѣ, была неизбѣжной. *)

На высотахъ Монмартра Парижъ съ ужасомъ увидалъ готовыя ринуться на него необозримыя войска. Парижане уже не были подъ вліяніемъ великаго національнаго движенія (Марія-Луиза съ сыномъ уже покинули Парижъ); парижане думали лишь о собственномъ спасеніи, и для нихъ Франція и отечество заключались въ предѣлахъ Парижа.

Опасаясь справедливаго возмездія и не зная еще безграничнаго великодушія Александра, который, проникнувшись религіозными принципами и не желая воздавать зломъ за зло, отнесся къ Франціи, какъ къ дружеской странѣ,—большинство жителей страны поспѣшно бѣжали, продавая за ничтожную цѣну самое драгоцѣнное свое имущество. Богатыя картинныя галлереи, прекрасныя библіотеки, тысячи рѣдкихъ предметовъ искусства,—выставлялись въ лавкахъ старьевщиковъ, и вскорѣ сами торговцы, опасаясь за драгоцѣнные предметы, которыхъ они могли лишиться въ одинъ мигъ,—поспѣшили спрятать ихъ отъ постороннихъ взоровъ. Тревога и страхъ царили въ

---

*) Авторъ ошибается: Наполеонъ и его сторонники порицали не капитуляцію Парижа, но оставленіе позиціи при Эссонѣ послѣ сдачи Парижа. Замѣтка французскаго издателя.

этомъ громадномъ городѣ, еще не знавшемъ, какая судьба была пріуготовлена ему справедливостью и милосердіемъ союзныхъ государей. Одни лишь сторонники Бурбоновъ, вполнѣ довѣряя великодушію союза монарховъ, предавались надеждамъ и открыто выставляли бѣлую кокарду, знакъ единенія во имя праваго дѣла.

30 марта, въ памятный день капитуляціи маршала Мармона, мэры города Парижа явились въ главную квартиру русскаго императора. Принимая ихъ, государь привѣтливо сказалъ имъ: „Мы воюемъ не съ Франціей, а съ тѣмъ, кто, назвавшись нашимъ другомъ и союзникомъ, трижды предалъ насъ; съ тѣмъ, кто напалъ на наши государства, опустошилъ ихъ и оставилъ на своемъ пути слѣды, которые изгладитъ одно лишь время. Я люблю французовъ, прибавилъ Александръ, и признаю среди нихъ одного лишь врага— Наполеона. Парижъ можетъ разсчитывать на мое покровительство. Лишь отборная часть нашихъ войскъ вступитъ въ предѣлы вашего города. Я хочу воздать добромъ за зло. Франціи необходимо прочное правительство, которое бы обезпечило ея спокойствіе и спокойствіе Европы."

Восхищенные этимъ пріемомъ, мэры передали Парижу благожелательныя и миролюбивыя слова побѣдителя и друга французовъ. Наконецъ, присутствіе Александра окончательно вернуло довѣріе во всѣ сердца. 31 марта союзныя войска вступили въ Парижъ. Шествіе открывали нѣсколько эскадроновъ кавалеріи; за ними слѣдовалъ Александръ, сопровождаемый прусскимъ королемъ, великимъ княземъ Константиномъ, княземъ Шварцембергомъ и блестящимъ штабомъ. Затѣмъ, въ наилучшемъ военномъ порядкѣ, шла многочисленная колонна, состоявшая изъ отборной инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи императорской гвардіи. Благопріятствуемое чудной погодой, это блестящее войско дефилировало по предмѣстью

Сенъ-Мартенъ, по бульвару и площади Людовика XV и остановилось на Елисѣйскихъ поляхъ, при многократныхъ кликахъ: „Да здравствуетъ Александръ! да здравствуетъ король Пруссіи! да здравствуютъ Бурбоны!"—Александръ вступалъ въ Парижъ побѣдителемъ, во главѣ своихъ торжествующихъ войскъ, и, между тѣмъ, судя по толпамъ народа, поспѣшно собиравшимся, чтобы созерцать его вдоль пути, восхищаться величественной красой, кроткимъ и привѣтливымъ лицомъ этого героя человѣческаго рода,—можно было принять Александра за возлюбленнаго монарха, который возвращался въ свою столицу по окончаніи счастливой и славной войны и котораго привѣтствовали его подданные. Какая минута! Какое торжество! Какъ простительно было бы при такихъ обстоятельствахъ минутное опьяненіе! Но недоступное гордости сердце Александра отсылало эту славу Тому, отъ Кого исходитъ всякая слава, и благословляло направившее шаги его Провидѣніе.

Въ самый день своего вступленія въ Парижъ, Александръ напечаталъ слѣдующую декларацію: „Войска союзныхъ державъ заняли столицу Франціи. Союзные государи принимаютъ пожеланія французскаго народа. Они объявляютъ, что если условія мира нуждались въ прочныхъ гарантіяхъ, когда рѣчь шла о томъ, чтобы сдержать чсстолюбіе Бонапарта, условія эти должны быть болѣе благопріятны, если Франція, вернувшись къ мудрому правительству, сама дастъ обезпеченіе мира. Посему государи объявляютъ, что они не вступятъ въ переговоры съ Наполеономъ Бонапартомъ или съ какимъ-либо членомъ его семьи; что они уважаютъ неприкосновенность прежней Франціи, какой она была при своихъ законныхъ короляхъ.

Они готовы сдѣлать и болѣе того, ибо они попрежнему признаютъ тотъ принципъ, что для счастья Европы Франція

должна быть великой и сильной; и они признають и обезпечать ту конституцію, которую Францiя изберетъ для себя. Поэтому они предлагаютъ сенату назначить временное правительство, которое могло бы отправлять административныя функціи и подготовить конституцію, соотвѣтствующую потребностямъ французскаго народа. Выраженныя мною намѣренія раздѣляются и другими державами."

Александръ.

Нессельроде.

Парижъ, 31 марта, три часа пополудни.

Сенатъ, который раньше все также невозмутимо склонялся передъ деспотической волей Наполеона, — сенатъ, стряхнувъ съ себя, наконецъ, угнетавшее его иго, объявилъ Наполеона и его семью низложенными и освободилъ народъ отъ присяги вѣрности.

Императоръ далъ аудіенцію депутаціи сената.— „Государь," сказалъ одинъ изъ членовъ депутаціи,— „мы давно ожидали ваше величество."—Какъ благороденъ былъ отвѣтъ Александра: „Въ этомъ промедленіи вина падаетъ на доблесть французовъ." Александръ повторилъ, что онъ—другъ французовъ; что справедливость, такъ же какъ и разумъ, требуетъ, чтобы Францiя избрала себѣ конституцію, соотвѣтствующую просвѣщенному вѣку; что и онъ, и союзные государи обѣщаютъ свое содѣйствіе мудрымъ и справедливымъ предначертаніямъ французскаго народа.

ГЛАВА XVI.

Продолженіе предшествующей главы. Странныя доказательства довѣрія, данныя Александру жителями Парижа. Разные эпизоды.

При вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, тысяча пятьсотъ человѣкъ французской арміи, взятые въ плѣнъ въ окрестностяхъ города, ждали на бульварѣ, чтобы рѣшили ихъ судьбу или, вѣрнѣе, ихъ мѣсто назначенія, когда поспѣшно подбѣжавшіе русскіе офицеры закричали имъ: „Французы, вы свободны, императоръ Александръ даруетъ вамъ свободу именемъ вашего короля, Людовика XVIII. Вы можете возвратиться къ вашимъ очагамъ.“—Это былъ благородный и деликатный способъ намекнуть французскому народу на тотъ выборъ, который онъ уже самъ произвелъ въ глубинѣ души, при паденіи Наполеона. Французскіе солдаты тотчасъ закричали: „Да здравствуетъ король!“ и попросили бѣлую кокарду. Тогда дамы высшаго общества принесли бѣлое знамя, на которомъ эти добрые воины принесли присягу Людовику XVIII.

Когда Александръ переходилъ Вандомскую площадь, взоры его внезапно были поражены красивымъ памятникомъ, возведеннымъ искусствомъ въ честь гордыни, побѣды и мощи, соединившихся въ личности Наполеона, въ честь монарха, внушавшаго такой страхъ, въ честь гордаго завоевателя, который, въ силу превратности человѣческихъ судебъ и подъ

вліяніемъ созидателей его карьеры, въ ту самую, быть можетъ, минуту, когда счастливый и скромный его соперникъ созерцалъ его великолѣпное изображеніе,—подписывалъ актъ отреченія, лишавшій его величія и верховной власти... Обращаясь къ окружавшимъ его лицамъ, Александръ сказалъ имъ, улыбаясь: „Если бъ я былъ вознесенъ такъ высоко, у меня закружилась бы голова.“ *)

Когда глава коалиціи, вступивъ въ Парижъ, объявилъ депутаціи сената отъ имени союзныхъ государей, что онъ не желаетъ стѣснять французскій народъ въ выборѣ государя,—увѣряютъ, что выборъ этотъ, внушенный чувствомъ восхищенія и довѣрія, остановился бы на Александрѣ, если бъ отличавшее его чувство справедливости позволило ему принять эту высшую дань уваженія. Извѣстно, съ какимъ интересомъ и участіемъ Александръ отнесся къ императрицѣ Жозефинѣ, первой женѣ Наполеона, и къ ея сыну, принцу Евгенію.

Александръ остановился въ Парижѣ у князя Талейрана. Государь счелъ нужнымъ проявить этимъ свое довѣріе къ нему за преданность и рвеніе, которыя сановникъ этотъ высказалъ по отношенію къ Бурбонамъ. Очарованные умомъ и привѣтливостью Александра, французы какъ бы вновь нашли въ сѣверномъ монархѣ своего Генриха IV, и новыя пѣсни, благодаря своей популярности тотчасъ сдѣлавшіяся національными, соеди-

---

*) Чернь, всегда готовая ниспровергнуть идола, которому она кадила наканунѣ, хотѣла разрушить статую Наполеона. Полиція тотчасъ издала приказъ, объявляющій, что его величество, русскій императоръ, взялъ это произведеніе искусства подъ свое покровительство, и что статуя Наполеона будетъ немедленно замѣнена статуей мира. Равнымъ образомъ было воспрещено оскорблять и печатно поносить лицъ, принадлежавшихъ къ прежнему правительству. Великодушный Александръ не забывалъ ничего.

Примѣчаніе автора мемуаровъ.

нили и совмѣстно прославили эти два великія имени. Французы ежедневно толпились у дверей дома Талейрана. Они приходили говорить съ Александромъ не только о великихъ интересахъ Франціи, но и о своихъ личныхъ дѣлахъ и часто обращались къ справедливому сужденію государя по поводу своихъ семейныхъ несогласій. Всегда доступный, Александръ улыбался въ отвѣтъ на эти странныя проявленія довѣрія и никогда не обнаруживалъ нетерпѣнія или неудовольствія по отношенію къ докучавшимъ ему лицамъ. *)

Движимый свойственнымъ ему великодушіемъ, Александръ также настоялъ, чтобы союзные государи согласились предложить наиболѣе выгодныя условія непріятелю, слава и несчастія котораго невольно внушали уваженіе. **)

---

*) Графъ Нессельроде, министръ русскаго императора, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ напечатать заявленіе, въ которомъ онъ объявлялъ, именемъ государя, что его императорское величество, взявъ на себя заботу объ интересахъ Европы во время пребыванія своего въ Парижѣ, – не хочетъ вмѣшиваться въ дѣла частныхъ лицъ по отношенію къ законамъ и мѣстной полиціи и, поэтому, государь предлагаетъ обращаться, въ такихъ случаяхъ, къ мѣстнымъ властямъ.

**) При этомъ я не могу не обвинить въ несправедливости великаго писателя, который въ своей „Исторіи Наполеона", столь недостойной его громаднаго таланта, слѣдующимъ образомъ объясняетъ великодушный и безкорыстный образъ дѣйствій императора Александра въ указанную эпоху: „Мы не оскорбимъ память императора Александра, государя, одареннаго такими прекрасными, благородными качествами, если выскажемъ предположеніе, что на немъ отразилось вліяніе его воспитателя, француза Лагарпа. Александръ не могъ сбросить съ себя ту соединенную съ тщеславіемъ чувствительность, которая превращаетъ доброжелательный поступокъ въ театральную сцену и опьяняется апплодисментами. Заразный воздухъ Парижа, лесть, неожиданный успѣхъ, желаніе устранить всякую тѣнь недовольства, однимъ словомъ, стремленіе выказать великодушіе въ ми-

Онъ хотѣлъ, чтобы Наполеонъ сохранилъ принадлежавшій ему титулъ императора,—титулъ, санкціонированный церковью и признанный всѣми державами Европы (за исключеніемъ Англіи); наконецъ, чтобы онъ пользовался свободой и верховной властью на Эльбѣ, съ правомъ пользоваться всѣми сокровищами этого острова: великодушный Александръ не могъ тогда ни разсчитать, ни предугадать послѣдствій и опасности такой снисходительности.

Порядокъ и дисциплина союзныхъ войскъ внушали парижанамъ такое довѣріе, что, въ самый день вступленія армій въ Парижъ, всѣ лавки открылись; а три дня спустя, среди множества разныхъ предметовъ рѣдкости, въ магазинахъ красовались фарфоровые сервизы, представлявшіе вступленіе союзныхъ государей въ Парижъ, что даетъ основаніе предполагать, что артисты, какъ искусные политики, предугадали это событіе. Военная дисциплина такъ строго соблюдалась въ русской арміи, что одинъ солдатъ былъ наказанъ смертью за то, что, при вступленіи въ Парижъ, онъ взялъ (вѣроятно, съ голоду), хлѣбъ съ лотка булочника: офицеръ, заставшій его при этомъ врасплохъ, тутъ же застрѣлилъ его. Въ самый день своего вступленія въ Парижъ русскія войска дали поразительный примѣръ повиновенія. Императоръ Александръ былъ въ театрѣ, когда ему доложили, что расположившаяся въ Елисѣйскихъ

нуту торжества,—все это, повидимому, увлекло Александра за предѣлы благоразумія и осторожности."

Въ этихъ немногихъ словахъ проглядываетъ чувство ревности, характеризующее англійскую націю. Послѣдняя не могла простить Александру его успѣхи и могущественное его вліяніе, оскорблявшіе гордость англичанъ и ихъ стремленіе къ преобладанію. Наконецъ, его благородный отказъ отъ должности тюремщика Наполеона—является осужденіемъ некрасиваго поведенія англійскаго правительства по отношенію къ несчастному и слишкомъ довѣрчивому врагу.

Примѣчаніе автора мемуаровъ.

поляхъ императорская гвардія еще не получила харчей, и что солдаты начали роптать. Императоръ тотчасъ вышелъ изъ своей ложи, призвалъ французскихъ чиновниковъ и далъ имъ понять, что онъ не отвѣчаетъ за безпорядки, которые могутъ возникнуть, если оставятъ его войска безъ съѣстныхъ припасовъ. Послѣ этого всѣмъ парижскимъ извозчикамъ приказано было перевозить въ Елисѣйскія поля всякаго рода съѣстную провизію. Такимъ образомъ, русскіе солдаты, на глазахъ которыхъ французы разграбили ихъ родину,—солдаты эти, одержавъ, въ свою очередь, побѣду надъ Франціей, провели цѣлый день безъ пищи и, несмотря на усталость и голодъ, не позволили себѣ никакого насилія. Какіе люди! Какая армія! И какъ высоко одаренъ былъ государь, создавшій изъ своихъ солдатъ людей, способныхъ, по его желанію, покорить весь міръ. Польскія войска, служившія до тѣхъ поръ Франціи и Наполеону, просили разрѣшенія вступить на службу къ великодушному Александру, на которомъ сосредоточивались всѣ надежды—надежды, ради которыхъ, такъ долго и такъ тщетно, храбрые воины проливали свою кровь. Государь благосклонно принялъ выраженія ихъ преданности и поставилъ во главѣ ихъ собственнаго брата, тѣмъ самымъ обезпечивая имъ свое покровительство и данныя имъ обѣщанія по отношенію къ ожидавшей ихъ отечество судьбѣ. Замѣчательно, что не кто иной, какъ русскій государь заставилъ французское правительство уплатить его литовскимъ подданнымъ, завлеченнымъ на службу Наполеона, недоплаченныя имъ пенсіи.

Многимъ изъ этихъ литовцевъ государь далъ аудіенцію, милостиво говорилъ съ ними, разрѣшилъ имъ вернуться къ ихъ домашнимъ очагамъ; но онъ отказался принять членовъ временнаго литовскаго правительства, говоря, что онъ никогда не слыхалъ о подобномъ правительствѣ въ своемъ государстрѣ.

Мой отецъ, по возвращеніи изъ Парижа, разсказалъ мнѣ, что секретарь временнаго литовскаго правительства составилъ письмо,—какъ бы условіе или договоръ между государемъ и этимъ правительствомъ,— письмо, которое должны были подписать всѣ члены послѣдняго. По странному противорѣчію, говорилъ отецъ (который въ то время объявилъ, что онъ никогда не подпишетъ подобнаго письма, и предложилъ другое, въ приличествующихъ даннымъ обстоятельствамъ выраженіяхъ), письмо это заканчивалось обычной формулой—выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ. Всѣмъ этимъ лицамъ государь дозволилъ вернуться въ Литву и вступить въ пользованіе своими имѣніями.

Осматривая произведенія искусства, украшавшія Парижъ, Александръ обратилъ особое вниманіе на зданіе, увѣковѣчившее память Людовика XIV,—зданіе, на мой взглядъ, лучше всего свидѣтельствующее о величіи этого замѣчательнаго короля, объ истинно царственной его щедрости, благотворной и полезной. Я говорю о домѣ инвалидовъ. Въ этомъ зданіи теперь вторично появлялся русскій государь. Императоръ засталъ старыхъ побѣдителей въ глубокой печали: у нихъ только что отняли свидѣтельствовавшіе объ ихъ славѣ трофеи,—пушки, захваченныя при Іенѣ, Ваграмѣ, Аустерлицѣ и т. д.

— Утѣшьтесь, доблестные воины,—сказалъ имъ государь, сердце котораго всегда отзывалось на всѣ благородныя чувства,—я попрошу государей, моихъ союзниковъ, оставить вамъ нѣкоторые изъ предметовъ воспоминанія о вашей славѣ.

И, прощаясь съ ними, онъ приказалъ, чтобы оставили въ домѣ инвалидовъ двѣнадцать русскихъ пушекъ. Вездѣ и при всѣхъ случаяхъ Александръ проявлялъ такое же благородство чувствъ. Французы сочли долгомъ предложить государю перемѣнить названіе Аустерлицкаго моста.

— Нѣтъ, — сказалъ государь, — достаточно, если будутъ знать, что императоръ Александръ перешелъ черезъ этотъ мостъ съ своими войсками.

Въ аудіенціи, данной Институту, Александръ сказалъ, въ отвѣтъ на рѣчь Лакретэля, что „онъ всегда отдавалъ должное трудамъ и прогрессу французовъ въ наукахъ и искусствахъ; что несчастія Франціи онъ не приписывалъ ученымъ, и что онъ вмѣстѣ съ ними радуется, что они получили, наконецъ, свободу мысли. „Мое счастье," сказалъ далѣе Александръ, „мое единственное желаніе—быть полезнымъ человѣческому роду. Вотъ единственный двигатель, который привелъ меня во Францію." Императоръ Александръ, такъ же, какъ и прусскій король, почтилъ своимъ присутствіемъ публичное засѣданіе Института и выслушалъ при этомъ похвальныя рѣчи Петру Великому и Фридриху II,—рѣчи, къ которымъ президентъ искусно присоединилъ хвалу ихъ августѣйшимъ преемникамъ.

Его величество бесѣдовалъ затѣмъ съ нѣкоторыми членами Института, съ Сюаромъ, Вильменомъ, который еще не принадлежалъ къ этому знаменитому обществу, но уже выдвигался своими юными, прекрасными дарованіями. *)

---

*) При этомъ умѣстно будетъ, я думаю, привести здѣсь выдержку изъ замѣчательной рѣчи, произнесенной г-мъ Монморанси во французской академіи: „Мы увѣрены при этомъ, что получимъ одобреніе короля. Воздавая должное его вѣрному союзнику, государю, которому предстояло исполнить высшее назначеніе и котораго мы такъ рано и такъ жестоко лишились, мы исполняемъ благородныя намѣренія короля. Повѣрьте, господа, тѣмъ сообщеніямъ свыше, которыя еще звучатъ въ глубинѣ моей души; теперь, не боясь быть нескромнымъ, я могу открыть съ глубокой скорбью, что всѣ интересы человѣчества были дороги и священны для великодушнаго сердца Александра. Въ эпоху Реставраціи одинъ членъ старинной французской академіи, отличавшійся тонкостью вкуса и ума, былъ представленъ его величеству, русскому императору. „Ваше величество," сказалъ императору

Императоръ Александръ принялъ также депутацію отъ общества поощренія искусствъ и ремеслъ; во главѣ ея былъ извѣстный ученый Шанталь. Онъ благодарилъ государя за покровительство, которое онъ соблаговолилъ оказать всѣмъ городскимъ учрежденіямъ при своемъ вступленіи въ Парижъ. Императоръ отвѣтилъ Шанталю: „Я отъ души желаю, чтобы искусства и наиболѣе полезныя ремесла распространились по всей поверхности земного шара, и я высоко цѣню всѣхъ тѣхъ, кто стремится содѣйствовать своими талантами достиженію этой благородной цѣли."

Движимый не столько любопытствомъ, сколько серьезнымъ интересомъ, Александръ посѣтилъ въ Парижѣ всѣ учрежденія, посвященныя наукамъ, искусствамъ, промышленности, человѣчеству. Вездѣ присутствіе государя, его привѣтливость, его рѣчи вызывали чувства удивленія и восторга, внушали къ его личности самое нѣжное благоговѣніе.

Ученые всѣхъ сословій, самые даровитые писатели постоянно восхищались его тонкимъ, изящнымъ, наблюдательнымъ

Сюаръ, имя котораго привлекло благосклонное вниманіе государя, „вы находитесь въ странѣ, которую должны любить, такъ какъ въ ней воздается должное той славѣ, которую любитъ ваше величество. Если ваша августѣйшая бабка стала безсмертна въ Россіи, она этимъ обязана Франціи." Слышавшіе эту рѣчь, столь привлекательно изящную, проникнутую тонкимъ патріотизмомъ, стремившимся использовать для Франціи тайну великаго сердца, замѣтили, что государь улыбался, безъ сомнѣнія, думая при этомъ, какъ о Франціи, такъ и объ этомъ обѣщаніи славы. Обѣщаніе это дано и принято не всуе: потомство выполнитъ его. За тотъ примѣръ, который Александръ далъ престоламъ, за его стремленіе къ миру, ко всеобщему благоденствію, за его великодушіе, безкорыстіе и заслуги передъ Франціей,—за все это воздастся его памяти поэзіей и исторіей, которыя восхвалятъ его и обезсмертятъ его имя."

Прим. автора мемуаровъ.

умомъ, свѣтлыми сужденіями, проявлявшимися въ каждомъ отвѣтѣ Александра; и они изумлялись, съ какимъ благороднымъ изяществомъ, естественнымъ краснорѣчіемъ выражался русскій государь на языкѣ, который сами они постоянно изучали.

Осматривая пріютъ для женщинъ, лишившихся разсудка изъ-за любви, его величество пожелалъ знать, много ли тамъ несчастныхъ созданій, потерявшихъ разумъ вслѣдствіе чрезмѣрной и плохо направленной чувствительности. При этомъ директриса отвѣтила ему: „Ваше величество, до сихъ поръ ихъ было немного, но можно опасаться, что число ихъ возрастетъ съ той минуты, какъ вы вступили въ Парижъ.“

Я какъ бы вижу императора Александра, улыбающагося и краснѣющаго въ отвѣтъ на эти слова.

Когда государь посѣтилъ монетный домъ, въ его присутствіи была выбита медаль, съ одной стороны изображавшая первую букву его имени, со слѣдующей надписью вокругъ: „Возстановителю Европейскаго мира.“ На другой сторонѣ медали изображенъ былъ французскій гербъ, при слѣдующихъ словахъ: „Въ апрѣлѣ 1814 года Францiя вновь вступила въ великій союзъ Европейскихъ державъ.“ При посѣщеніи Лувра и Тюиллерійскаго дворца императоръ Александръ остановился въ такъ называемомъ салонѣ „Мира“ и съ своей тонкой улыбкой сказалъ сопровождавшимъ его лицамъ: „Зачѣмъ былъ Наполеону этотъ салонъ?“ Въ самый день вступленія государя въ Парижъ и по его приказу, добродѣтельный епископъ Тройскій (Булонскій аббатъ) былъ освобожденъ изъ заключенія, которому подвергъ его Бонапартъ. Раздражительно-тщеславный Наполеонъ оскорбился правдивой рѣчью, которую держалъ въ его присутствіи достойный священнослужитель, котораго никакая угроза не могла запугать. Императоръ Александръ пригласилъ къ своему столу

почтеннаго директора института для глухонѣмыхъ, аббата Сикара, котораго онъ раньше наградилъ орденомъ св. Владиміра,—орденомъ, который Наполеонъ, особымъ приказомъ, воспретилъ ему носить.

Александръ любилъ отмѣчать и награждать заслуги во всѣхъ классахъ общества. Онъ осыпалъ знаками своего благоволенія вдову своего воспитателя Лагарпа и, посѣтивъ г-жу Лагарпъ, онъ съ удовольствіемъ говорилъ ей о своемъ чувствѣ признательности къ просвѣщеннымъ заботамъ человѣка, утрата котораго еще была ему чувствительна. Гордясь покровительствомъ, которое оказывалъ имъ Александръ, художники спѣшили воспроизвести благородныя черты этого генія мира; и вскорѣ появился его бюстъ съ такой надписью: „Alexandro Russiarum omnium imperatori memores Galliarum populi.“

„Iura pater populo, diademata regibus ultor,
„Evropae pacem, templis sua numine reddit.“

Желая также выказать свое участіе находившимся въ Парижѣ полякамъ, Александръ предложилъ княгинѣ Яблоновской дать балъ, чтобы всѣхъ соединить въ его присутствіи. На этомъ собраніи, гдѣ присутствовали также многіе литовцы-эмигранты, Александръ выказалъ всѣ свойственныя ему привлекательныя качества, своимъ великодушнымъ образомъ дѣйствій онъ хотѣлъ доказать, что девизомъ его сердца было любить и прощать. „Мое счастье,“ говорилъ этотъ прекрасный государь, „заключается въ счастіи человѣческаго рода.“

Уже графъ д'Артуа пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ присутствіе его произвело сенсацію, когда императоръ Александръ пожелалъ дать Парижу великій примѣръ, воздавъ благодарность Провидѣнію за его поддержку и милости.

На площади Людовика XV,—площади навсегда памятной въ кровавыхъ страницахъ исторіи революціи,—должно было совершиться, по приказанію Александра, торжественное свя-

щеннослуженіе. Семь православныхъ пастырей церкви, при соучастіи императорской капеллы, отслужили церковную службу съ подобающей торжественностью, въ богато украшенномъ алтарѣ, передъ которымъ продефилировали войска, возвращавшіяся съ блестящаго смотра. Громадная толпа собралась, чтобы созерцать это зрѣлище, вызывавшее своей новизной естественное любопытство парижанъ. Какъ только государи вступили въ алтарь, тотчасъ звучные голоса запѣли благодарственный молебенъ; воздухъ наполнился благоуханіемъ ладона, и государи, такъ же, какъ ихъ войска, опустились на колѣна, чтобы получить благословеніе свыше и склониться передъ Тѣмъ, Кто даетъ власть королямъ.

Когда Людовикъ XVIII, возвращенный Франціи, вступилъ на престолъ своихъ предковъ, императоръ Александръ отправился къ нему навстрѣчу, въ Компьень. Онъ пріѣхалъ безъ свиты, въ сопровожденіи лишь одного своего адъютанта Чернышева. Принцъ Кондэ встрѣтилъ его императорское величество на лѣстницѣ и провелъ государя въ гостиную, гдѣ его ждалъ французскій король. Свиданіе двухъ монарховъ было столь же трогательное, сколько дружеское; бесѣда ихъ явилась изліяніемъ двухъ благородныхъ сердецъ. По просьбѣ французскаго короля, Александръ тотчасъ даровалъ свободу ста пятидесяти тысячамъ французовъ,—находившимся въ Россіи военноплѣннымъ. „Подъ какими бы знаменами они ни сражались,“ сказалъ Людовикъ XVIII, „но они несчастны, и я долженъ относиться къ нимъ, какъ къ своимъ дѣтямъ.“

Когда, при вступленіи короля въ столицу Франціи, союзные государи обѣдали въ Тюиллерійскомъ дворцѣ, Людовикъ XVIII, вѣроятно, соблюдая старинный этикетъ французскаго двора, первый прошелъ въ залъ королевскаго банкета. Императоръ Александръ, нѣсколько удивленный, сказалъ, улыбаясь, окружавшимъ его лицамъ: „Мы, сѣверные дикари, болѣе вѣжливы въ своей странѣ.“

ГЛАВА XVII.

Путешествіе Александра въ Англію и Голландію послѣ трактата 1814 г. Возвращеніе въ С.-Петербургъ. Торжества.

Обезпечивъ спокойствіе и независимость французовъ, такъ же какъ неприкосновенность границъ ихъ территоріи, посредствомъ мирнаго договора, гораздо болѣе выгоднаго, чѣмъ Франція могла надѣяться послѣ столькихъ неудачъ, Александръ покинулъ Парижъ и Францію и отправился въ Англію. Вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ онъ поѣхалъ черезъ Булонь, гдѣ ихъ ждалъ флотъ, которымъ командовалъ адмиралъ герцогъ Кларенскій. Ихъ быстрый переѣздъ совершился при звукахъ ружейныхъ залповъ, данныхъ англійскимъ и русскимъ флотами. Несмѣтныя толпы народа собрались на берегахъ Англіи, чтобы присутствовать при высадкѣ на берегъ русскаго и прусскаго государей. Когда же послѣдніе сѣли въ приготовленные для нихъ экипажи, тотчасъ народъ неудержимымъ порывомъ, противиться которому было безполезно,— отпрягъ экипажи и довезъ ихъ до Дувра, среди общаго энтузіазма и кликовъ: „Да здравствуютъ императоръ Александръ и прусскій король!"

На слѣдующій день оба монарха, чтобы избѣжать энергичныхъ демонстрацій англійскаго народа, и къ великому разочарованію послѣдняго, уѣхали инкогнито, въ почтовыхъ

каретахъ. Въ Лондонъ они пріѣхали запросто, безъ свиты. Русскій императоръ остановился въ домѣ, который занимала великая княгиня Екатерина, любимая сестра, раньше его пріѣхавшая въ Англію.

Чтобы удовлетворить желаніе толпы, жадно стремившейся созерцать возстановителя европейскаго мира, побѣдителя, отличавшагося гуманностью и величіемъ души, Александръ, тотчасъ по своемъ пріѣздѣ, долженъ былъ выйти на балконъ и неоднократно принять шумныя привѣтствія дѣтей Альбіона. Вездѣ по улицамъ, гдѣ долженъ былъ пройти кортежъ государей, крыши домовъ были сняты, чтобы дать мѣста любопытнымъ. Противъ самаго дома, который занималъ русскій императоръ, поставлены были вдоль улицы скамьи и ложи, которыя дамы занимали по билетамъ, чтобы видѣть императора Александра при его проѣздѣ, во время пребыванія его въ Лондонѣ.

Императоръ далъ аудіенцію, въ своемъ оффиціальномъ помѣщеніи въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ,—лордъ-мэру съ альдерменами, облеченными въ парадную форму. „Позвольте, государь,“ сказалъ лордъ-мэръ, „выразить вашему императорскому величеству, какъ мы живо чувствуемъ выпавшую на нашу долю честь въ день, когда Великобританія имѣетъ счастье принять у себя монарха, столь великаго по занимаемому имъ высокому положенію и еще болѣе великому по качествамъ его сердца, заключающаго въ себѣ все, что есть благороднаго, великодушнаго, гуманнаго и справедливаго.“

Александръ отвѣтилъ по-англійски: „Примите, господа, мою благодарность за ваше лестное привѣтствіе. Я уже давно желалъ видѣть Англію; и теперь мнѣ тѣмъ болѣе пріятно быть здѣсь, что послѣ достопамятной войны Европа завоевала, наконецъ, миръ, который, я надѣюсь, долгое время со-

ставить счастье человѣческаго рода. Передайте отъ меня вашимъ соотечественникамъ, что англійская нація имѣетъ много правъ на мое уваженіе; ея поведеніе въ этой послѣдней тяжелой борьбѣ вызвало мое восхищеніе, а также восхищеніе всего міра. Во время войны я *всегда* былъ вѣрнымъ союзникомъ Великобританіи, и въ мирное время я останусь ея вѣрнымъ другомъ.“

Я не буду подробно описывать блестящія празднества, для которыхъ задолго дѣлались приготовленія въ Англіи: балы на три тысячи человѣкъ, роскошные пиры, данные лондонскимъ муниципалитетомъ, многочисленные тосты, всегда сопровождавшіеся любимымъ напѣвомъ „God save the king“ или „Rule Britania“, спектакли, морскія празднества въ Вульвичѣ, въ Портсмутѣ,—чередовались въ этомъ непрерывномъ рядѣ увеселеній и торжествъ. Но государи могли замѣтить, что въ этомъ великолѣпномъ пріемѣ, столь необычайномъ по своей особенной торжественности, проглядывало не столько искреннее желаніе почтить столь высокихъ гостей, сколько національный духъ, тщеславное стремленіе къ преобладанію со стороны властительницы морей; и что менѣе блестящія, но, быть можетъ, болѣе искреннія и простодушныя привѣтствія, полученныя ими во Франціи, выражали, по крайней мѣрѣ, искреннюю признательность безъ примѣси чего-либо личнаго.

Императоръ Александръ съ интересомъ осмотрѣлъ самыя замѣчательныя окрестности Лондона, такъ же какъ общественныя учрежденія этого богатаго города, между прочимъ банкъ, на который онъ обратилъ особенное вниманіе. По его словамъ, все видѣнное имъ, подтверждало его мнѣніе, что Англія, по своимъ коммерческимъ отношеніямъ, по своимъ несмѣтнымъ богатствамъ, по достойному уваженія характеру своихъ обитателей, вполнѣ заслуживала ту славу, которой она пользовалась. Александръ, съ своей августѣйшей сестрой,

посѣтилъ также Оксфордъ, гдѣ онъ во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣлъ знаменитый университетъ, и также, какъ прусскій король, согласился принять дипломъ доктора по гражданскому праву. Церемонія эта совершилась при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи огромнаго числа зрителей обоихъ половъ и студентовъ въ черныхъ мантіяхъ. Принцъ-регентъ, раньше получившій докторское званіе, принялъ, въ соотвѣтствующемъ костюмѣ, обоихъ августѣйшихъ кандидатовъ въ общемъ залѣ. Университетскій ораторъ произнесъ по-латыни рѣчь, съ восхваленіями по адресу обоихъ монарховъ. Затѣмъ нѣсколько студентовъ продекламировали нѣсколько поэтическихъ отрывковъ на тему московскаго пожара, паденія Наполеона, стойкости и великодушія союзниковъ, мудрости принца-регента.

Императоръ Александръ почтилъ своимъ присутствіемъ Бленгеймскій замокъ и великолѣпный балъ, данный въ его честь графиней Жерсей. Онъ посѣтилъ также Ричмондъ, Инвалидный домъ въ Гринвичѣ и въ Чельсеа, и другія общественныя учрежденія. Пробывши въ Англіи четыре недѣли, среди волшебной обстановки могущества и роскоши, Александръ уѣхалъ въ Голландію. Здѣсь онъ отправился на поклоненіе въ домъ, гдѣ Петръ Великій жилъ въ Саардамѣ. Собственникъ этого скромнаго жилища, осѣненнаго великими воспоминаніями, былъ счастливъ принести его въ даръ августѣйшему преемнику Петра I, который вознаградилъ его со свойственной ему щедростью. Затѣмъ государь отправился въ обратный путь черезъ Брюкзаль, гдѣ его ждала супруга его, императрица Елизавета. Послѣ года отсутствія, послѣ навѣки памятной и славной кампаніи, Россіи предстояло вновь увидѣть, наконецъ, своего государя,—торжествующаго и скромнаго въ то же время,—качества столь рѣдко совмѣстно сопровождающія блестящій успѣхъ! Рескриптъ государя на имя

петербургскаго главнокомандующаго, генерала Вязмитинова, представляетъ образецъ отличавшихъ императора Александра скромности и благочестія.

„Освѣдомленный о приготовленіяхъ къ пріему, которыя дѣлаются по случаю нашего возвращенія, и относясь всегда отрицательно къ такого рода привѣтствіямъ, я считаю ихъ теперь болѣе излишними, чѣмъ когда-либо. Одинъ Всевышній совершилъ великія дѣянія, положившія конецъ кровавой войнѣ въ Россіи. Мы всѣ должны преклониться передъ Провидѣніемъ. Передайте же мою неизмѣнную волю, дабы прекратить всякія приготовленія къ церемоніалу по случаю нашего возвращенія въ наше государство. Пошлите губернаторамъ всѣхъ провинцій приказъ ни подъ какимъ видомъ не уѣзжать изъ ихъ губерній. Я возлагаю на васъ исполненіе этого приказа.“

По дорогѣ въ Петербургъ, императоръ быстро проѣхалъ черезъ Литву, минуя Вильну. Я отмѣтила за это время нѣсколько характерныхъ чертъ, рисующихъ привѣтливый нравъ государя и доказывающихъ, что удачи, успѣхъ, опьяненіе счастьемъ—не вліяли на эту великую душу. Странствуя, по обыкновенію, почти безъ свиты или отдѣльно отъ нея, государь остановился у деревенской церкви и пошелъ къ обѣднѣ. По окончаніи ея, онъ подошелъ къ священнику и поцѣловалъ у него руку,—знакъ уваженія, который онъ оказывалъ священнослужителямъ нашей вѣры. Священникъ, не зная императора (этотъ анекдотъ я слышала отъ него самого), поцѣловалъ его въ лобъ, при чемъ на него повѣяло благоуханіемъ волосъ государя. Выходя изъ пустынной церкви (это былъ рабочій день), государь увидѣлъ лишь одну женщину, ожидавшую свой экипажъ. Онъ поклонился ей и спросилъ, куда она ѣдетъ. Она отвѣтила: „Въ Вилькомиръ.“ (Это былъ городъ того уѣзда, гдѣ его величество долженъ былъ смѣнить лошадей). Такъ какъ экипажъ этой дамы не пріѣзжалъ, им-

ператоръ, ради развлеченія, предложилъ ей ѣхать въ его коляскѣ. Увѣренная, что собесѣдникъ ея — простой русскій офицеръ, она охотно согласилась; при этомъ она разсказала государю, что ей приходится ѣхать въ Вилькомиръ, чтобы вести процессъ, который она боится потерять, несмотря на то, что дѣло ея правое: можетъ ли надѣяться на справедливость, сказала она, бѣдная вдова дворянина, безъ всякой протекціи! Ей совѣтовали, прибавила она, обратиться къ литовскому генералъ-губернатору, но она не имѣла чести знать его; у нея не было средствъ, чтобы добиться благосклоннаго вниманія губернскаго секретаря. Разговоръ этотъ очень забавлялъ государя, который поспѣшилъ предложить дамѣ походатайствовать за нее у Корсакова. Бѣдная вдова поблагодарила его за любезность, но, повидимому, не придала значенія предложенію услугъ со стороны простого офицера. Каково было удивленіе свиты государя, когда его величество пріѣхалъ вмѣстѣ съ женщиной, которая не была ни молода, ни хороша собой, и не отличалась хорошими манерами!

Но трудно себѣ представить замѣшательство и удивленіе бѣдной женщины, когда она узнала, по знакамъ почета, которые всѣ оказывали ея спутнику, что она долго пробыла въ обществѣ императора, ея государя. Лучше всего въ этой странной встрѣчѣ было то, что она выиграла свой процессъ, благодаря тому заступничеству, которое вначалѣ не внушило ей довѣрія.

Императоръ Александръ чрезвычайно любилъ странствовать инкогнито. Онъ часто заходилъ въ находившіеся на его пути дома частныхъ лицъ, бесѣдовалъ съ хозяевами, своей предупредительностью пріобрѣталъ ихъ довѣріе, разспрашивалъ ихъ и такимъ путемъ открывалъ разныя скрываемыя отъ него злоупотребленія властью, которыя могли повредить благосостоянію его подданныхъ. Однажды онъ вошелъ такимъ образомъ

къ одному дворянину, сельскому жителю, хорошему малому. Послѣдній принялъ его добродушно и, восхищенный дружескимъ видомъ, съ которымъ императоръ отозвался на его гостепріимство и сталъ пить съ нимъ пиво, — воскликнулъ: „Какъ мы были бы счастливы, если бы всѣ ваши товарищи походили на васъ! Къ несчастію, большинство,—въ особенности гвардейскіе офицеры,—грубы и требовательны. Благодаря имъ, мы, какъ чумы, боимся прохода войскъ черезъ деревню. Наконецъ, другъ мой, сказалъ онъ, все болѣе оживляясь съ каждымъ стаканомъ крѣпкаго пива, скажите, прошу васъ, ваше имя, чтобы я зналъ, кого я имѣлъ счастье принять въ своемъ домѣ?" Императоръ, немножко смущенный, отвѣтилъ, улыбаясь, что онъ называется *честнымъ человѣкомъ*. „Итакъ, мой милый честный человѣкъ", сказалъ дворянинъ, сердечно обнимая его величество, „благослови васъ небо"! —Въ эту самую минуту пріѣзжаютъ нѣсколько лицъ изъ свиты его величества: инкогнито открыто. Дрожащій и смущенный, дворянинъ падаетъ къ ногамъ государя, который ласково поднимаетъ его и, уѣзжая, оставляетъ ему знакъ своего благоволенія.*)

---

*) Императоръ Александръ, путешествуя, раздавалъ множество драгоцѣнныхъ вещей,—табакерки, кольца, фермуары, наименьшая стоимость которыхъ равнялась тремъ и четыремъ стамъ франковъ. Онъ дѣлалъ также подарки по случаю крестинъ, когда онъ бывалъ крестнымъ отцомъ; и эти дары, весьма значительные, постоянно возобновлялись, такъ какъ государь никогда не отказывалъ въ этой милости, и почти всѣмъ военнымъ извѣстнаго чина дозволено было просить о ней государя. Интересно было бы подсчитать всѣ годичные расходы императора Александра на подарки. Я увѣрена, что они составляли громадную сумму. Александръ давалъ также пенсіи многимъ иностраннымъ литераторамъ и артистамъ.

(Прим. автора мемуаровъ).

ГЛАВА XVIII.

Императоръ отказывается принять прозваніе Благословеннаго. Награды русской арміи и гражданамъ. Мѣры высшей мудрости.

Если по своей необычайной скромности Александръ отвергъ торжественное публичное чествованіе при своемъ возвращеніи въ столицу имперіи, онъ не могъ уклониться отъ чувствъ любви и восторга, повсемѣстно вызывавшихся его присутствіемъ.

Какая была минута для сердца матери, когда императрица Марія обняла сына, столь достойнаго ея по своимъ добродѣтелямъ, столь достойнаго, по своей высокой мудрости, выполнять благородную миссію умиротворителя Европы, государя, составлявшаго честь и славу Россіи!

Одинъ онъ, вліяніемъ своего характера, совмѣщавшаго твердость, кротость, стойкость,—одинъ онъ, руководимый и вдохновляемый религіей, разрушилъ то, что создано было могуществомъ и геніемъ,—и лишилъ Наполеона славныхъ плодовъ двадцати лѣтъ трудовъ и побѣдъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ сопротивленія, столь же безполезныхъ, сколько неудачныхъ, государи Европейскаго материка подчинились власти того, кто представлялся имъ въ образѣ бича Божьяго, которому никто не могъ сопротивляться. Но пришелъ Александръ и сказалъ имъ: „Онъ можетъ быть побѣжденъ, до-

вѣримся Провидѣнію". Ему повѣрили, и слова его сбылись. Довольный тѣмъ, что онъ безъ противодѣйствія поставилъ Россію на должную высоту и въ истинномъ свѣтѣ проявилъ благородный характеръ той націи, судьбами которой онъ управлялъ; не приписывая себѣ ни единаго изъ своихъ успѣховъ; выказывая въ счастіи столько же умѣренности, сколько онъ проявлялъ стойкости среди превратностей судьбы; мечтая лишь о счастіи человѣческаго рода,—Александръ внушилъ государямъ—своимъ союзникамъ—не только восхищеніе своей личностью, но и искреннее дружеское чувство; и безъ всякихъ съ своей стороны стараній, онъ на всю жизнь остался первымъ ихъ совѣтчикомъ. Свойства эти и заслужили ему то прозваніе, о которомъ будетъ далѣе упомянуто.

Такъ какъ совершить великія дѣянія, которыми руководилъ Александръ, могъ лишь тотъ, кого благословилъ Всевышній,— то синодъ, государственный совѣтъ и сенатъ пожелали обезсмертить подвиги русскаго народа и славу Александра. Съ общаго согласія, они отправили къ государю депутацію, состоявшую изъ тайнаго совѣтника князя Куракина, генерала Тормасова, сенатора графа Сотилова и т. д., чтобы предложить его императорскому величеству прозваніе Благословеннаго, — наименованіе, безъ сомнѣнія, славное, но которое, казалось, не могло оскорбить скромность государя, такъ какъ оно въ то же время указывало, что всѣ великія дѣянія его были отмѣчены печатью Провидѣнія. Депутація отъ имени государства умоляла его величество дозволить возвести въ Петербургѣ памятникъ для увѣковѣченія столь славныхъ воспоминаній, при слѣдующей надписи: „Александру Благословенному, императору всей Россіи, великодушному возстановителю Европейскихъ державъ, благодарная Россія."

Императоръ принялъ депутацію съ обычной своей привѣтливостью и отвѣтилъ на ея рѣчь указомъ, въ которомъ, благодаря

депутацію, онъ отказывался отъ наименованія Благословеннаго, не согласовавшагося съ его „взглядами и образомъ мыслей“ и дававшаго его вѣрноподданнымъ „примѣръ, не соотвѣтствующій тѣмъ чувствамъ умѣренности и духу смиренія, которыя онъ стремится имъ внушить.“ Указъ заканчивался словами: „Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе!“

Александръ искалъ отдохновенія отъ трудовъ столь долгой кампаніи лишь въ неизмѣнномъ, постоянномъ исполненіи своего долга и въ облегченіи вызванныхъ войной бѣдствій страны. Принужденный вновь покинуть Россію, чтобы отправиться на Вѣнскій конгрессъ, онъ поспѣшилъ облегчить эти бѣдствія наиболѣе быстрыми и дѣйствительными средствами. Государь началъ съ того, что приказалъ во всей имперіи воздавать благодареніе Провидѣнію за спасеніе Россіи. Онъ учредилъ въ пользу духовенства крестъ въ память 1812 года. Торжествующая армія получила медаль съ указаніемъ года и дня своего вступленія въ Парижъ. Онъ, равнымъ образомъ, учредилъ орденъ св. Владиміра для русскаго дворянства, принесшаго отечеству столько геройскихъ жертвъ, и разрѣшилъ носить его главамъ семействъ или старшимъ ихъ членамъ. Торговое сословіе также получило, въ награду за свои услуги, орденъ св. Анны. Его величество повсемѣстно освободилъ населеніе отъ уплаты податныхъ недоимокъ, начиная съ 1813 года, такъ же какъ отъ другихъ налоговъ и штрафовъ. Государь даровалъ прощеніе всѣмъ заключеннымъ, за исключеніемъ убійцъ и грабителей; избавилъ отъ тѣлесныхъ наказаній преступниковъ, осужденныхъ на каторжныя работы. Наконецъ, онъ распространилъ свое милосердіе на всѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ

причинамъ вовлеченъ былъ наперекоръ долгу въ ряды непріятеля. Въ то же время Александръ приказалъ вознаградить тѣ губерніи, которыя во время кампаніи оказали правительству денежную помощь. Ссуды эти были бы возвращены, если бъ смерть не похитила у народа возлюбленнаго государя. Всегда заботливо относясь къ нуждамъ своей имперіи, Александръ провелъ тягостныя войны, не вводя ни новыхъ поборовъ, ни исключительныхъ налоговъ. Поэтому лавры его никогда не орошались слезами его подданныхъ. Благословенія бѣдняковъ всегда сопровождали его предпріятія и открыли ему въ предначертаніяхъ Провидѣнія путь къ блестящимъ успѣхамъ, о которыхъ его истинно христіанская скромность не позволяла ему и помышлять, ибо единственной цѣлью его благородныхъ стремленій, такъ же какъ единственнымъ двигателемъ его мудрой и благотворной политики,—было счастье и спокойствіе Европы. Да возродится его столь трогательная отеческая доброта въ сердцахъ его преемниковъ! Да сознаютъ они такъ же, какъ этотъ великій государь, что опьяняющій дымъ славы, часто пріобрѣтаемой цѣною счастья народовъ, если и даетъ минуту опьяненія, все же не можетъ вполнѣ удовлетворить сердце государя: благоденствіе народа, его благословенія одни могутъ дать отрадную, чистую, ненарушимую радость, подобно небеснымъ наградамъ, для которыхъ они являются предвѣстникомъ и залогомъ. Императоръ велѣлъ также напечатать указъ комиссіи по вопросу объ образованіи духовенства,—указъ, въ которомъ выражаются трогательныя религіозныя чувства. Государь высказываетъ въ немъ ту мысль, что образованіе должно стремиться распространять тотъ свѣтъ, который свѣтитъ во мракѣ. Направлять учениковъ къ истинному источнику добра можно лишь слѣдуя этому свѣту, тѣми способами, которые съ такой простотой и мудростью указываетъ намъ Евангеліе, говоря, что Іисусъ Христосъ есть путь, истина и жизнь.

Поэтому духъ христіанства долженъ быть основой всякаго христіанскаго общественнаго обученія, въ особенности для молодыхъ людей, подготовляющихся къ духовному званію, ибо, подчиняя ихъ божественному разуму, онъ охраняетъ ихъ отъ заблужденій. Указъ заканчивался выраженіемъ увѣренности, что комиссія съ помощью Всевышняго направитъ свои стремленія къ этой цѣли, безъ которой отъ трудовъ ея нельзя ждать истиннаго плода.

ГЛАВА XIX.

Вѣнскій конгрессъ. Дипломатическія интриги. Изумленіе, вызванное возвращеніемъ въ Парижъ Наполеона.

Проѣздомъ черезъ Польшу въ Вѣну императоръ соблаговолилъ принять въ Варшавѣ польскую депутацію. При этомъ глава депутаціи, сенаторъ Кицки, отъ имени своихъ соотечественниковъ обратился къ его величеству съ выраженіемъ чувствъ благодарности и благоговѣнія, такъ же какъ безпредѣльнаго довѣрія къ великодушному покровительству Александра. Императоръ отвѣчалъ на эту рѣчь въ лестныхъ для поляковъ выраженіяхъ. Онъ имъ сказалъ, что ѣдетъ въ Вѣну, дабы совершить предпринятое въ ихъ пользу дѣло. „Я увѣренъ,“ прибавилъ государь, „что успѣхъ оправдаетъ довѣріе вашей націи; счастье поляковъ будетъ моей наградой.“

Императоръ проѣхалъ черезъ Пулавы, замокъ князей Чарторижскихъ, которые уже нѣсколько лѣтъ раньше имѣли счастіе принять его величество. Пятнадцать дней, проведенныхъ въ замкѣ государемъ, оставили неизгладимыя воспоминанія въ сердцѣ его знатныхъ хозяевъ, которыхъ государь осыпалъ особыми знаками своей дружбы. Кромѣ многочисленной семьи княгини Чарторижской, состоявшей изъ двухъ ея сыновей, принцессы Віортембергской и графини Замойской,—ея дочерей, —въ Пулавахъ собралось много знатныхъ лицъ: всѣ хотѣли насла-

диться счастьемъ созерцать Александра и представиться ему. Среди этихъ лицъ находились: моя тетушка кн. Радзивиллъ, ея сынъ—князь Антоній, графиня Ржевусская, генералъ Красинскій, сенаторъ Новосильцовъ— вице-президентъ совѣта, и новая депутація отъ Варшавы. Несравненная доброта государя, проявлявшаяся въ каждомъ его словѣ и исходившая изъ прекрасной души, которую не могли исказить ни могущество, ни счастье,—доброта эта вызывала энтузіазмъ и располагала къ благодарности, преданности и довѣрію. Александръ сказалъ польскимъ депутатамъ: „Передайте жителямъ Варшавы, что я о нихъ забочусь, и если я откладываю мой пріѣздъ въ ихъ городъ, то единственно, чтобы упрочить ихъ счастье.“—Въ минуту отъѣзда его величества, простившись съ нимъ, княгиня Чарторижская, ея дѣти и все общество отправились впередъ къ парому, на которомъ его величество вмѣстѣ съ экипажами свиты долженъ былъ переправиться черезъ Вислу. Государь, казалось, былъ пріятно удивленъ этимъ вниманіемъ, вызваннымъ стремленіемъ нѣсколько лишнихъ минутъ насладиться его обществомъ, и онъ это выразилъ со свойственной ему привѣтливостью. Несмотря на прохладный вечеръ и близость воды, государь, доводя до крайности присущую ему вѣжливость, не захотѣлъ оставаться въ шинели въ присутствіи дамъ. Поощренныя его любезностями и комплиментами, княгиня Чарторижская, ея дочери и нѣкоторыя другія дамы попросили у него позволенія взять нѣсколько перьевъ изъ его султана. Внутренно польщенный этой просьбой, Александръ охотно исполнилъ ее со свойственной ему чарующей граціей.

Такъ какъ европейскіе государи сговорились собраться въ Вѣнѣ лично или черезъ посредство своихъ министровъ для обсужденія правъ и интересовъ націй, — то на конгрессѣ прежде всего поднялся вопросъ о мѣстѣ, которое каждый изъ нихъ долженъ былъ занять. Со свойственной ему скромностью,

Александръ не только не потребовалъ по праву ему принадлежавшаго первенства, но, желая, наоборотъ, избѣгнуть всякихъ пререканій, способныхъ задѣть самолюбіе, онъ предложилъ придерживаться алфавитнаго порядка, далеко отстранявшаго его отъ перваго мѣста. Великій человѣкъ въ совѣтѣ и тамъ, гдѣ дѣло касалось высшихъ интересовъ, Александръ становился любезнымъ, очаровательнымъ собесѣдникомъ во всѣхъ собраніяхъ, гдѣ онъ благоволилъ появляться. Его августѣйшія сестры, великая княгиня Екатерина (впослѣдствіи королева Вюртембергская) и великая княгиня Веймарская тоже были въ Вѣнѣ; и въ ихъ обществѣ, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, придворный этикетъ исчезалъ и замѣнялся шутливой бесѣдой. Между императоромъ и великой княгиней Екатериной было большое сходство; и чтобы сдѣлать его еще болѣе поразительнымъ, государь однажды вечеромъ вздумалъ надѣть платье и прическу ея императорскаго высочества.

Въ день именинъ австрійскаго императора Александръ и прусскій король надумали сдѣлать ему утромъ сюрпризъ и подарить ему—одинъ—великолѣпный мѣховой соболій халатъ, другой—серебряный тазъ и кувшинъ прекрасной берлинской работы.

На улицахъ Вѣны часто можно было встрѣтить императора Александра и прусскаго короля, гулявшихъ вмѣстѣ, одѣтыхъ, какъ простые буржуа. Самыя блестящія и замысловатыя празднества, аллегорическія картины, изображавшіяся красивѣйшими придворными дамами, оперы, спектакли, карусели, турниры, въ которыхъ нѣмцы особенно сильны, большіе костюмированные балы, великолѣпнѣйшія торжества давались въ честь собравшихся въ Вѣнѣ со всей Европы самыхъ знатныхъ, высокопоставленныхъ, одаренныхъ и высокообразованныхъ лицъ. „Въ концѣ концовъ,“ замѣтилъ въ то время принцъ де Линь, шутившій даже на смертномъ одрѣ, „въ концѣ концовъ, празд-

нествамъ конгресса недостаетъ лишь одного, — похоронной процессіи при погребеніи маршала имперіи. Что жъ, — я имъ доставлю это зрѣлище.“—Къ несчастью, онъ сдержалъ слово.

Постоянно озабоченные судьбой своего отечества, поляки съ нетерпѣніемъ ожидали результата переговоровъ конгресса и исполненія обѣщаній Александра. Однажды, когда одинъ вліятельный австрійскій министръ сталъ пренебрежительно отзываться о полякахъ и высказываться противъ ихъ интересовъ, его императорское высочество великій князь Константинъ, не будучи въ состояніи сдержать свое неудовольствіе, выразилъ его министру, какъ говорятъ, въ весьма энергичной формѣ, за что поляки всегда будутъ безконечно благодарны своему августѣйшему покровителю. Тѣмъ не менѣе, несмотря на безконечныя препятствія и помѣхи, которыя вѣнскій кабинетъ ставилъ благороднымъ и справедливымъ взглядамъ императора Александра, послѣдній былъ провозглашенъ польскимъ королемъ. Онъ самъ соблаговолилъ сообщить эту вѣсть полякамъ, въ письмѣ, написанномъ собственной рукой предсѣдателю сената, графу Островскому. „Я сообщаю вамъ съ особеннымъ чувствомъ удовлетворенія,“—писалъ государь, — „что судьба вашего отечества, наконецъ, опредѣлилась по общему соглашенію всѣхъ соединившихся на конгрессѣ державъ. Принимая титулъ короля польскаго, я хотѣлъ исполнить желаніе польской націи. Польское королевство присоединится къ имперіи посредствомъ собственной конституціи, на которой я хочу основать счастье вашей страны. Если интересы общаго спокойствія не допустили, чтобы всѣ поляки объединились подъ однимъ скипетромъ, я стремился, по крайней мѣрѣ, смягчить тягость раздѣленія и вездѣ обезпечить имъ мирное пользованіе ихъ національными правами. Прежде чѣмъ формальности дозволятъ подробно опубликовать всѣ пункты, касающіеся окончательнаго устройства дѣлъ въ Польшѣ, я хотѣлъ, чтобы вы

первый были объ этомъ освѣдомлены по существу, и я разрѣшаю вамъ сообщить вашимъ соотечественникамъ содержаніе настоящаго письма.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи.

Александръ".

Трудно представить себѣ, какую радость новость эта вызвала въ истинно польскихъ сердцахъ. Среди общаго ликованія уже ожидали скораго пріѣзда желаннаго монарха, когда событія въ Европѣ внезапно измѣнились. Генералъ Поццо ди Борго, русскій посланникъ во Франціи, пріѣхалъ изъ Парижа въ Вѣну и объявилъ конгрессу, что Бурбоны, болѣе чѣмъ когда-либо, утвердились на престолѣ. Черезъ пятнадцать дней, среди одного празднества, на которомъ были представлены всѣ божества Олимпа и Парнаса, вдругъ, какъ громовый ударъ, пронеслась изумительная новость: „Наполеонъ покинулъ островъ Эльбу, Наполеонъ—во Франціи!"

Лицо, передавшее мнѣ эти подробности и бывшее свидѣтелемъ ихъ, графъ Сальмони, человѣкъ выдающагося ума, разсказалъ мнѣ, что великій страхъ объялъ небесныхъ боговъ, и что среди боговъ земныхъ императоръ Александръ, какъ человѣкъ разумный, первый покинулъ празднество, чтобы скрыть отъ публики свое впечатлѣніе.

На слѣдующій день, когда всѣ оправились отъ потрясенія, естественно вызваннаго этимъ событіемъ, размышленія успокоили и уничтожили первоначальное изумленіе и невольный страхъ. „Это сумасшедшій! авантюристъ!"—Такъ выражались, говоря о Наполеонѣ. Задѣтый колкими упреками, съ которыми вездѣ къ нему обращались по поводу его невѣдѣнія относительно положенія дѣлъ во Франціи, Поццо ди Борго шелъ дальше всѣхъ и увѣрялъ, что Наполеона повѣсятъ на первомъ же деревѣ по прибытіи его во Францію. Однако, этотъ *сумасшедшій*, *авантюристъ*, вѣрнѣе—этотъ непостижимый чело-

вѣкъ, бѣжавшій съ острова Эльбы на простомъ бригѣ и чудеснымъ образомъ пробравшійся среди англійскихъ кораблей,—высадился во Франціи съ горстью солдатъ. Двадцать дней спустя онъ вступилъ въ Парижъ во главѣ арміи, объявляя въ своемъ смѣломъ воззваніи, что одинъ онъ можетъ возстановить миръ, и онъ возстановитъ его въ Европѣ.

О, Провидѣніе, кто проникнетъ въ Твои предначертанія! Нѣтъ, паденіе этого необыкновеннаго человѣка, долго казавшееся воображенію столь непонятнымъ, было менѣе непонятно, чѣмъ изумительное возстановленіе его власти.

Бурбоны разсѣялись. Людовикъ XVIII, принужденный вторично покинуть отечество и предоставить престолъ своихъ предковъ *чужестранцу*,—на этотъ разъ, по истинѣ, узурпатору,—Людовикъ XVIII удалился въ Гентъ. Но что ожидало теперь Францію и затѣмъ Европу? Подтвердившееся извѣстіе, что Наполеонъ—въ Парижѣ, что власть его возстановилась безъ всякаго сопротивленія,—это угнетающее извѣстіе поразило и ошеломило совѣтъ конгресса. Послѣ столькихъ великодушныхъ усилій, послѣ громадныхъ жертвъ и потоковъ пролитой крови, приходилось возвращаться вспять, возобновлять усилія, жертвы, какъ если бъ ничего еще не было сдѣлано! Мысль эта могла внести уныніе въ сердца союзныхъ государей. Императоръ Александръ объявилъ, что съ него довольно войнъ, что онъ не желаетъ постоянно жертвовать своими солдатами. Къ этому отрицательному отношенію его къ войнѣ присоединились другія соображенія личнаго свойства и вполнѣ справедливыя.

Людовикъ XVIII послалъ въ Вѣну князя Талейрана въ качествѣ блюстителя интересовъ Франціи. Трудно разобрать, каковы были намѣренія этого ловкаго дипломата, который одновременно стремился, повидимому, сообща со всѣми державами ввести систему прочнаго умиротворенія Европы, и въ то же

время переговаривался съ Австріей по поводу договора, противнаго политическимъ интересамъ Россіи и лишавшаго ее того вліянія, которому Франція обязана была своимъ спасеніемъ. Между тѣмъ какъ Талейранъ, вполнѣ увѣренный въ твердости своего положенія въ Парижѣ, стремился продолжить свою роль, онъ узналъ о появленіи Наполеона во Франціи и вступленіи его въ столицу; въ то же время онъ узналъ, что Александру уже извѣстны тайныя интриги французскаго роялистскаго министерства. Какъ отразить этотъ послѣдній роковой ударъ? Талейранъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ свѣдущъ въ политикѣ, чтобы не понять, что одинъ императоръ Александръ могъ еще спасти Францію, благодаря своему могуществу и вліянію на другія союзныя державы. Итакъ, Талейранъ, зная великодушіе Александра, основалъ на немъ свои послѣднія политическія надежды и надежду на собственное спасеніе.

Онъ бросился къ ногамъ государя и увѣрилъ его, что обманутый своимъ патріотизмомъ онъ неправильно понялъ интересы Франціи и тѣ союзныя связи, которыя ей слѣдовало заключить. Онъ умолялъ государя простить его и не бросать то дѣло, которое близко касалось всѣхъ королей.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія и размышленія, государь бросилъ строгій взглядъ на Талейрана. „Дѣло идетъ не обо мнѣ,“ сказалъ онъ, „и не о личномъ оскорбленіи, которое не можетъ задѣть меня,—а о спасеніи Франціи.“ Нельзя, однако, не признать, что если бъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ Талейранъ не проявилъ чрезвычайной, неустанной дѣятельности, конгрессъ разошелся бы, не пришедши ни къ какимъ заключеніямъ относительно судьбы Франціи.

Со свойственнымъ ему великодушіемъ Александръ, отстраняя всякое чувство личнаго недовольства и думая объ инте-

ресахъ лишь общаго дѣла, тотчасъ направилъ значительный отрядъ войска подъ предводительствомъ Барклая де Толли не противъ Франціи, но на помощь Бурбонамъ, противъ арміи Наполеона.

ГЛАВА XX.

Кампанія 1815 года. Вторичное вторженіе во Францію. Умѣренность Александра по отношенію къ Франціи. Онъ является ихъ покровителемъ противъ алчности своихъ союзниковъ.

Я не стану подробно описывать кампанію 1815 года, ознаменовавшуюся съ той и другой стороны военными подвигами и закончившуюся достопамятной битвой при Ватерло. Русскій императоръ пріѣхалъ въ Парижъ лишь по возвращеніи въ столицу Людовика XVIII. *) Всегда одушевленный самыми великодушными и миролюбивыми чувствами, Александръ появился въ Парижѣ въ умиротворительномъ образѣ посредника, старавшагося отразить удары, которые стремилась нанести Франціи политика другихъ державъ.

Въ то время, какъ полномочные министры составляли новый мирный договоръ, при весьма невыгодныхъ для Франціи условіяхъ, Александръ отправился въ лагерь „Vertus", на смотръ своихъ войскъ въ присутствіи союзныхъ государей.

*) Единственная надежда французовъ среди бѣдствій, которыя они сами навлекли на себя,—Александръ вызвалъ своимъ появленіемъ въ Парижѣ сильнѣйшій энтузіазмъ. Государь въ сопровожденіи одного адъютанта гулялъ однажды инкогнито въ Пале-Роялѣ. Толпа узнала его и при восторженныхъ кликахъ проводила его до дворца въ Елисейскихъ поляхъ, гдѣ онъ остановился.

При этомъ онъ издалъ приказъ, въ которомъ, воздавая должное доблести русскаго войска, онъ объявлялъ ему объ окончаніи кампаніи и благодарилъ за усердную службу. Приказъ заканчивался воззваніемъ къ Всевышнему, охранившему русское войско отъ сопровождающихъ войну бѣдствій и возвращающему его въ нѣдра отечества.

Жители Шампаньи собрались толпой въ окрестностяхъ лагеря, чтобы имѣть счастье видѣть прекраснаго государя, котораго они, по справедливости, считали своимъ истиннымъ покровителемъ. Узнавъ, что французскія дамы собрались въ сосѣднемъ амбарѣ, чтобы присутствовать на смотру, государь послалъ имъ разныхъ прохладительныхъ напитковъ.

Послѣ смотра австрійскій императоръ и прусскій король подошли къ Александру, чтобы выразить ему свое одобреніе по случаю прекрасной военной выдержки сорокатысячнаго русскаго войска, маневрировавшаго въ ихъ присутствіи съ рѣдкимъ искусствомъ и въ величайшемъ порядкѣ. Еще возбужденный произведеннымъ смотромъ, императоръ, держа руку на шпагѣ, съ гордымъ видомъ отвѣчалъ обоимъ государямъ: „Я могу, если понадобится и если меня къ тому принудятъ, въ два мѣсяца собрать здѣсь такое же войско въ двѣсти тысячъ человѣкъ.“ Государь хотѣлъ дать этимъ понять, что онъ готовъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать Францію, буде союзныя державы не захотятъ признать, что если, съ одной стороны, желательно, чтобы Франція вернулась къ миру и спокойствію, не нарушаемому внутренними волненіями, съ другой стороны,—политика Европы, ради общаго интереса союзныхъ государствъ, требовала, чтобы Франція оставалась великой и сильной державой. Благодаря дѣятельному и великодушному вмѣшательству Александра, Франція сохранила свои прежнія границы; но, чтобы удовлетворить строгія требованія союзныхъ державъ, она принуждена была уплатить большія

контрибуціи и взять на себя содержаніе ста пятидесяти тысячъ человѣкъ иностранныхъ войскъ. Ошибки народовъ навлекаютъ на нихъ страшную отвѣтственность; лишь время можетъ изгладить слѣды ея. Императоръ Александръ также отрицательно отнесся къ тому, что у Парижа отняли всѣ произведенія искусства, въ различныя времена завоеванныя, благодаря доблести французовъ. Весьма мудрая мысль, очень благопріятная для изученія искусствъ и для европейскихъ художниковъ, побудила Александра предложить, чтобы эти произведенія искусствъ не разсѣивались по разнымъ странамъ, а продолжали бы украшать то зданіе, гдѣ они были собраны, при чемъ онъ предлагалъ переименовать Луврскій музей въ Европейскій музей. И нѣтъ сомнѣнія, что Аполлонъ Бельведерскій и Венера Медицейская нашли бы болѣе поклонниковъ въ Парижѣ, гдѣ собираются всѣ знаменитые художники, чѣмъ въ Лондонѣ, который притомъ не имѣлъ больше правъ на нихъ, чѣмъ Парижъ. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ другими державами.

Императоръ Александръ былъ также принужденъ рѣшительно воспротивиться разрушенію Аустерлицкаго и Іенскаго мостовъ. У него была слишкомъ великая душа и слишкомъ широкій умъ, чтобы не почувствовать, что воспоминаніе о славѣ французовъ было связано не съ однимъ только каменнымъ памятникомъ; но не всѣмъ было дано думать и чувствовать такъ, какъ этотъ государь.

Во время своего пребыванія во Франціи Александръ постоянно старался оказать помощь ея жителямъ. Онъ потребовалъ списокъ вдовъ, сиротъ и земледѣльцевъ, жилища которыхъ были разрушены въ теченіе войны; и всѣ тѣ, кто пожелалъ отправиться въ Крымъ, получили отъ него вспомоществованіе и требуемые паспорты. Александръ выказывалъ французамъ такое полное довѣріе, что онъ отказался отъ

охраны, которую ему предлагали, говоря, что во Франціи это безполезно, что онъ считаетъ ее дружественной страной. Кто-то въ Парижѣ пожелалъ знать гдѣ остановился русскій императоръ, при чемъ ему отвѣтили: „Dans la plaine des Vertus, à l'Hôtel de la Magnanimité.“ Анекдотъ этотъ нѣсколько въ духѣ романовъ г-жи Скюдери.

Въ краткій промежутокъ Ста дней событія слѣдовали одно за другимъ, быстрѣе полета мысли. За это время Наполеонъ высадился во Франціи и вновь вступилъ на престолъ. Людовикъ XVIII удалился въ Гентъ. Союзныя арміи выступили противъ Наполеона и побѣдили его. Послѣдній бѣжалъ и довѣрился волнамъ океана, менѣе предательскимъ, чѣмъ англичане, въ руки которыхъ отдался этотъ второй Ѳемистоклъ, этотъ новый Аннибалъ.

Наконецъ, Людовикъ XVIII вновь вступилъ въ свои права и возвратился въ столицу. Такія многообразныя событія могли бы заполнить собою цѣлые вѣка.

Нарушитель европейскаго мира, этотъ новый Прометей, который не похитилъ божественнаго огня, но хотѣлъ зажечь всю вселенную, —Наполеонъ былъ изгнанъ на скалу, среди океана; ему предстояло испытать муки всепоглощающаго честолюбія, навѣки лишеннаго питанія.

Александръ и Наполеонъ являютъ собой поразительный примѣръ божественной справедливости. Какъ могъ Александръ сдержать верхъ подъ геніальнымъ человѣкомъ, казавшимся непобѣдимымъ? Онъ сталъ побѣдителемъ, потому что боролся съ помощію Божіей, и никогда не гордился своими побѣдами; тогда какъ Наполеонъ, всецѣло опиравшійся на силу своего оружія, дважды потерялъ свои громадныя войска; могущество его разсѣялось, какъ сонъ: „Горе тому, что опирается на земную силу“!..

Около этого времени я составила слѣдующую молитву за

русскаго императора: „Да охранитъ Провидѣніе Александра во вѣки вѣковъ! Да поддержитъ Оно его своей силой въ битвахъ и своей мудростью въ управленіи государствомъ! Болѣе всего, о Боже, сохрани его отъ опьяненія властью, столь рокового для государей и столь зловреднаго для счастья ихъ подданныхъ! Поддержи его Своей мудростью въ исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя онъ несетъ Твоимъ именемъ; благослови его во всѣхъ его предпріятіяхъ, и сохрани сердце его въ Своей всемогущей десницѣ“.

ГЛАВА XXI.

Александръ, царь польскій. Празднества въ Варшавѣ. Возвращеніе императора въ столицу.

Довольный тѣмъ, что онъ удачно и благопріятно для счастья Европы кончилъ памятную кампанію 1815 года и достигъ, въ награду за свои труды, долгаго и прочнаго мира, Александръ собирался отдохнуть отъ войны и политическихъ заботъ и дать счастье другимъ. Его ждали въ Варшавѣ для коронованія. И онъ отправился туда, отпраздновавъ предварительно въ Берлинѣ бракосочетаніе своего августѣйшаго брата, великаго князя Николая, съ дочерью прусскаго короля. Такимъ образомъ, онъ укрѣпилъ свой союзъ съ этой державой двойной связью кровной и политической.

Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Варшаву 26-го октября 1815 года. Онъ совершилъ свой въѣздъ верхомъ, въ польскомъ мундирѣ, съ орденомъ Бѣлаго орла. Всѣ улицы и окна на пути его величества были украшены цвѣтами, вензелями и флагами, различныя депутаціи ожидали его величество около тріумфальной арки, на которой красовалась слѣдующая надпись: Hic ames dici pater atque princeps.

Государь не захотѣлъ принять ключи отъ города, которые поднесъ ему президентъ муниципалитета и въ въ отвѣтъ на рѣчь послѣдняго сказалъ: „Я не принимаю ключей, ибо я здѣсь не какъ побѣдитель, но какъ покровитель, какъ другъ,

всѣмъ вамъ желающій счастья". Но онъ принялъ поднесенный ему хлѣбъ и соль, какъ самый полезный даръ Провидѣнія. Поляки вновь обрѣли короля, отца. Въ тотъ же памятный день, вечеромъ, весь городъ былъ иллюминованъ аллегорическими транспарантами. На улицахъ, при радостныхъ кликахъ, двигалась громадная толпа, восторженно повторявшая имя Александра. Государь былъ тронутъ этими проявленіями любви и энтузіазма, на которыя онъ не разсчитывалъ, думая, со свойственной ему скромностью, что поляки предпочитали ему Наполеона.

Александръ даровалъ полякамъ конституцію, основанную на кодексѣ Наполеона, сенатъ и право созванія сеймовъ. Онъ назначилъ генерала Заіончека*) на первый постъ въ царствѣ, —далъ ему званіе генералъ-лейтенанта и самъ сообщилъ ему объ этомъ назначеніи. Старый воинъ возразилъ государю, что его скромныя средства не позволяютъ ему принять этотъ постъ.—„Это еще лишняя заслуга въ моихъ глазахъ", сказалъ императоръ и назначилъ генералу (которому онъ впослѣдствіи даровалъ княжескій титулъ) изъ государственнаго казначейства жалованье въ 200.000 польскихъ флориновъ.

Когда императоръ и польскій царь принималъ депутацію департаментовъ и городовъ, воевода Матаховскій отъ имени своихъ соотечественниковъ выразилъ одушевлявшія ихъ чувства любви, благоговѣнія и признательности къ благородному побѣдителю, даровавшему ихъ отечеству новую политическую жизнь. Онъ прибавилъ, что въ память столь счастливаго дня жители всѣхъ департаментовъ составили складчину, чтобы въ каждомъ обезпечить нуждающуюся семью землепашцевъ, и

*) Генералъ Заіончекъ провелъ часть своей жизни на французской службѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся офицеровъ во французской арміи. Наполеонъ очень уважалъ его.

что они почтительнѣйше увѣдомляютъ объ этомъ его величество... Государь отвѣтилъ: „Я очень тронутъ выраженіемъ вашихъ чувствъ по отношенію ко мнѣ. Я знаю, что страна эта перенесла большія бѣдствія,—надо изгладить ихъ слѣды. Чтобы тотчасъ облегчить ихъ, я приказалъ русскимъ войскамъ удалиться. Придя на помощь доброму сословію землепашцевъ, вы сдѣлали то, что всего пріятнѣе моему сердцу. Все, что вы предпримете въ этомъ отношеніи, будетъ предметомъ самыхъ живыхъ моихъ попеченій. Я всегда готовъ принять всѣ просьбы, которыя будутъ мнѣ представлены, какъ частными лицами, такъ и департаментами.

Я назначу на этотъ предметъ лицъ, которыя будутъ давать мнѣ отчетъ о вашихъ просьбахъ, и я обращу на нихъ все мое вниманіе. Мои желанія всегда будутъ имѣть одну лишь цѣль—процвѣтаніе вашей страны и счастье ея жителей.“

Графъ Огинскій, русскій сенаторъ (тотъ самый, который напечаталъ мемуары, благосклонно принятые публикой), графъ Огинскій во главѣ литовской депутаціи отправился въ Варшаву привѣтствовать новаго польскаго царя. Императоръ принялъ его въ тронномъ залѣ.

Огинскій замѣтилъ, что, когда онъ въ своей рѣчи сравнилъ съ молніей быстроту одержанныхъ Александромъ побѣдъ, государь принялъ величественный видъ. Онъ замѣтилъ также слезы на глазахъ государя, когда онъ говорилъ о благодарности литовцевъ. Между тѣмъ нашлись лица, которыя осмѣлились заподозрѣть этого благороднаго монарха въ неискренности, и Наполеонъ замѣтилъ, говоря объ Александрѣ, что онъ—самый прекрасный, проницательный и самый фальшивый изъ всѣхъ византійцевъ. Не стоитъ опровергать подобныя клеветы,—отвѣтомъ на нихъ служитъ вся жизнь Александра.

Пребываніе императора въ Варшавѣ ознаменовалось блестя-

щими празднествами у генерала Красинскаго, графа Потоцкаго, у принцессы Вюртембергской. Городъ далъ также костюмированный балъ въ большомъ театральномъ залѣ. Здѣсь собралось самое избранное общество, отличавшееся вкусомъ, богатствомъ, изяществомъ и красотой. Моя мать по слабому здоровью не присутствовала на этихъ празднествахъ. Она имѣла честь быть представленной его величеству у ея сестры, княгини Радзивиллъ, при чемъ она благодарила государя за всѣ милости, оказанныя семьѣ ея. Государь разрѣшилъ моей матери объявить о предстоящемъ прiѣздѣ его въ Вильну; при чемъ онъ говорилъ обо мнѣ матери со свойственной ему снисходительностью. Было заранѣе извѣстно, что государь пробудетъ въ Вильнѣ всего одинъ день и будетъ ночевать въ Товiани.

Мой отецъ предполагалъ уѣхать тотчасъ послѣ бала, который долженъ былъ состояться по прiѣздѣ его величества, чтобы отправиться въ Товiани со мной и нѣсколькими другими лицами. Онъ надѣялся, что ему удастся сообщить государю о различныхъ злоупотребленiяхъ, прокравшихся въ управленiе, также о томъ, какимъ образомъ нѣкоторые представители власти проводили справедливые и умѣренные взгляды столь добраго монарха. Въ Вильнѣ также распространились тревожные слухи. Говорили, что въ Петербургѣ образовалась русская партiя, недовольная тѣмъ вниманiемъ, которое государь оказывалъ полякамъ, и всѣмъ, что онъ дѣлалъ для Польскаго царства. Императоръ самъ не обманывалъ себя на этотъ счетъ, такъ какъ въ Варшавѣ онъ просилъ поляковъ, чтобы они въ своихъ патрiотическихъ рѣчахъ не сѣяли недоразумѣнiй между нимъ и его русскими подданными. Впослѣдствiи я узнала въ Парижѣ отъ лица, заслуживающаго довѣрiя, что въ 1815 году маршалъ Сультъ открылъ очень важные документы, разоблачавшiе зловѣщiе планы. Маршалъ тотчасъ препроводилъ ихъ императору, который поручилъ благодарить его и передать,

что опасность не такъ велика, какъ онъ полагаетъ. Какая роковая безпечность, и какъ трудно понять ее! Какъ могъ Александръ, при свойственномъ ему здравомысліи и проницательности, разумно побуждавшей его гасить въ другихъ европейскихъ странахъ очаги революціи,—какъ могъ Александръ закрывать глаза на огонь, тлѣвшій въ его собственномъ государствѣ! Его сердце, повидимому, обманывало его умъ и отказывалось повѣрить такой чудовищной неблагодарности со стороны его подданныхъ. Графъ Ш*** и я, мы уже нѣсколько лѣтъ тревожились по поводу доходившихъ до насъ мятежныхъ толковъ, и мы сообщили свои опасенія нѣкоторымъ представителямъ правительственной власти, которые сочли ихъ преувеличенными страхами, фантазіями аристократовъ. Факты додоказали теперь, что опасенія эти были вполнѣ основательны...

Императоръ пріѣхалъ въ Вильну ночью. Уже заранѣе были сдѣланы приготовленія къ балу, къ иллюминаціямъ и пр. Мой отецъ велѣлъ помѣстить надъ дверью своего дома транспарантъ, представлявшій Вильну съ ея живописными окрестностями, при восходѣ солнца, со слѣдующими словами: „Восходъ зари обѣщаетъ намъ тихіе, безоблачные дни.“—Адъютантъ князя Волхонскаго предупредилъ меня утромъ, что его величество прибудетъ къ намъ въ часъ пополудни. Утромъ государь принималъ во дворцѣ представлявшихся ему лицъ. Увидѣвъ моего отца, государь сказалъ ему: „А, это вы, графъ!“ Мой отецъ хотѣлъ сказать его величеству нѣсколько словъ въ свое оправданіе, но государь прервалъ его, говоря: „Все забыто, прошлое забыто.“ Мой отецъ, обладавшій громаднымъ тактомъ, почувствовалъ, что это слово „забыто“ скорѣе означало „прощено“. То же самое почувствовали моя сестра и я и преклонились передъ этимъ благороднымъ, впечатлительнымъ сердцемъ, которое могло простить, но не забыть со-

вершенные противъ него проступки. Отецъ мой восхищался государемъ и искренно любилъ его; онъ вступилъ въ противную партію лишь благодаря особому стеченію обстоятельствъ. Онъ не осмѣлился быть у меня, когда Александръ соблаговолилъ посѣтить меня, и на этотъ разъ моя сестра помогла мнѣ принять его величество, съ которымъ она имѣла честь познакомиться въ первый пріѣздъ его величества въ Вильну.

Послѣ первыхъ привѣтствій я осмѣлилась спросить, доволенъ ли государь своимъ пребываніемъ въ Варшавѣ? Государь отвѣчалъ, что Варшава не совсѣмъ удовлетворила его ожиданія; что зданія города построены неправильно и улицы грязны; но онъ согласился, что устройство этого города можетъ быть усовершенствовано. Его величество прибавилъ лестныя слова по отношенію къ польскому обществу и къ полякамъ вообще. „Я еще не выполнилъ,“ сказалъ государь, „всѣхъ моихъ обѣщаній по отношенію къ нимъ; я еще ничего не сдѣлалъ для поляковъ; но отстаивая ихъ, мнѣ пришлось преодолѣвать большія препятствія на конгрессѣ: государи противились, насколько могли, моимъ планамъ по отношенію къ Польшѣ. Первый шагъ, наконецъ, сдѣланъ“. Я не могла привыкнуть къ слову „царство“, которое употреблялъ государь. —„Царство“, говорилъ онъ,—„сильно пострадало. Въ городахъ, среди празднествъ, это незамѣтно; но на деревнѣ война жестоко отразилась“. Александръ очень восхвалялъ прекрасную военную выправку польскихъ войскъ: „Имъ будетъ немного трудно забыть старый порядокъ и привыкнуть къ новому; но, мало-по-малу, они привыкнутъ. Солдаты должны подчиняться строгой дисциплинѣ, ибо когда армія разсуждаетъ, государство гибнетъ. Такъ мы видимъ, что Наполеонъ самъ погубилъ себя, допустивъ въ своихъ войскахъ отсутствіе дисциплины.“ Государь заговорилъ затѣмъ о Франціи и французахъ; при чемъ въ своемъ отзывѣ о послѣднихъ, онъ не поскупился на эпи-

теты: *скаредные, корыстолюбивые, нечистоплотные, легкомысленные.* — „Парижъ“, замѣтилъ онъ, — „грязный городъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи.“ Я не удержалась, чтобы не отвѣтить на это: „Ваше величество, я все-таки признаю за французами одно достоинство: они сумѣли оцѣнить милостивое отношеніе вашего величества къ Франціи“. — При этихъ словахъ государь покраснѣлъ, опустилъ глаза и сказалъ мнѣ, улыбаясь; „Я долженъ вамъ признаться, что я только исполнилъ свой долгъ. Мнѣ было ужасно видѣть, какъ вокругъ меня дѣлали зло. Австрійцы, такъ же какъ пруссаки, проявили остервененіе и жадность, которыя трудно было сдержать. Они хотѣли воспользоваться правомъ мести; но право это всегда меня возмущало; ибо надо мстить лишь воздавая добромъ“.

Съ какимъ грустнымъ удовольствіемъ я вторично привожу эти прекрасныя слова! Я уже тогда писала дневникъ, и читатель можетъ быть увѣренъ не только въ точности сообщаемыхъ фактовъ, но и въ отсутствіи какихъ-либо искаженій въ тѣхъ словахъ государя, которыя приводятся вь этихъ мемуарахъ. Дѣйствительно, какъ прекрасны были слова эти въ устахъ величайшаго государя въ мірѣ, того, кто дважды побѣдилъ мощь и геній великаго человѣка! — Не трудно было замѣтить, что государь съ удовольствіемъ (хотя всегда со скромностью) говоритъ о своихъ успѣхахъ, о своей дѣятельности за три года отсутствія, которые еще болѣе прибавили ему красоты, такъ какъ онъ за это время похудѣлъ, что придало ему очень моложавый видъ. Въ немъ уже не проявлялась прежняя трогательная, чарующая привлекательность, навѣянная несчастіями 1812 года; но онъ по-прежнему былъ изященъ, мягокъ и привѣтливъ. Кромѣ того, по общимъ наблюденіямъ, нашли, что онъ нѣсколько измѣнился въ своемъ обращеніи съ мужчинами.

Я спросила у государя, правда ли, что онъ предпочитаетъ Лондонъ Парижу. „Я согласенъ", отвѣчалъ государь: „въ Лондонѣ нѣтъ прекрасныхъ зданій, украшающихъ Парижъ, но тамъ несравненно больше порядка, аккуратности, чистоты".—Государь очень настаивалъ на послѣднемъ обстоятельствѣ и требовалъ строгаго соблюденія чистоты въ Петербургѣ, выказывая опасенія, что въ его отсутствіе водворились иные порядки. Государь съ восхищеніемъ отзывался объ англійскихъ паркахъ и сказалъ намъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ искусныхъ садоводовъ, какъ въ Англіи. Такъ какъ моя сестра выказывала живой интересъ ко всѣмъ подробностямъ, сообщаемымъ по этому предмету государемъ, его величество спросилъ,—есть ли у нея красивые сады, и выразилъ сожалѣніе, что онъ не могъ, по случаю дурной погоды, посѣтить Аркадію, когда онъ ночевалъ въ помѣстьѣ моей тетушки, княгини Радзивиллъ, близъ Варшавы.—Морозъ стоялъ за послѣдніе дни очень сильный, и холодъ слегка чувствовался въ комнатахъ. Государь замѣтилъ это и высказалъ намъ при этомъ опасеніе, что послѣ трехъ зимъ, проведенныхъ во Франціи и Германіи, онъ отвыкъ отъ петербургскаго климата; впрочемъ, прибавилъ онъ, прекрасныя парижскія дамы среди элегантной, изысканной обстановки гибнутъ отъ холода въ своихъ домахъ.

Затѣмъ государь соблаговолилъ выразить намъ свое сожалѣніе, что онъ не можетъ пробыть дольше въ Вильнѣ. Балъ начался въ восемь часовъ. Государь, который съ нѣкоторыхъ поръ опять сталъ участвовать въ танцахъ, долго танцовалъ вальсъ со мной и съ другими дамами. Онъ проявлялъ въ танцахъ столько же граціи, какъ и благородства.

Танцуя полонезъ съ княземъ Волхонскимъ, замѣнявшимъ въ то время при его величествѣ графа Толстого, я сообщила ему о нашемъ проектѣ отправиться въ Товіани; проектъ, ко-

тораго уже нельзя было исполнить (прибавила я), такъ какъ его величество самъ уѣзжалъ въ Товіани рано утромъ.

„Вашъ проектъ прекрасенъ“, сказалъ мнѣ князь, „и не надо его отмѣнять; наоборотъ, уѣзжайте сейчасъ же послѣ бала, вы успѣете доѣхать, а я беру на себя отсрочить отъѣздъ его величества“.—Государь, который наблюдалъ за нами, непремѣнно хотѣлъ узнать, о чемъ шла рѣчь. Пришлось удовлетворить его желаніе, при чемъ я прибавила, что уже нельзя исполнить нашъ проектъ, хотя знавшіе о немъ друзья наши въ Товіани приготовили намъ подставу по пути, такъ какъ иначе молніеносная быстрота, съ которой ѣздилъ его величество, не позволила бы намъ во-время доѣхать. Государь поблагодарилъ меня въ самыхъ привѣтливыхъ выраженіяхъ и подтвердилъ мнѣніе князя Волхонскаго, что если выѣхать въ одиннадцать часовъ ночи, запастись теплой шубой, которая предохранила бы меня отъ холода, и если взять хорошую карету и хорошихъ лошадей, я очень скоро доѣду изъ Вильны въ Товіани. „Впрочемъ“, сказалъ государь, я выѣду не очень рано“. Я сообщила объ этомъ разговорѣ отцу и сестрѣ, и они рѣшили, что надо ѣхать въ Товіани. Но мой отецъ, довольно холодно принятый государемъ, уже не считалъ умѣстнымъ предпринимать эту поѣздку. Моя сестра, едва оправившаяся послѣ родовъ, не могла подвергаться сильному холоду. Моя тетушка, графиня Корвинъ-Косаковская, урожденная Потоцкая, рѣшилась ѣхать со мной, а мой зять, графъ Гюнтеръ, пожелалъ проводить насъ. Мы переодѣлись и тотчасъ уѣхали. Передъ нашимъ отъѣздомъ отецъ частнымъ образомъ поручилъ мнѣ сказать его величеству нѣсколько словъ въ оправданіе его и также моего брата.

По дорогѣ у насъ сломалась карета; къ счастью, мы достали другую по сосѣдству и продолжали нашъ путь до Товіани, куда мы пріѣхали на разсвѣтѣ, смѣясь до упаду. Отъ Виль-

комира, отстоящаго въ одной милѣ отъ Товіани, насъ все время принимали за государя и соотвѣтственно этому отдавали честь, причемъ гвардія брала на караулъ, курьеры скакали во весь карьеръ чтобы возвѣстить о прибытіи монарха; а въ Товіани все собравшееся въ замкѣ общество бросилось къ парадному входу встрѣчать его величество. Государь прибылъ часомъ позднѣе и улыбнулся, увидѣвъ мою тетушку и меня. Онъ, казалось, былъ недоволенъ, что пріѣхалъ такъ поздно, и жаловался, что его зимой везли такъ же долго, какъ лѣтомъ.

Дѣло въ томъ, что никто не зналъ, что его величество пожелаетъ ѣхать въ саняхъ, поэтому съ обѣихъ сторонъ дороги снѣгъ смели и заполнили канавы щебнемъ и соломой.

Мы узнали также, что императоръ остался недоволенъ виленскимъ парадомъ. Такъ какъ утромъ не знали, что императоръ назначилъ парадъ, войска не были готовы въ назначенный часъ. Императоръ, принужденный ждать на плацу, сдѣлалъ строгій выговоръ генералу П***, командовавшему въ то время гарнизономъ въ Вильнѣ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и представленій государь прошелъ переодѣться въ свои прежніе покои. Онъ вскорѣ вышелъ и, подошедши къ моей тетушкѣ и ко мнѣ, привѣтливо поблагодарилъ насъ за наше *любезное вниманіе*, освѣдомился, благополучно ли мы доѣхали, и выразилъ удивленіе, что у насъ свѣжій цвѣтъ лица послѣ ночи, проведенной на воздухѣ. „А у меня“, сказалъ онъ, „лицо горитъ, какъ въ огнѣ“. Затѣмъ завязалась общая бесѣда, или, вѣрнѣе, государь самъ велъ бесѣду самымъ интереснымъ образомъ. Онъ много говорилъ объ Англіи, о ея великолѣпныхъ паркахъ, о земледѣліи въ этой странѣ, о вновь изобрѣтенныхъ машинахъ и, въ особенности, о мудрыхъ учрежденіяхъ Англіи и общемъ благосостояніи ея жителей. „Какъ счастлива страна“, говорилъ государь, „гдѣ уважаются права каждой личности и гдѣ они неприкосновенны!“ —Говоря о Наполеонѣ,

государь замѣтилъ: „Я предсказывалъ ему, что случилось; онъ не повѣрилъ мнѣ“.

Общество было уже не то, какъ въ первый пріѣздъ его величества въ Товіани. Стараго графа Морикони уже не было въ живыхъ. Дѣвицы Грабовская и Морикони были замужемъ и отсутствовали; но сестра послѣдней, симпатичная графиня Фелицея Платеръ присутствовала вмѣстѣ съ своей достойной, прекрасной матерью. Государь съ участіемъ говорилъ объ отсутствующихъ,—о тѣхъ, кто умеръ и кто былъ вдали. Его величество согласился ужинать со всѣмъ обществомъ. Выходя изъ-за стола, государь заговорилъ со мной о моей матери и разсказалъ мнѣ довольно забавную сцену, происшедшую между его величествомъ и ею. „Познакомившись съ ней у вашей тетушки“, сказалъ государь, „я хотѣлъ поцѣловать у нея руку,—весьма обычный знакъ уваженія по отношенію къ женщинѣ; но она этому воспротивилась, и какъ я ни настаивалъ, она отдергивала руку каждый разъ, какъ я хотѣлъ взять ее; это было просто уморительно. Пусть ваша тетушка и князь Антоній опишутъ вамъ эту сцену,—они были при этомъ и очень смѣялись“. Удаляясь въ свои покои, государь сказалъ намъ: „Я настаиваю, чтобы дамы не трудились вставать рано утромъ; но я боюсь, что онѣ откажутъ мнѣ въ этой просьбѣ“.

Мы всѣ отвѣтили, что желаемъ воспользоваться каждой лишней минутой, которую можемъ имѣть счастье провести въ его присутствіи. Несмотря на то, что мы съ тетушкой очень устали послѣ послѣдней ночи, мы остались нѣкоторое время съ нашими дамами, чтобы описать имъ балъ и бальные туалеты въ Вильнѣ. Между тѣмъ въ шесть часовъ, когда еще не разсвѣло, надо было, уже одѣвшись, идти въ гостиную. Государь вскорѣ появился и соблаговолилъ спросить, хорошо ли мы провели ночь; онъ также спросилъ не дамъ ли я ему пору-

ченія въ Петербургъ. Вмѣсто отвѣта я спросила, какія приказанія дастъ мнѣ его величество въ Вильну. Государь, обратившись къ стоявшимъ въ кругу дамамъ, сказалъ: „M-lle Фитценгаузъ не хочетъ дать мнѣ порученій въ Петербургъ и спрашиваетъ, какія порученія я дамъ ей въ Вильну."—Не знаю почему, слова эти больно задѣли меня. Я все надѣялась, что его величество скажетъ мнѣ что-нибудь по поводу моего отца. Воспоминаніе о прежнемъ милостивомъ отношеніи къ нему государя по сравненію съ теперешней холодностью внушало мнѣ мысль, что мой отецъ, быть можетъ, будетъ недоволенъ, что я не попыталась, говоря съ его величествомъ, оправдать его и моихъ братьевъ. Но случая для этого не представилось, такъ какъ вокругъ меня постоянно были посторонніе. Притомъ, что я могла сказать? Къ чему было напоминать о прошломъ? Наконецъ, усталость послѣ двухъ безсонныхъ ночей такъ подѣйствовала на мои нервы, что со мной едва не сдѣлалось дурно. Я прошла въ сосѣднюю комнату, чтобы подышать воздухомъ у окна. Замѣтивъ, какъ я измѣнилась въ лицѣ, государь послѣдовалъ за мной и спросилъ, не больна ли я? Я отвѣтила, что мнѣ нехорошо отъ жарко натопленныхъ печей, прибавила, что это скоро пройдетъ, и вернулась въ гостиную съ графиней Мориконн. Государь передалъ дамамъ о причинѣ моего нездоровья и замѣтилъ, какъ вообще вредно жить въ жарко натопленныхъ комнатахъ. Онъ прибавилъ, что и ему пришлось приказать открыть окна въ своей спальной. Во всемъ, что говорилъ государь, проглядывала его доброта; но въ то же время меня такъ волновала мысль, что я выказалась передъ нимъ въ смѣшномъ свѣтѣ, что у меня сдѣлалось сильнѣйшее сердцебіеніе. Я была крайне раздражена противъ себя самой. Какъ я ни старалась сдержаться, я задыхалась. Находившаяся около меня графиня Платеръ увела меня изъ гостиной. „Ради Бога," — сказала мнѣ эта

вѣрная пріятельница,—„придите въ себя; подумайте,—человѣкъ двадцать не сводятъ съ васъ глазъ.“—И она къ этому прибавила такое смѣшное предположеніе, что я расхохоталась. Наконецъ, мнѣ удалось овладѣть собой; но у меня глаза были красны отъ слезъ, и эта неумѣстная сцена до крайности смутила меня. Государь вернулся къ намъ и съ тревожнымъ, озабоченнымъ видомъ спросилъ у меня, подвержена ли я *этому*. Я отвѣтила, что очень часто страдаю отъ нервъ. „Да, очень часто,“ —съ живостью подхватила моя добрая пріятельница. Тутъ государь простился съ нами, и мы послѣдовали за нимъ въ гостиную, гдѣ онъ попросилъ меня быть на стражѣ и слѣдить, чтобы графиня Морикони не выходила. Но какъ только государь удалился, графиня вышла на крыльцо. Его величество, уже сидя въ саняхъ, погрозилъ мнѣ и сказалъ: „Часовой не исполнилъ своего долга.“ —Я отвѣтила, смѣясь, что часового ослушались.

ГЛАВА XXII.

Изгнаніе іезуитовъ изъ Россійской имперіи. Примѣрная строгость, проявленная противъ одного генерала-грабителя. Поѣздка государя въ Варшаву. Развлеченія. Разные эпизоды.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Петербургъ государь принялъ рѣшительную мѣру, вызвавшую въ обществѣ сильное удивленіе: онъ изгналъ орденъ іезуитовъ сначала изъ Петербурга, затѣмъ изъ Полоцка и, наконецъ, изъ всей имперіи и объявилъ, что всѣ государи были правы, изгнавъ изъ своихъ государствъ этотъ опасный, злокозненный орденъ. Быть можетъ, было основаніе упрекать іезуитовъ въ рвеніи, съ которымъ они обращали въ свою вѣру: это было опасно для мѣстнаго вѣроисповѣданія. Своими проповѣдями они привлекали огромное число знатныхъ лицъ, и многія придворныя дамы тайно отъ своихъ семействъ перешли въ іезуитство. Іезуиты покинули свои дома, бросили свои богатства, цвѣтущія учрежденія безъ малѣйшаго ропота, считая постигшій ихъ указъ какъ бы исходящимъ свыше, и преклоняясь, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, передъ божественной десницей. Одинъ іезуитъ изъ Риги, почитавшійся лютеранами, отвѣтилъ лицу, сожалѣвшему о постигшей его судьбѣ: „Я вездѣ найду пять футовъ земли и смерть, которую я ищу.“

Въ то же время государь принялъ нѣсколько замѣчательно

справедливыхъ мѣръ. Онъ лишилъ офицерскаго званія и разжаловалъ въ простые солдаты генерала Тухлова, который позволилъ себѣ грабить въ Литвѣ во время кампаніи 1812 года. Александръ принималъ суровыя мѣры противъ всѣхъ виновныхъ, противъ всякаго рода злоупотребленій; и строгость его служила полезнымъ примѣромъ, внушая страхъ во всей имперіи. Своимъ разумнымъ образомъ дѣйствій императоръ доказалъ, что твердость, справедливость — качества, столь драгоцѣнныя въ государѣ, совмѣстимы съ добротой, съ той чрезвычайной чувствительностью, которую ему ставили въ вину. Въ то же самое время появился манифестъ государя, на нашъ взглядъ, исполненный благочестія и возвышенныхъ взглядовъ. Въ этомъ манифестѣ Александръ говорилъ о Богѣ, какъ Людовикъ Святой, а о своихъ успѣхахъ и побѣдахъ онъ говорилъ такъ, какъ никакой другой государь въ мірѣ,— со скромностью, рѣдко встрѣчающейся въ исторіи монарховъ.

Тѣмъ не менѣе, я съ сожалѣніемъ замѣтила, что, побѣдивъ Наполеона въ этомъ мірѣ, онъ, вызывая его передъ судомъ Божіимъ, какъ бы хотѣлъ преслѣдовать его и въ другомъ мірѣ.

Въ 1816 году я ѣздила съ отцомъ и съ одной родственницей въ Карлсбадъ, Эгру и т. д. На обратномъ пути мы остановились въ Варшавѣ, гдѣ 30-го сентября ждали императора. Мы взяли помѣщеніе по сосѣдству съ моей матерью, на лучшей улицѣ Варшавы, въ очень большомъ отелѣ, но настолько переполненномъ вслѣдствіе ожидавшагося прибытія его величества, что мнѣ удалось найти лишь двѣ весьма плохія комнаты въ нижнемъ этажѣ, выходившія на подъѣздъ подъ воротами. Государь пріѣхалъ ночью. Я это тотчасъ угадала по усиленному движенію скакавшихъ по улицѣ военныхъ. Нѣтъ ничего забавнѣе для того, кто самъ обладаетъ душевнымъ спокойствіемъ, какъ наблюдать изъ-за кулисъ за міровыми сценами;

но для этого нужно имѣть склонность къ наблюденію, къ покою, и полное отсутствіе честолюбія.

Въ тотъ же день на Саксонской площади состоялся парадъ. Я видѣла, какъ государь проѣхалъ по улицѣ верхомъ, въ польскомъ мундирѣ, съ зеленымъ и бѣлымъ султаномъ на шляпѣ. Въ первый разъ видѣла я его въ національныхъ польскихъ цвѣтахъ! Первый балъ состоялся у вице-короля. Моя тетушка, княгиня Радзивиллъ, поѣхала со мной на балъ. Она уже видѣла его величество и, между прочимъ, сообщила ему о моемъ пріѣздѣ. Государь со свойственной ему добротой соблаговолилъ отозваться обо мнѣ тетушкѣ въ выраженіяхъ, которыя я здѣсь не стану приводить. Тетушка повела меня въ самую средину бальнаго зала, чтобы представить его величеству. Государь обратился ко мнѣ и сказалъ, что онъ надѣется, что я не по болѣзни ѣздила на воды. Танцуя со мной, Александръ соблаговолилъ вспомнить о моемъ нездоровьѣ въ Товіани и спросилъ, скоро ли я поправилась. Такъ какъ государь выразилъ желаніе посѣтить меня, я позволила себѣ замѣтить его величеству, что у меня слишкомъ плохое помѣщеніе, чтобы имѣть честь принять его, но что моя мать будетъ счастлива замѣнить меня. Императоръ обратилъ мое вниманіе на его польскій мундиръ, и я сказала, что уже имѣла удовольствіе видѣть его въ немъ. Государь спросилъ, гдѣ я его видѣла, и я отвѣтила: „По дорогѣ вашего величества на Саксонскую площадь“.—„Я, однако, смотрѣлъ вокругъ и не видѣлъ васъ“, сказалъ Александръ. Государь уѣхалъ съ бала въ одиннадцать часовъ. Онъ уже не работалъ по вечерамъ и вставалъ рано утромъ, чтобы присутствовать на военныхъ упражненіяхъ или чтобы работать съ своими министрами. На слѣдующій день состоялся большой смотръ польскихъ войскъ на Повансқой равнинѣ, гдѣ днемъ съѣхалось безчисленное количество экипажей и собралась громадная толпа лицъ, при-

бывшихъ пѣшкомъ и верхомъ, чтобы присутствовать на этомъ блестящемъ военномъ зрѣлищѣ. Чудное осеннее солнце освѣщало эту двигающуюся живую картину. По прибытіи его величества войска прокричали „ура“, и военная музыка заиграла любимый гимнъ „God save the king.“ Его императорское высочество великій князь Константинъ, казалось, былъ въ восторгѣ, что можетъ показать своему августѣйшему брату прекрасное войско, съ такой отличной военной выправкой. По окончаніи смотра войска продефилировали въ полномъ порядкѣ, при чемъ офицеры гарцовали на своихъ боевыхъ коняхъ, отдавая концомъ шпаги салютъ его величеству, который, когда проходили войска, все время держалъ руку подъ козырекъ. Въ слѣдующее воскресенье, послѣ парада, государь присутствовалъ у обѣдни въ церкви Святого Креста, а я вновь обратилась къ Богу съ молитвой за преуспѣяніе этого прекраснаго государя.

Вернувшись домой, я только что кончила одѣваться, какъ моя горничная вдругъ воскликнула: „Ѣдетъ государь!“ Я взглянула въ окно и дѣйствительно увидѣла государя, выглядывавшаго изъ въѣзжавшей въ ворота кареты. Нѣсколько смущенная визитомъ, о которомъ меня не предупредили, я надѣялась, что его величество пройдетъ къ моей матери; выйдя, чтобы убѣдиться въ этомъ, я увидѣла, какъ государь однимъ прыжкомъ съ подножки кареты входилъ въ комнату рядомъ съ моей спальной. Онъ разсмѣялся при видѣ моего смущенія, попросилъ извиненія за свою *нескромность* и сказалъ, что ему сообщилъ мой адресъ его лакей, говорившій по-французски и по-польски. Наконецъ, видя мою нерѣшительность государь подалъ мнѣ руку, прося указать ему дорогу; и, волей неволей, пришлось вести его въ комнату, гдѣ еще царствовалъ полный безпорядокъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи я не знала, что мнѣ дѣлать: занимать ли государя или дать

приказаніе убрать комнату. Горничная Викторія вошла съ своимъ развязнымъ видомъ субретки и избавила меня отъ этой заботы. Александръ, ради развлеченія, любилъ дѣлать утренніе визиты дамамъ, не предупредивъ ихъ заранѣе; одну онъ засталъ въ китайскомъ капотѣ, другую—въ тотъ моментъ, когда она накривь и наспѣхъ набрасывала чепчикъ на непричесанные волосы. Между прочимъ вице-королева схватила насморкъ, такъ какъ слишкомъ поспѣшно вышла изъ ванны, когда ей доложили о пріѣздѣ государя. Все это смущеніе и тревога до крайности забавляли государя, такъ какъ въ то время онъ былъ очень веселъ. Когда мы сѣли, императоръ шутливо подалъ стулъ моей собачкѣ, которую онъ очень ласкалъ, говоря, что, по справедливости, она должна участвовать въ нашей компаніи.

Заговоривъ затѣмъ о парадѣ, государь спросилъ, видѣла ли я смотръ и какъ онъ мнѣ понравился. Наконецъ, моя мать, предупрежденная о прибытіи его величества, поспѣшила сойти ко мнѣ. Я сообщила объ этомъ государю, который сказалъ мнѣ: „Вы сейчасъ увидите повтореніе той сцены, которую я вамъ описывалъ“.—Дѣйствительно, государь пошелъ навстрѣчу моей матери и хотѣлъ взять ее за руку, снявъ перчатку. Моя мать почтительно воспротивилась этому. Государь, смѣясь, говорилъ ей: „Неужели вы думаете, что я зачумленный, зловредный человѣкъ? что же особеннаго въ томъ, чтобы поцѣловать у женщины руку?“—Затѣмъ онъ цѣловалъ мою руку, въ видѣ доказательства. Но моя мать утверждала, что, несмотря на разницу въ ихъ возрастѣ, она все-таки относится къ государю, какъ къ отцу. Этотъ маленькій споръ очень насмѣшилъ насъ. Государь сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ по поводу моего путешествія. Я назвала его величеству тѣхъ лицъ, которыхъ онъ знавалъ въ Вѣнѣ, между прочимъ ландграфиню Фюрстембергъ, женщину очень умную, получившую воспитаніе

во Франціи. Государь одобрительно отозвался о ней. Ландграфиня была сестрой князя Шварценбергъ, котораго Александръ называлъ своимъ товарищемъ по оружію. Я сказала также его величеству, что ландграфиня никогда не называла его иначе, какъ Генрихомъ IV. Государь пожалъ плечами и сдѣлалъ небольшую гримасу; я угадала —почему. Разсказывали, что во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, Александръ любилъ общество княгини Габріэллы Д***, племянницы князя Шварценбергъ, особы, выдѣлявшейся скорѣе прекрасными личными качествами, чѣмъ внѣшней привлекательностью. „Вы вездѣ бываете“, сказалъ мнѣ государь тономъ любезнаго упрека,—„вы вездѣ бываете и не хотите пріѣхать въ Петербургъ. Я математически докажу вамъ, что вы сдѣлали болѣе длинный путь, чѣмъ отсюда въ Петербургъ, гдѣ вы были бы приняты съ распростертыми объятіями“.

По этому случаю государь сталъ восхвалять моей матери мое поведеніе въ 1812 году и увѣрялъ, что онъ и его семья относятся ко мнѣ съ чувствомъ глубочайшаго почитанія. Государь соблаговолилъ освѣдомиться о моей сестрѣ, спросилъ у меня, что дѣлается въ Вильнѣ, и увѣрялъ, что онъ въ послѣдній разъ заѣзжалъ въ этотъ городъ чтобы видѣть меня, такъ какъ прямой его путь лежалъ черезъ Ковно.—„Но, прошу васъ“, сказалъ государь, „пусть это останется между нами, иначе у меня съ литовцами будутъ недоразумѣнія“.—Это опасеніе со стороны государя разсмѣшило насъ.

Государь опять заговорилъ о польскихъ войскахъ. „Я не видалъ иностранныхъ армій, которыя бы превосходили ихъ“, сказалъ онъ. „Быть можетъ есть такія же, но лучше польскихъ войскъ—быть не можетъ, и это правда, такъ какъ я очень требователенъ“.—Я не удержалась и, смѣясь, повторила это слово, говоря, что государь только притворяется требовательнымъ. „Какъ, возразилъ государь, „вы думаете, что я

не требователенъ, что я не умѣю сердиться?“ (Опять притворство, подумала я). „Однако, я нашумѣлъ въ Вильнѣ изъ-за гарнизона. Вамъ разсказывали?“—„Да, ваше величество, я знаю, что сцена эта была прекрасно разыграна, съ несравненнымъ величіемъ, и я сожалѣла, что не присутствовала при этомъ“. Государь обратился къ моей матери и сказалъ: „Вы видите, какъ ваша дочь смѣется надо мной“. Моя мать отвѣтила: „Ваше величество, вы слишкомъ ее избаловали“. Я прибавила: „Узнавъ, какъ вы для формы разбранили генерала П***, общество, равнымъ образомъ, узнало, что ваше величество отозвали бѣднягу въ сторону и увѣрили его, что одна ошибка не можетъ изгладить воспоминанія о долгой вѣрной службѣ“. Государь улыбнулся. Я тутъ сказала, что мы ждали къ обѣду мою тетушку, и что она раскричится, заставъ у меня его величество. Такъ проявляла свои чувства княгиня Радзивиллъ, когда что-нибудь удивляло ее; и она это дѣлала съ особенной свойственной ей граціей, которую прославилъ принцъ де Линь въ ея портретѣ, сдѣланномъ имъ подъ названіемъ «Армидушка». „Пусть она не слишкомъ кричитъ“, сказалъ государь, „иначе я разскажу, что она пришла ко мнѣ потайной лѣстницей. Однажды вечеромъ я прогуливался по терасѣ замка; вдругъ я вижу женщину, которая дѣлаетъ мнѣ знаки изъ оберъ-гофмаршальскихъ оконъ. „Я не имѣлъ нахальства предположить, что эта женщина—одна изъ прекрасныхъ дочерей оберъ-гофмаршала. Наконецъ, я подхожу и узнаю вашу тетушку. Она пришла ко мнѣ на терасу, и я пригласилъ ее взойти ко мнѣ“.

Въ ту самую минуту, какъ государь произносилъ эти слова, дверь отворилась настежь, и мы увидѣли мою тетушку, которая входила подъ руку съ своимъ сыномъ, княземъ Антоніемъ Радзивиллъ, въ сопровожденіи своей племянницы, симпатичной Изабеллы Б***, издавая тѣ возгласы, о которыхъ я

предупреждала. „Какъ“, сказала она государю, „вы здѣсь, не побывавши у меня? На что же это похоже!“ Вслѣдъ за этимъ между государемъ и ею завязался весьма забавный споръ. „Зачѣмъ же“, говорилъ Александръ, „я пойду къ вамъ, разъ вы приходите ко мнѣ?“—„Да еще вы пожаловали въ такую гадкую комнату“, продолжала тетушка. —„Вѣдь, я пріѣхалъ не для того, чтобы любоваться комнатами“, сказалъ государь.—Князь Антоній хотѣлъ поцѣловать руку у государя, который ласково обнялъ его. Мой двоюродный братъ только что пріѣхалъ; онъ передалъ его величеству привѣтъ отъ прусскаго короля. Всѣ говорили одновременно въ этой маленькой комнатѣ, смѣялись, кричали, цѣловались. Этикета какъ не бывало: можно было принять насъ за собравшуюся семью. Наконецъ, государь, который былъ въ очень веселомъ расположеніи духа, взялъ на себя хозяйскія обязанности и сталъ предлагать дамамъ стулья. Всѣ сѣли. Затѣмъ зашла рѣчь о великомъ князѣ Николаѣ и принцессѣ Шарлоттѣ прусской. Я сказала, что видѣла въ Познани бюстъ принцессы, который показался мнѣ прелестнымъ. „Да“, сказалъ Александръ, „и характеръ у нея такой же, какъ наружность“. Тетушка освѣдомилась о двухъ молодыхъ великихъ князьяхъ, которыхъ она знала дѣтьми. Государь сказалъ, что они очень красивы, головой выше его, и тонкіе соотвѣтственно своему возрасту. Тетушка разсказала затѣмъ о своемъ свиданіи на террасѣ. „Чтобы описать его нуженъ Тассъ“, сказала она шутливо восторженнымъ тономъ: „онъ такъ былъ красивъ при лунномъ свѣтѣ, онъ походилъ на Рено,—о, если бъ я могла быть Армидой!“ Она прибавила много другихъ лестныхъ вещей, которыя Александръ всегда принималъ за комплименты, тогда какъ по отношенію къ нему это была истинная правда. Онъ ее прервалъ. „Бросьте вашу поэзію. Я никогда ничего не читалъ изъ того, что сочиняли въ мою честь; я предпочитаю

вашу прозу. Поговоримъ лучше о народѣ,—какъ понравились вамъ мои солдаты?“ Тетушка выразила ему свое одобреніе. „Если такъ“, лукаво сказалъ государь, слегка толкнувъ меня рукой, чтобы я обратила вниманіе на лицо тетушки:—„если такъ,—не надо жалѣть для нихъ вашего Гарэна“ (прелестная усадьба въ одной верстѣ отъ Варшавы). Тетушка тотчасъ горячо возразила, что ей тѣмъ не менѣе очень непріятно, что взяли подъ военный постой недавно купленный ею домъ. Послѣ нѣсколькихъ шутокъ въ томъ же родѣ государь сказалъ ей: „Развѣ вы больше не пріѣдете въ Петербургъ? Пріѣзжайте съ вашей племянницей, и я опять подарю вамъ камушковъ, какъ въ тотъ разъ“.

Эти *камушки* были не что иное, какъ громадный обелискъ изъ розового гранита, на порфировомъ основаніи, стоявшій въ Аркадіи. „О, Боже мой!“ сказала тетушка, „я охотно поѣду съ ней, но меня не отпустятъ; нужно для этого, чтобы вы мнѣ прислали *указъ*“.—„Хорошо“, сказалъ Александръ,—„я пришлю вамъ маленькій приказъ, только пріѣзжайте“.

Государь всталъ со словами: „Нѣтъ такой хорошей компаніи, которой не пришлось бы разойтись. Я долженъ вернуться домой, дѣти мои ждутъ меня къ обѣду“.

Эти *дѣти*, были генералы и полковники польской арміи, которые въ этотъ день удостоились чести обѣдать съ государемъ. Моя тетушка послѣдовала за его величествомъ и сказала, что ей надо поговорить съ нимъ о тысячѣ разныхъ дѣлъ и, между прочимъ, она назвала одного изъ рекомендуемыхъ ею лицъ, котораго она просила произвести въ камергеры. „Потому что“, сказала она тономъ, которому она умѣла придать комическій оттѣнокъ, нисколько не нарушая благородства своихъ манеръ,—пока онъ не получитъ желаннаго камергерскаго ключа, онъ будетъ какъ лиса безъ хвоста“.

Мы проводили государя до кареты, и тетушка повторяла,

въ то время, какъ онъ садился въ карету: „Какъ прекрасенъ, какъ восхитителенъ, несравненень!“

Два дня спустя, когда тетушка опять обѣдала у моей матери, ей передали записку отъ Новосильцова, представителя его величества въ Варшавѣ; Новосильцовъ писалъ тетушкѣ, что *„небесный ангелъ“* благоволитъ обѣдать у него завтра, и онъ проситъ ее къ обѣду, съ племянницей, такъ какъ государь очень ее цѣнитъ и ему пріятно будетъ видѣть ее. Тонъ этой записки, столь любезной во всемъ, что меня касалось, польстилъ мнѣ и въ то же время удивилъ меня, такъ какъ тогда я еще очень мало знала Новосильцова. Мы тотчасъ угадали, изъ какого источника исходило это милое вниманіе, являвшееся новымъ доказательствомъ благоволенія, котораго я не заслужила и которымъ я естественно была очень тронута.

Тетушка заѣхала за мной, чтобы отправиться на этотъ обѣдъ. Новосильцовъ принялъ насъ со свойственной ему любезностью и даже поблагодарилъ тетушку за то, что она взяла меня съ собой. Она отвѣтила за меня нѣсколько словъ, такъ какъ я слишкомъ была смущена, чтобы говорить фразы и комплименты. Вся свита государя, министры и нѣсколько знатныхъ лицъ были въ полномъ сборѣ; изъ женщинъ приглашены были только вице-королева, жена государственнаго секретаря, г-жа Соболевская, женщина достойная во всѣхъ отношеніяхъ, и племянница Новосильцова, очень милая особа. Я тотчасъ познакомилась съ двумя послѣдними дамами, такъ какъ насъ соединяло нѣчто общее: мы всѣ три были смущены, особенно я, никогда не бывавшая на большихъ обѣдахъ. Г-жа Н*** увѣряла, что я напрасно трушу, „такъ какъ“, сказала она, „когда дядя просилъ у государя разрѣшенія пригласить дамъ, его величество одной изъ первыхъ назвалъ васъ“. Какъ только объявили о прибытіи государя, Новосильцовъ съ племянницей вышли встрѣтить его.

Государь подошелъ къ дамамъ, извинился передъ г-жей Соболевской, что онъ ее обезпокоилъ своимъ утреннимъ визитомъ (она одѣвалась). Александръ сталъ говорить ей о ея сынѣ, который, несмотря на свою юность, уже поступилъ на службу. Государь находилъ его очень красивымъ. „Такъ онъ походитъ на свою мать", сказала я. „Нѣтъ", съ живостью возразила г-жа Соболевская,—„онъ похожъ на своего отца". Александръ улыбнулся, затѣмъ спросилъ, была ли я на смотру, и увѣрялъ, что Морфей помѣшалъ мнѣ быть на немъ. Онъ спросилъ также, знаю ли я окрестности Варшавы. Я отвѣтила, что дурная погода не позволила мнѣ проѣхать за городъ, но что я, вообще, предпочитаю окрестности Вильны. Государь, угадавъ мою мысль, тонко улыбнулся и сказалъ, что онъ одного мнѣнія со мной.

Обѣдъ былъ великолѣпный. За столомъ великій князь Константинъ поклонился мнѣ. Къ несчастью, я этого не замѣтила. Его императорское высочество сказалъ сидѣвшей рядомъ съ нимъ княгинѣ Радзивиллъ: „Ваша племянница очень скупа на поклоны". Тетушка передала мнѣ, слово въ слово, то, что сказалъ ей великій князь; тогда я, смѣясь, поспѣшила поклониться ему дважды или трижды. Выходя изъ-за стола, всѣ безъ всякаго порядка разошлись по комнатѣ.

Государь разговаривалъ съ тетушкой у камина. Онъ позвалъ меня и, когда я подошла, сказалъ: «Попросите вашу тетушку показать вамъ ея дома. Вы будете довольны; вы увидите, какой тамъ царствуетъ порядокъ". Я думала, что онъ опять говоритъ объ усадьбѣ Гарэнъ; но рѣчь шла о двухъ домахъ въ Варшавѣ, которые взяли подъ военный постой. Государь говорилъ, смѣясь, что тетушка пожертвовала ихъ отечеству и что, въ награду за это, онъ и его братъ подарятъ княгинѣ шапку и амазонку изъ форменнаго сукна. Моя тетушка не особенно была довольна этой шуткой; но она дѣлала видъ, что шутитъ, такъ какъ у нея была просьба къ го-

сударю. Она начала съ того, что обратилась къ Новосильцову и, чтобы расположить въ свою пользу государя, по-русски сказала ему: „Скажите, чтобы онъ сдѣлалъ все, что пожелаетъ княгиня Радзивиллъ».—Государь сказалъ мнѣ: «Видите, какъ она говоритъ по-русски».—«Невозможно», отвѣтила я, «въ болѣе короткихъ словахъ попросить большаго».—Мы всѣ смѣялись. Государь, милостиво желая похвалить меня даже въ самыхъ мелочахъ, повторилъ Новосильцову сказанное мною и прибавилъ, что это совершенная правда. „Конечно“, отвѣчалъ Новосильцовъ, „ибо, если ваше величество прикажетъ, я долженъ буду сдѣлать, что потребуетъ княгиня».—Государь пожелалъ знать, въ чемъ дѣло. Вопросъ шелъ объ извѣстномъ пространствѣ земли, принадлежавшей казнѣ, которое тетушка хотѣла пріобрѣсти, чтобы увеличить свою Аркадію.—«Не моя вина», сказала она, „если мнѣ не удалось кончить это дѣло; я о немъ послѣдовательно вела переговоры съ тремя епископами и съ Даву, которые пользовались этой землей; всѣ они слетѣли. Но вы, ваше величество, надѣюсь, не слетите».—Такое выраженіе, обращенное къ государю, было очень комично; оно произвело свое дѣйствіе. Государь сказалъ, что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы этого съ нимъ не случилось.—«Но скажите, наконецъ», спросилъ онъ, —„сколько тамъ земли?“—«Четыре квадратныхъ версты». —«Какъ», воскликнулъ государь, „достаточно было бы половины этой земли для маневровъ польской арміи. А что же вы мнѣ дадите въ вознагражденіе за нее?»—„Ваше величество, у васъ будетъ двѣсти пятьдесятъ флориновъ дохода“. Забавное зрѣлище представляла, съ одной стороны, притворная алчность моей тетушки, съ другой—притворная скупость Александра, который какъ будто боялся, чтобы его не застали врасплохъ, и старался отстоять столь важные интересы. Обѣ стороны разошлись, не придя ни къ какому заключенію.

ГЛАВА XXIII.

Пребываніе Александра въ Варшавѣ. Празднества. Бесѣда государя съ авторомъ мемуаровъ.

Изъ всѣхъ блестящихъ празднествъ, состоявшихся въ Варшавѣ за время пребыванія императора Александра, самымъ удачнымъ и хорошо организованнымъ былъ балъ, данный у себя въ домѣ сенаторомъ воеводой графомъ Станиславомъ Потоцкимъ. Танцуя со мной полонезъ, государь отпустилъ нѣсколько шутокъ по поводу странствовавшаго на сѣверѣ англичанина, въ то время находившагося въ Варшавѣ; государь увѣрялъ, что я сдѣлала чудо, заставивъ его вальсировать въ тактъ, чего никогда еще не случалось ни съ однимъ англичаниномъ, говорилъ государь,—съ тѣхъ поръ, какъ англичане существуютъ на свѣтѣ.

Я спросила государя, доволенъ-ли онъ послѣдними маневрами. Государь отвѣтилъ утвердительно и пожелалъ знать, интересно ли мнѣ было присутствовать на нихъ. Я позволила себѣ отвѣтить, что въ качествѣ польки мнѣ было это очень пріятно; но какъ литовка, я испытывала грустное чувство и даже зависть. Онъ тотчасъ понялъ мою мысль, ибо онъ былъ одаренъ удивительной проницательностью и схватывалъ самый туманный смыслъ словъ, по-просту выражаясь, государь понималъ съ полу-слова. Пожавъ мнѣ руку съ многозначи-

тельнымъ выраженіемъ, онъ сказалъ: „Будьте покойны, все уже устроено.“ Потомъ, боясь, чтобы не услышали тѣ, которые танцовали впереди и позади насъ, Александръ, говоря мнѣ на ухо, сказалъ, что у насъ въ Литвѣ будетъ такой же отрядъ войскъ,—одинъ полкъ въ Вильнѣ, другой въ Минскѣ,—словомъ, то же самое внутреннее устройство.

Я осмѣлилась увѣрять его, что онъ встрѣтитъ у насъ такую же преданность, и что литовцы ни въ чемъ не уступятъ полякамъ.

— Вы уже найдете,—сказалъ мнѣ затѣмъ государь,—большія измѣненія въ управленіи Литвой; многія мѣста уже заняты литовцами.

Сердце мое такъ преисполнилось всѣмъ тѣмъ, что говорилъ государь, что я не находила выраженій, чтобы поблагодарить его. Я сказала, что предположеніе, которое, можетъ быть, питаетъ его величество, что въ Литвѣ его не такъ преданно любятъ, какъ въ Варшавѣ,—что предположеніе это огорчаетъ меня. Государь успокоилъ меня въ этомъ отношеніи и, когда, нѣсколько минутъ спустя, онъ вернулся, чтобы танцовать со мной вальсъ, я сказала смѣясь, что его величество, вѣроятно, желаетъ удостовѣриться я ли сумѣла заставить г-на Уэнтвортъ танцовать въ тактъ. Государь отвѣтилъ мнѣ въ томъ же тонѣ, что онъ можетъ соперничать съ нимъ въ вальсѣ, и сдѣлавъ нѣсколько туровъ, онъ спросилъ, что я объ этомъ думаю? Я отвѣтила, что г-нъ Уэнтвортъ былъ бы, навѣрно, очень польщенъ, если бъ зналъ, что у него такой соперникъ. Въ перерывахъ вальса я спросила у государя, предполагаетъ ли онъ заѣхать въ Вильну. „Нѣтъ,“ сказалъ государь, „этотъ крюкъ отнялъ бы у меня два дня, а я тороплюсь въ Петербургъ, чтобы поспѣть къ именинамъ моей матери; впрочемъ, я уже видѣлъ въ Варшавѣ все, что я желалъ бы видѣть въ Вильнѣ.“ Затѣмъ мы съ государемъ стали

для развлеченія производить *смотръ* всѣмъ хорошенькимъ женщинамъ на балу, а ихъ было въ то время въ Варшавѣ очень много; мы особенно замѣтили г-жу Замойскую, женщину не первой молодости, но настолько владѣвшую чарами этого возраста, что всѣ, видѣвшіе ее въ первый разъ, всегда принимали ее за молодую дѣвушку-невѣсту. У нея были удивительно красивые глаза, чудные зубы и талія сильфиды.

Александръ на всѣхъ балахъ танцовалъ съ ней вальсъ; говорили, что онъ дѣлаетъ это изъ кокетства, такъ какъ прекрасная талія г-жи Замойской оттѣняла красоту его собственной таліи. Среди красивыхъ женщинъ выдѣлялась также княгиня Яблоновская, урожденная Любомірская, свѣжая, какъ роза; княгиня Доминика Радзивиллъ, впослѣдствіи вышедшая замужъ за генерала Чернышова, адъютанта государя; красивыя дочери оберъ-гофмаршала, которыхъ сравнивали съ тремя граціями. Старшая, нынѣ княгиня Ловицъ, танцовала такъ прекрасно, что когда въ Варшаву пріѣхалъ Дюпоръ, и она пожелала брать у него уроки, онъ объявилъ, что ему ничего не остается преподать ей въ этомъ искусствѣ.

Наканунѣ своего отъѣзда Александръ соблаговолилъ заѣхать проститься со мной. Со свойственной ему изысканной, рыцарской вѣжливостью онъ спросилъ сначала моего позволенія, не указавъ въ точности день, когда онъ посѣтитъ меня. Тѣмъ не менѣе, я была одѣта въ минуту пріѣзда его величества, такъ какъ это былъ нашъ обѣденный часъ. Лакей освѣдомился, дома ли я.

Входя ко мнѣ, государь сказалъ, что онъ пріѣхалъ, чтобы поблагодарить меня за все мое *вниманіе*, и просилъ меня всегда считать его своимъ старымъ другомъ. Тѣхъ, кто не имѣлъ счастья близко знать Александра, быть можетъ, удивитъ такое выраженіе; но въ устахъ государя оно передавало лишь вѣжливое отношеніе его и благожелательность. Государь

затѣмъ сказалъ мнѣ: „Мы побудемъ здѣсь, не правда ли, и потомъ пойдемъ къ „maman“? Когда мы сѣли, государь спросилъ, видѣла ли я парадъ, и на мой отрицательный отвѣтъ прибавилъ, что напрасно я не пожелала видѣть его, такъ какъ въ отелѣ нѣкоторыя окна выходятъ на Саксонскую площадь, что парадъ былъ очень удачный и что австрійскій генералъ, графъ Вальмоденъ, присланный въ то время въ Варшаву императоромъ Францемъ, не могъ достаточно налюбоваться этими прекрасными войсками, организованными въ столь короткое время. „Я бы не хотѣлъ,“ продолжалъ государь, „нарушить существующія у насъ добрыя отношенія, но, если бъ этого потребовали обстоятельства, я думаю, войска дрались бы на славу.“ Александръ имѣлъ очень гордый видъ, произнося эти замѣчательныя слова, которыя поразили меня. Затѣмъ государь обратился ко мнѣ съ вопросомъ, котораго я не ожидала и который страшно смутилъ меня, хотя я чувствовала, что онъ внушенъ былъ тѣмъ участіемъ, которое онъ благоволилъ высказывать мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла счастье знать его. Онъ спросилъ, не собираюсь ли я выйти замужъ. „Я говорилъ объ этомъ съ вашей тетушкой,“ продолжалъ государь, „и она мнѣ сказала, что вы отвергли всѣ представлявшіяся партіи. Вы, конечно, имѣете право быть разборчивой; но развѣ нѣтъ никого, кто бы имѣлъ счастье нравиться вамъ? Я такъ желалъ бы видѣть васъ счастливой, я такъ желалъ бы вамъ достойной васъ судьбы!“

Какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, я сказала въ отвѣтъ страшную глупость. Государь ничего не возразилъ; онъ только возобновилъ свою просьбу, чтобы я пріѣхала въ Петербургъ.

— Въ случаѣ, если ваша тетушка не поѣдетъ, не можете ли вы попросить вашу сестру поѣхать съ вами?“ Я возразила его величеству, что у моей сестры многочисленная семья.

„Такъ что же!“ сказалъ государь съ движеніемъ нѣкотораго нетерпѣнія, „развѣ вы думаете, что надъ дѣтьми въ Петербургѣ тяготитъ проклятіе?“ Я разсмѣялась и объяснила ему мою мысль. Я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы замолвить слово его величеству, даже безъ вѣдома моей сестры,—за моего зятя, графа Гюнтлера Хильдесгейма и, отозвавшись о немъ съ самой хорошей стороны (а хорошихъ сторонъ у него было очень много), я просила назначить его вице-губернаторомъ въ Минскъ или Вильну. Къ сожалѣнію, другія лица только что были назначены на оба эти мѣста; государь любезно выразилъ мнѣ по этому поводу свое сожалѣніе. Онъ предложилъ мнѣ такое же мѣсто въ Гродно; но послѣднее не могло устроить моего зятя.

Отношеніе Александра ко всѣмъ просьбамъ, съ которыми къ нему обращались, было въ высшей степени ободрительное. Даже отказывая въ просьбахъ, онъ былъ такъ привѣтливъ, выказывалъ столько участія и чувствительности, что, казалось, отказъ огорчалъ болѣе его, чѣмъ то лицо, которое обращалось къ нему съ просьбой.

Говоря о томъ, какое счастье служить государю, я выразила ему сожалѣніе, которое я иногда испытывала при мысли, что я—существо безполезное, тогда какъ, если бъ я была мужчиной, я бы съ радостью отдала ему всю мою жизнь и посвятила бы службѣ ему тѣ знанія, которыя постаралась бы пріобрѣсти, чтобъ быть ему полезной.

— О, нѣтъ! сказалъ государь,—вы напрасно смотрите на себя, какъ на существо безполезное. При добродѣтельномъ поведеніи за женщинами обезпечена такая благородная роль! Своимъ примѣромъ, своими добродѣтелями онѣ могутъ приносить обществу столько добра! Подобныя личности, естественно, такъ привлекаютъ, что около нихъ какъ бы дышишь атмосферой добродѣтели. Я не помню, прибавилъ государь, у ка-

кого автора я заимствовалъ это выраженіе, но оно кажется мнѣ весьма вѣрнымъ; тогда какъ другія женщины, при всей своей любезности, производятъ какое-то отталкивающее впечатлѣніе; ибо сочувствіе между душами можетъ быть лишь по отношенію къ нравственности (такъ какъ между душами можетъ быть только духовное сочувствіе). Первый проступокъ, —прибавилъ государь,—ужасная вещь, онъ часто ведетъ васъ гораздо дальше, чѣмъ вы ожидаете! Это наклонный путь, который приводитъ васъ къ пропасти, и вы катитесь внизъ, не имѣя силы остановиться.

Государь прибавилъ затѣмъ нѣсколько весьма разумныхъ размышленій о томъ благѣ, которое даетъ религія, объ утѣшеніяхъ, о силѣ, которыя она внушаетъ въ несчастіяхъ и въ жертвахъ, налагаемыхъ ею на насъ. Безъ сомнѣнія, Александръ, какъ и многіе великіе люди, имѣлъ свои слабости; но душа его проникнута была чистыми идеями нравственности и религіи.

Такъ какъ государь всталъ и собирался уѣхать, я попросила его разрѣшенія позвать мою мать; но государь пожелалъ самъ подняться къ ней и предложилъ мнѣ руку. Моя мать встрѣтила государя, который поговорилъ съ ней нѣсколько минутъ стоя и простился съ нами, вновь выразивъ намъ свои чувства неизмѣнной дружбы. Я еще не совсѣмъ простилась съ нимъ, я еще разъ имѣла счастье видѣть его величество на балу у княгини Чарторижской. Такъ какъ государь танцовалъ на этомъ балу болѣе чѣмъ всегда, я позволила себѣ замѣтить, что онъ слишкомъ утомляется передъ отъѣздомъ. „Да,“ сказалъ государь, „тѣмъ болѣе, что я сегодня всталъ въ четыре часа утра, но,—что вы хотите,—надо оживить балъ.“ Благодаря прекрасному здоровью государя, которое давало надежду, что наши молитвы о его долгоденствіи исполнятся,—онъ легко переносилъ усталость, и

одинъ изъ его адъютантовъ, графъ Ожаровскій, разсказалъ намъ, что государь, вернувшись домой послѣ бала, всю остальную часть ночи писалъ, отправлялъ курьеровъ, читалъ, подписывалъ доклады и послѣ этой утомительной работы, уѣзжая, онъ разговаривалъ съ лицами своей свиты съ обычной ясностью мысли и живостью. Правда, что какъ только Александръ сѣлъ въ карету, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ и проснулся лишь въ сорока миляхъ отъ Варшавы. Удивительно трогательна была страстная привязанность его императорскаго высочества, великаго князя Константина къ своему августѣйшему брату: привязанность эта проявлялась въ выраженіи его лица, во всей его особѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что государь никогда не имѣлъ болѣе вѣрнаго и преданнаго друга.

ГЛАВА XXIV.

Отъѣздъ автора мемуаровъ во Францію. Взглядъ на французовъ. Уступчивая политика французскаго кабинета. Взгляды Александра на положеніе Франціи. Эпизоды.

Въ слѣдующемъ году, когда рѣшился вопросъ о моемъ бракѣ, я обратилась, согласно обычаямъ русскаго двора, къ оберъ-гофмейстеринѣ, графинѣ де Литта, чтобы получить отъ ихъ императорскихъ величествъ разрѣшеніе на мой бракъ. Графъ Ш*** самъ обратился съ этой просьбой въ Москвѣ, гдѣ дворъ проводилъ зиму 1818 года. Онъ представился государю, который соблаговолилъ бесѣдовать съ нимъ о его предстоящей женитьбѣ, поручилъ передать мнѣ свой привѣтъ и разрѣшилъ ему вернуться во Францію, чтобы исполнять тамъ обязанности пэра. Я не позволила себѣ при этомъ случаѣ прямо написать государю. Между тѣмъ, въ томъ же году Александръ, встрѣтивъ въ Варшавѣ мою мать, соблаговолилъ передать ей, что онъ искренно желаетъ мнѣ счастья и надѣется, что я буду счастлива, такъ какъ графъ Ш*** пользуется прекрасной репутаціей. Государь прибавилъ, что, не получивъ отъ меня никакихъ вѣстей, онъ *боится*, что я обидѣлась, что онъ прислалъ мнѣ свои поздравленія черезъ еврея (того самаго, который въ 1812 году отвезъ мое письмо отцу). Послѣдній пріѣхалъ въ Вильну въ мое отсутствіе; въ

случаѣ, если бъ я передала ему письмо для государа, онъ получилъ приказаніе отвезти ему это письмо въ Варшаву. Когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я находилась въ Вильнѣ, этотъ еврей пришелъ предупредить меня, что онъ отправляется въ Минскъ къ государю, и спросилъ, не дамъ ли я ему письмо для его величества. Въ виду этого я написала, что израильтянинъ, доставившій мнѣ милостивый привѣтъ отъ обожаемаго мною государя, показался мнѣ благимъ вѣстникомъ; я прибавила, что уѣзжаю вскорѣ во Францію; что воспоминаніе о милостяхъ, которыми почтилъ меня государь, никогда не изгладится и по-прежнему будетъ составлять мое счастье. Еврей вскорѣ вернулся и привезъ нижеслѣдующій привѣтливый отвѣтъ: „Я очень счастливъ, что могу письменно принести вамъ мою искреннюю благодарность за полученное отъ васъ милое письмо, которое доставило мнѣ большое удовольствіе. Такъ какъ я имѣлъ случай оцѣнить васъ, то мои пожеланія счастья были вполнѣ умѣстны при такомъ событіи, какъ вашъ бракъ. Я позволяю себѣ повторить ихъ и пожелать вамъ добраго пути. Да сопутствуетъ вамъ Божественное Провидѣніе и да хранитъ Оно васъ! Прошу васъ удержать мнѣ мѣсто въ вашемъ воспоминаніи и вѣрить, какъ я цѣню его, и примите выраженіе почтительной дружбы, съ которой я къ вамъ отношусь.

Александръ.“

Это письмо, написанное его рукой и такой прекрасной рукой, послужило мнѣ во Франціи какъ бы талисманомъ противъ предразсудковъ нетерпимости и злобныхъ навѣтовъ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда во Францію, когда разсѣялся туманъ иллюзій, я вскорѣ убѣдилась, какъ правдива была та картина Франціи, которую въ бѣглыхъ чертахъ набросалъ Александръ, картина, которая раньше казалась мнѣ преувеличенной. Я невольно сравнивала тотъ холодный эгоизмъ, тотъ тонъ ледя-

ного равнодушія, который, въ общемъ, господствуетъ въ парижскомъ обществѣ; искусственныя потребности, вызванныя пустотой; ненасытную алчность; пестроту политическихъ взглядовъ; размѣренный придворный этикетъ. Я невольно сравнивала все это съ ласковой рыцарской привѣтливостью, столь свойственной русскимъ и полякамъ. Съ каждымъ днемъ сознаніе этого различія дѣлалось мнѣ все тяжелѣе.

Все вызывало во мнѣ желаніе покинуть Францію, но я хотѣла покинуть ее съ честью для графа Ш***. Въ то время рѣчь шла о замѣщеніи мѣста въ русскомъ посольствѣ и *выборъ посланника былъ предоставленъ на волю императора Александра*. Такъ какъ графъ Ш*** не имѣлъ настолько вліянія въ министерствѣ, чтобы попасть въ списокъ кандидатовъ, онъ согласился,—къ сожалѣнію, нѣсколько поздно,—чтобы я написала государю и попросила дать ему это мѣсто, которое не столько льстило нашему самолюбію, сколько удовлетворяло сердечное наше стремленіе приблизиться къ особѣ его величества. Когда мое письмо достигло государя, посланникомъ въ Россіи только что былъ назначенъ ла-Ферронэ. Назначеніе это притомъ могло встрѣтить лишь всеобщее одобреніе. Въ 1820 году я отправилась въ Литву, и такъ какъ тамъ противъ графа Ш*** велся очень несправедливый процессъ, я рѣшилась ѣхать въ Варшаву, гдѣ въ то время находился государь, чтобы просить его покровительства и правосудія. Я встрѣтилась съ его величествомъ на балу у маршала ла-Діэтъ; и такъ какъ государь не зналъ, что я пріѣхала въ Варшаву, онъ выказалъ при видѣ меня самое пріятное удивленіе, соблаговолилъ увѣрить меня въ своемъ неизмѣнномъ дружескомъ расположеніи. Въ доказательство онъ посѣтилъ меня на слѣдующій день и самъ обратилъ мое вниманіе на свое отношеніе ко мнѣ, вызвавшее самую глубокую мою признательность. Я приняла его величество въ гостиной моей матери, которой не

было дома, и государь спросилъ, не занимаю ли я моихъ прежнихъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ: онъ боялся обезпокоить мою мать, ибо никто въ мірѣ не обладалъ утонченной деликатностью въ такой степени, какъ онъ. Государь соблаговолилъ затѣмъ выразить свое сожалѣніе, что онъ не могъ исполнить мою просьбу по отношенію графа Ш***. „Ваше письмо,“ сказалъ мнѣ Александръ, „дошло до меня очень не скоро, и уже послѣ назначенія г. ла-Ферронэ. Притомъ, когда я въ первый разъ былъ въ Парижѣ, я уже далъ мое слово королю, поручившему спросить у меня, одобряю ли я назначеніе г. ла-Ферронэ на мѣсто посланника въ С.-Петербургѣ. И когда мнѣ прислали списокъ, среди всѣхъ замѣчавшихся въ немъ именъ (государь назвалъ ихъ) я не могъ не избрать г. ла-Ферронэ, — прекраснаго человѣка, котораго я раньше зналъ въ качествѣ эмигранта.“ Государь обратился ко мнѣ со множествомъ вопросовъ, вызванныхъ искреннимъ участіемъ: о моемъ пребываніи во Франціи, о моей новой семьѣ и т. д. Онъ спросилъ — счастлива ли я, и очень лестно отозвался о графѣ Ш***. Я отвѣтила его величеству, что различіе въ политическихъ взглядахъ сѣяло во Франціи смуту и непріязнь не только въ обществѣ, но и въ лонѣ семействъ. „Что же еще нужно французамъ?“ сказалъ Александръ: „казалось бы, все соединилось, чтобы дать имъ счастье. Небо даровало имъ прекрасную страну, благопріятный для земледѣлія климатъ. Они пользуются свободой въ той мѣрѣ, которой можно разумно желать, — и они еще недовольны!“ Когда я заговорила о либеральной партіи, Александръ сказалъ: — „О! это одно лишь названіе, — какъ бы плащъ, которымъ они прикрываютъ свои дерзновенныя намѣренія. Нѣтъ ничего менѣе либеральнаго, въ истинномъ смыслѣ этого слова, какъ все, что составляетъ демагогическую партію во Франціи. По вашему браку, по вашимъ семейнымъ отношеніямъ,“ продолжалъ го-

сударь, „вы, несомнѣнно, принадлежите къ самому избранному обществу Парижа. Въ массѣ есть, безъ сомнѣнія, лица благонамѣренныя, но встрѣчаются также и *зараженныя*." Я угадала мысль государя, но не хотѣла подчеркнуть ее и потому молчала. „Я столько просилъ, умолялъ," говорилъ Александръ, „чтобы съ самаго начала реставраціи держались твердаго образа дѣйствій. Мнѣ не повѣрили; печальныя послѣдствія этого проявились въ трагической смерти герцога Беррійскаго. Событіе это тѣмъ болѣе прискорбно, что характеръ герцога, измѣнившійся къ лучшему, подавалъ большія надежды." Александръ приписывалъ это роковое событіе и вообще всѣ несчастья Франціи, пристрастію Людовика XVIII къ Деказу. Онъ очень любилъ Ришелье, высоко цѣнилъ его и желалъ, чтобы онъ утвердился въ министерствѣ.

Государь съ уваженіемъ и похвалой отозвался о братѣ короля (нынѣ его величество Карлъ X), говоря, что характеръ его закалился въ школѣ превратностей судьбы. Онъ также похвалилъ геройское мужество герцогини Беррійской и, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидалъ результата желаннаго событія, которое должно было утѣшить благонамѣренную часть населенія Франціи и успокоить Европу. Александръ былъ, повидимому, въ тревожномъ настроеніи... и далъ мнѣ понять, что онъ недоволенъ послѣдними извѣстіями изъ Франціи.

Такъ какъ государь спросилъ меня, почему графъ Ш*** не пріѣхалъ со мной въ Варшаву, я пояснила прискорбную причину, лишавшую его счастья представиться его величеству, и я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы разсказать ему о процессѣ графа Ш***. Государь сказалъ, чтобы я представила ему записку объ этомъ дѣлѣ, и увѣрилъ меня, что онъ съ удовольствіемъ будетъ моимъ *уполномоченнымъ*. Когда же я хотѣла поблагодарить его за всѣ его милости, государь сказалъ, что это лишнее,—что никакой нѣтъ заслуги въ томъ, что меня цѣнятъ и отдаютъ мнѣ должное.

Я составила краткую записку, но не знала, какимъ путемъ доставить ее государю. Я надѣялась, что мнѣ удастся поговорить съ нимъ на балу у вице-короля, но я пріѣхала такъ поздно, задержанная длиннымъ хвостомъ экипажей, что въ ту минуту, когда я входила въ залъ, государь уже выходилъ и не замѣтилъ меня. На слѣдующій день, въ то самое время, когда я разсказывала своей матери объ этой неудачѣ, мнѣ доложили, что придворный лакей присланъ его величествомъ узнать о моемъ здоровьѣ, такъ какъ государь не видѣлъ меня на балу.

Какое милое вниманіе, вызванное однимъ лишь чувствомъ благожелательности! Такъ какъ я предполагала провести въ Варшавѣ всего нѣсколько дней, государь, узнавъ, что я наканунѣ отъѣзда, соблаговолилъ самъ пріѣхать проститься со мной и сказалъ при этомъ, что онъ надѣялся, что я продолжу свое пребываніе въ Варшавѣ дней на десять,—срокъ, назначенный для отъѣзда его величества, собиравшагося на конгрессъ въ Тропау, въ Силезіи. Я отвѣтила, что обѣщалась графу Ш*** возвратиться въ назначенное время, и что я никогда не нарушала своего слова. Я представила мою записку государю, который тотчасъ сталъ читать ее и затѣмъ вдругъ прервалъ чтеніе, говоря: „Кажется, читать въ присутствіи дамъ —не особенно вѣжливо.“ Мнѣ хотѣлось возразить, что со стороны государя это, наоборотъ, милость, доказывающая, что онъ, на самомъ дѣлѣ, хочетъ ознакомиться съ представленнымъ на его правосудное воззрѣніе дѣломъ. Прочитавъ записку, государь положивъ ее въ карманъ мундира, сказалъ, что онъ очень любитъ *мои писанія* и что я могу быть спокойной,— онъ будетъ моимъ адвокатомъ. „Никогда,“ отвѣчала я, „дѣло не поступало въ лучшія руки; и гдѣ можно надѣяться найти правосудіе, если не въ сердцѣ нашего обожаемаго монарха?“

Моя мать испросила у его величества разрѣшеніе прочесть

выдержку изъ письма моей сестры, которая была въ деревнѣ и поручала ей выразить *ангелу* ея чувства обожанія. Государь принялъ это привѣтствіе съ обычной своей скромностью и сказалъ, что онъ всегда цѣнитъ знаки вниманія, которые ему оказываютъ. Государь коснулся затѣмъ состоявшагося въ этомъ же году бракосочетанія своего августѣйшаго брата.

„Много препятствій пришлось мнѣ побѣдить,“ сказалъ онъ, „чтобы обезпечить счастье моему брату; но теперь онъ, наконецъ, счастливъ настоящимъ образомъ, ибо мнѣ не нравился прежній его способъ быть счастливымъ,“ съ тонкой улыбкой прибавилъ государь. Онъ восхвалялъ также характеръ великой княгини, ея ангельскую кротость.

Государь пожелалъ знать, есть ли у графа Ш***, помимо его обязанностей пэра,—другая должность, военная или гражданская? Я воспользовалась случаемъ, чтобъ обратиться съ просьбой о новой милости. Графъ Ш*** не владѣлъ никакимъ имуществомъ во Франціи, гдѣ онъ принужденъ былъ жить, тогда какъ въ Россіи онъ имѣлъ большое состояніе, обремененное значительными расходами, и многочисленную семью, которую надо было содержать; поэтому онъ лишенъ былъ средствъ вести не только приличный его положенію образъ жизни, но даже не имѣлъ самаго скромнаго обезпеченія. Послѣ напрасныхъ попытокъ получить какое-нибудь платное мѣсто онъ теперь надѣется достигнуть этого при посредствѣ вліянія русскаго правительства на герцога Ришелье. Я попросила его величество дать мнѣ рекомендательную записку къ его посланнику въ Парижѣ; при этомъ я выразила ему, какъ я буду счастлива чувствовать себя подъ покровительствомъ моего ангела хранителя даже во Франціи и быть ему обязанной тѣмъ благосостояніемъ, которое, быть можетъ, достанется мнѣ.

Александръ отвѣтилъ, что онъ самъ сочтетъ за счастье

помочь мнѣ, и что онъ дастъ мнѣ письмо, гораздо болѣе длинное, чѣмъ моя записка...

Когда государь оставилъ насъ, мы съ матерью, говоря между собой о добротѣ этого ангела, испытали чувство умиленія и въ то же время грусти, которая теперь представляется мнѣ предчувствіемъ сердца,—увы! слишкомъ вѣрнымъ. Мы не безъ основанія думали, что такія совершенныя и добрыя существа не остаются долго на землѣ, ибо небо всегда спѣшитъ отозвать то, что принадлежитъ ему.

Въ тотъ же день при видѣ государя, быстро проѣзжавшаго въ открытой коляскѣ, моя мать сказала: „Нѣтъ, по истинѣ, мы совсѣмъ напрасно тревожимся за него. Онъ такъ молодъ, у него прекрасное здоровье, Богъ сохранитъ намъ его.“ И мы кончили тѣмъ, что стали смѣяться надъ нашими страхами, въ то время лишенными всякаго основанія.

Однако, въ Александрѣ уже не проявлялось той беззаботной веселости, которая раньше одушевляла его. Онъ, казалось, былъ недоволенъ польскимъ правительствомъ, образомъ дѣйствій сейма, расходами, превышающими средства государства. Онъ постоянно стремился къ уединенію. Часто, не предупредивъ свою свиту, онъ отправлялся одинъ въ какую-нибудь уединенную мѣстность въ окрестностяхъ Варшавы и приказывалъ принести ему туда обѣдъ. Онъ былъ, однако, совсѣмъ здоровъ, положеніе его въ Россіи и въ Европѣ было по-прежнему господствующимъ...

Возвратившись въ Литву, я вскорѣ получила депешу отъ двора, съ письмомъ къ русскому посланнику въ Парижѣ, и съ копіей этого письма для меня.

Въ то же время я имѣла удовольствіе узнать, что, вслѣдствіе особаго предписанія его величества виленскому генералъ-губернатору, процессъ былъ прекращенъ.

ГЛАВА XXV.

Новая поѣздка Александра въ Вильну. Бесѣды съ авторомъ мемуаровъ. Политическіе взгляды и мнѣнія государя. Нѣсколько словъ о Веронскомъ конгрессѣ и испанской войнѣ.

Когда я возвратилась во Францію, всѣ были взволнованы однимъ великимъ событіемъ, которое, казалось, должно было произвести нѣкоторыя измѣненія въ Европѣ и, быть можетъ, оживить старинную эпоху крестовыхъ походовъ, возродить рыцарскій духъ. Читатель угадываетъ, что я говорю о возстаніи Греціи, о геройскихъ попыткахъ, привлекавшихъ вниманіе не только религіозныхъ людей, но и всѣхъ любителей искусствъ, всего чудеснаго, всего того, что пробуждаетъ воображеніе и увлекаетъ его чарами воспоминаній, тѣсно связанныхъ съ этой, нѣкогда столь славной страной.

Всѣ ожидали, что русскій императоръ первый, какъ глава греческой вѣры, объявитъ себя покровителемъ своихъ братьевъ-единовѣрцевъ, что онъ поддастся благородному желанію помочь грекамъ изгнать турокъ изъ Европы и овладѣть столь прекрасной страной.

Признаюсь, что, не останавливаясь на другихъ соображеніяхъ, я отъ всей души желала ему этой новой славы въ довершеніе той, которую онъ уже пріобрѣлъ.

Но политика европейскихъ государей взглянула на это со-

бытіе съ другой точки зрѣнія. Въ желаніи и стремленіи грековъ сбросить тяготѣвшее надъ ними позорное иго и возстановить справедливую независимость, увидѣли лишь роковой революціонный духъ, который за послѣдніе сорокъ лѣтъ стремился подточить европейскіе престолы и опрокинуть власти, установленныя законамъ и божественной санкціей. Греки были предоставлены своей судьбѣ, и императору Александру пришлось волей-неволей отказаться отъ всѣхъ личныхъ выгодъ и отъ славы, которую сулило ему это благородное предпріятіе,—ради поддержанія европейскаго мира и столь необходимаго равновѣсія, устойчивость котораго онъ держалъ въ собственныхъ рукахъ.

У Франціи были въ то время собственныя причины для тревоги. Испанія—ея сосѣдка и союзница, находясь наканунѣ кровопролитной и разрушительной революціи, привлекала къ себѣ вниманіе Европы и французскаго правительства въ особенности.

Въ это время, т.-е. весной 1822 года, я предприняла поѣздку въ Вильну по семейнымъ дѣламъ, касающимся моего состоянія. Императоръ Александръ прибылъ въ этотъ городъ 2-го іюня, чтобы произвести смотръ шестидесятитысячному отряду войскъ. Онъ проѣхалъ бульваромъ, вдоль Виліи, и пораженный тѣмъ, что жители города, при видѣ его, не проявляютъ радости, онъ сказалъ впослѣдствіи княгинѣ Трубецкой, что его теперь не скоро увидятъ въ Вильнѣ. На слѣдующій день Александръ вмѣстѣ съ своими тремя августѣйшими братьями присутствовалъ на блестящемъ смотру, на равнинахъ Верки. Узнавъ, что я нахожусь въ Вильнѣ, государь поручилъ передать мнѣ, что онъ очень этому радъ, и велѣлъ спросить, не обезпокоитъ ли онъ меня своимъ посѣщеніемъ.

Я никогда не забуду, что въ этотъ день мой французскій лакей, которому я дала соотвѣтствующія наставленія по по-

воду пріема государя, отвѣтилъ его величеству, спрашивавшему, дома ли я: „Oui, monsieur“.

Александръ соблаговолилъ тотчасъ обратиться ко мнѣ съ нѣсколькими вопросами по поводу моего ребенка. На вопросъ, почему я не взяла его съ собой, я отвѣтила, что побоялась подвергнуть его утомленіямъ долгаго путешествія (ему было всего шесть мѣсяцевъ), и что среди радости, которую я испытываю при видѣ моего государя, я болѣе всего сожалѣю о томъ, что не могу повергнуть къ его стопамъ моего ребенка. Государь, видя какъ я растрогана, сказалъ мнѣ съ искренней чувствительностью: „О! я понимаю, какъ вамъ было тяжело разставаться съ нимъ“.

Такъ какъ государь соблаговолилъ вспомнить о графѣ Ш***, я сказала, что принужденный присутствовать на засѣданіяхъ палаты пэровъ онъ не могъ сопутствовать мнѣ. „Я очень боюсь“, прибавила я, „что ваше величество удивляется, что я постоянно путешествую одна; между тѣмъ, мое главное желаніе и стремленіе въ томъ, чтобы заслужить и сохранить уваженіе, которое ваше величество благоволитъ оказывать мнѣ“... Александръ отвѣтилъ мнѣ, что *ни время, ни отсутствіе, ни разстояніе* не могутъ измѣнить его чувствъ ко мнѣ.

Государь пожелалъ узнать, что помѣшало устроить крестины моего ребенка (императоръ былъ заочнымъ крестнымъ отцомъ) въ Парижѣ. Я разсказала государю, что произошло по этому поводу, и откровенно призналась, что часть вины падаетъ на меня. Когда у меня родился сынъ, я написала императору Александру, что *онъ рожденъ французскимъ подданнымъ,* и что я умоляю его величество, не изъ тщеславія, но въ залогъ счастья моего ребенка, быть его крестнымъ отцомъ. Государь, со свойственной ему добротой, согласился оказать мнѣ эту милость, прислалъ мнѣ богатый подарокъ и

поручилъ находившемуся въ то время въ Парижѣ графу Шувалову замѣнить его при этомъ обрядѣ, такъ какъ въ письмѣ моемъ я просила, чтобы государь избралъ для этого *настоящаго, добраго русскаго*, а не посланника, котораго я не считала таковымъ. И какъ разъ это обстоятельство вызвало противодѣйствіе со стороны французскаго духовенства,—противодѣйствіе, которое не возникло бы, если бъ назначенное государемъ лицо принадлежало къ римско-католическому вѣроисповѣданію. Государь увѣрилъ меня, что разъ вопросъ возникъ изъ-за религіозныхъ взглядовъ, онъ совсѣмъ не оскорбленъ случившимся, и предложилъ мнѣ свои услуги на будущее время.

Александръ спросилъ, какое дѣло побудило меня пріѣхать въ Вильну, не касается ли оно того процесса, о которомъ я представила ему записку въ Варшавѣ? Онъ еще помнилъ о ней по прошествіи двухъ лѣтъ. Вообще, память у государя была, по истинѣ, изумительная; но въ этотъ день она измѣнила ему.

„Съ какимъ удовольствіемъ“, сказалъ онъ, „я вновь встрѣчаю васъ въ той самой комнатѣ, гдѣ я нѣкогда васъ видѣлъ! вотъ тотъ самый диванъ, гдѣ вы сидѣли, у того же круглаго стола“... И онъ искалъ глазами фортепіано, котораго не было въ комнатѣ. Я не знала, что отвѣчать, и очень была смущена, ибо это была квартира моего отца, которую я занимала въ его отсутствіе, но не та, гдѣ я нѣсколько разъ принимала его величество, такъ какъ мой отецъ переѣхалъ въ другой домъ. Я рѣшила поэтому молчать, и вотъ какъ бѣдныхъ государей обманываютъ въ самыхъ мелочахъ, и даже тѣ, кто наиболѣе имъ преданъ...

Государь перешелъ затѣмъ къ важнымъ вопросамъ. Онъ съ интересомъ говорилъ о положеніи Франціи, одобрилъ перемѣну министерства, при чемъ упомянулъ о Деказѣ и Талей-

ранѣ. Онъ сказалъ, что Франція многимъ обязана герцогу Ришелье (который на конгрессѣ въ Aix la Chapelle добился отозванія изъ Франціи союзныхъ войскъ); что онъ могъ бы быть болѣе одаренъ, но что это вполнѣ честный человѣкъ, преданный своему отечеству, и что при настоящихъ обстоятельствахъ подобные люди рѣдки.

Мнѣ казалось, что у императора Александра преувеличенныя понятія о силѣ и ораторскихъ талантахъ демагогической партіи (онъ такъ называлъ лѣвую палату депутатовъ). Я позволила себѣ замѣтить, что ей не уступаетъ въ этомъ отношеніи партія роялистовъ. Каждому оратору лѣвой, котораго называлъ государь, я противопоставляла оратора правой: генералу Фоа, Бенжамену, Констану и другимъ я противопоставляла Кастельбалка, Лабурдонэ, Делало. Я не знаю, удалось ли мнѣ убѣдить Александра, такъ какъ онъ, казалось, былъ сильно пораженъ вліяніемъ, которое имѣли таланты оппозиціи на національный духъ Франціи.

Я позволила себѣ сказать, что эти волненія, вызванныя недовольными, безпокойными людьми, не могутъ разрушить спокойствіе массы французской націи, которая послѣ стольких политическихъ потрясеній теперь стремится лишь къ миру и къ внутреннему спокойствію. Я захватила съ собой только что появившееся сочиненіе о революціи въ Пьемонтѣ. Я заговорила объ этой книгѣ съ государемъ, который прочелъ ее, придавалъ ей большое значеніе и сообщилъ мнѣ, что я не знала, что основу этого политическаго романа составляло истинное происшествіе. Государь заговорилъ затѣмъ о дѣлахъ въ Испаніи. „Я вижу одинъ лишь путь для разрѣшенія ихъ,— путь вооруженнаго вмѣшательства. Испанія—очагъ революцій, средоточіе опаснаго духа, который для спокойствія націй необходимо сдержать и сократить. Я бы охотно взялъ на себя

это предпріятіе, но какъ достигнуть Испаніи, миновавъ Францію? Не опасно ли вовлекать Францію въ такую войну?"

Я, само собой, не позволила себѣ никакихъ замѣчаній по такимъ важнымъ вопросамъ; но, измѣнивъ разговоръ, я сказала: „Въ Парижѣ мы недавно предполагали, что ваше величество уже въ Константинополѣ." — Александръ улыбнулся. „Да," сказалъ онъ, „люди этой партіи очень хотѣли бы, чтобъ я этимъ нарушилъ мои принципы, но ничто въ мірѣ не заставитъ меня это сдѣлать."—„Ваше величество, вы показали безпримѣрную умѣренность и твердость, не поддавшись искушенію, столь сильному, надо сознаться,—искушенію совершить великое завоеваніе и избавить Грецію отъ тяготѣющаго надъ нею ига."—„Въ мои политическіе виды," сказалъ государь, „не входятъ никакіе проекты расширенія моего государства, настолько великаго, что оно уже возбуждаетъ вниманіе и зависть другихъ европейскихъ державъ. Я не могу и не хочу благопріятствовать возстанію грековъ, ибо такой образъ дѣйствій противорѣчилъ бы принятой мною системѣ и неизбѣжно разрушилъ бы тотъ миръ, который мнѣ такъ трудно было водворить,—миръ, столь необходимый Европѣ. Притомъ, если бъ я хотѣлъ внять голосу человѣколюбія, а также моего сердца, который побудилъ бы меня помочь грекамъ, я только увеличилъ бы количество жертвъ. Малѣйшій шагъ, сдѣланный моими войсками для поддержанія ихъ,—явился бы сигналомъ всеобщей бойни. Вѣдь, вы знаете, что это греческое населеніе почти все разсѣяно по полуострову Мореи, и оно было бы все истреблено турками, прежде чѣмъ русскіе успѣли бы добраться до Константинополя."

Послѣ этой интересной, серьезной бесѣды, государь вдругъ перешелъ къ колкимъ шуткамъ по поводу нѣжныхъ чувствъ французскаго короля къ одной придворной дамѣ. „Какъ!" воскликнулъ онъ, „въ шестьдесятъ семь лѣтъ у его величе-

ства Людовика XVIII—любовницы!“—„Ваше величество,“ возразила я, „это любовь платоническая.“—„Я и этого не допускаю. Мнѣ сорокъ пять лѣтъ, тогда какъ королю шестьдесятъ семь, а я все это бросилъ.“ Дѣйствительно, за послѣдніе годы Александръ велъ примѣрный образъ жизни, и г-жа Н*** давно находилась въ изгнаніи въ Парижѣ. Государь спросилъ, видѣла ли я его солдатъ на смотру; я отвѣтила, что видѣла его *„гигантовъ“*. На самомъ дѣлѣ, и люди, и лошади, все въ этомъ войскѣ показалось мнѣ гигантскимъ; лошади, въ особенности, были слишкомъ тяжелы и велики для кавалеріи. Его величество спросилъ меня затѣмъ,—почему, часто путешествуя, я еще ни разу не побывала въ Петербургѣ. Я отвѣтила, что это было моей мечтой,—однимъ изъ моихъ испанскихъ замковъ. „Почему же вы называете это испанскимъ замкомъ,“ съ живостью возразилъ Александръ. „Что же такого особеннаго въ этомъ путешествіи для васъ, когда вы ѣздите съ быстротой курьера? (Я пріѣхала изъ Парижа въ Вильну въ четырнадцать дней). Для васъ это все равно, что проѣхать изъ Вилькомира въ Товіани.“—„Не совсѣмъ такъ, ваше величество,“ отвѣчала я: „но я сдѣлаю все возможное, чтобы побывать въ Петербургѣ будущимъ лѣтомъ, и, конечно, тотъ день, когда я увижу моего мужа и моего ребенка у ногъ вашего величества, будетъ прекраснѣйшимъ днемъ моей жизни.“ Александръ соблаговолилъ выразить свое удовольстіе по поводу этого обѣщанія. „Мы не можемъ похвастаться,“ скромно сказалъ онъ, „чтобы Петербургъ былъ равенъ Парижу по красотѣ и по всякаго рода преимуществамъ, представляемымъ этой великой столицей; но мы сдѣлаемъ все, чтобы наилучшимъ образомъ принять васъ.“

Я показала государю портретъ моего ребенка; онъ долго смотрѣлъ на него и нашелъ моего сына хорошенькимъ. Онъ спросилъ меня о моемъ отцѣ, о женитьбѣ моихъ братьевъ;

внимательный и предупредительный, онъ ничего не позабылъ изъ того, что близко касалось меня. Прощаясь со мной, Александръ соблаговолилъ вновь увѣрить меня въ своемъ неизмѣнномъ расположеніи и просилъ по-прежнему относиться къ нему *дружески и благосклонно*. „Будьте увѣрены,“ прибавилъ онъ, „что въ моихъ чувствахъ къ вамъ нѣтъ ничего личнаго, и что дружба, которую вы мнѣ внушаете, вполнѣ чистая и безкорыстная.“

Его величество соблаговолилъ быть на балу, который далъ въ честь его предводитель дворянства, въ думѣ. Всѣ, такъ же какъ я, замѣтили, что императоръ Александръ, называвшій себя *старымъ солдатомъ*, не казался старше тридцати лѣтъ; онъ былъ еще удивительно хорошъ собой и поражалъ блескомъ своей красоты. Танцуя со мной, его императорское высочество великій князь Константинъ сдѣлалъ мнѣ честь спросить, не по дѣлу ли я пріѣхала въ Вильну: *„Вѣрно, это по поводу какого-нибудь процесса?“* сказалъ онъ: *„ибо вы, поляки, только этимъ и занимаетесь.“* Къ несчастью, это была истинная правда.

На этомъ балу я впервые имѣла честь видѣть великаго князя Николая (нынѣ царствующаго императора), который соблаговолилъ говорить со мной. Я была поражена изяществомъ и необыкновеннымъ достоинствомъ его манеръ и разговора, и, по правдѣ сказать, я нашла, что молодой великій князь смотритъ еще болѣе величественнымъ, чѣмъ самъ государь, который былъ гораздо красивѣе его.

Государь простился со мной на балу; онъ уѣзжалъ на слѣдующій день рано утромъ. Я сговорилась съ нѣсколькими моими пріятельницами, съ графиней Лопасинской и графиней Платеръ, чтобы быть на бульварѣ при его проѣздѣ. Государь всегда путешествовалъ въ открытой коляскѣ; онъ насъ узналъ и, смѣясь, поклонился намъ. Онъ отправлялся тогда

на конгрессъ въ Верону, гдѣ у него состоялись очень важные переговоры съ гг. Монморанси и Шатобріаномъ. Тотъ и другой были достойны узнать и оцѣнить государя, и оба возвратились въ Парижъ въ восторгѣ отъ его ума, изящества и, въ особенности, отъ его благороднаго образа мыслей. Въ частности, г. Монморанси доказалъ ему свою преданность, вышедши изъ министерства, когда оказалось невозможнымъ выполнить представленные ему Александромъ идеи и планъ дѣйствій, которые разумъ его не могъ не одобрить. Государь, возвращаясь изъ Вероны и проѣзжая черезъ Варшаву, соблаговолилъ посѣтить мою мать и долго бесѣдовалъ съ ней о достоинствахъ гг. Монморанси и Шатобріана. Онъ поручилъ моей матери передать мнѣ свой привѣтъ и прибавилъ по моему адресу милое слово, которое я хотѣла бы заслужить и которое, безъ сомнѣнія, было болѣе любезно, чѣмъ вѣрно: „Нельзя видѣть ее и не полюбить.“

На веронскомъ конгрессѣ Александръ предложилъ французскому правительству отправить на собственный счетъ русское войско на помощь Испаніи, безъ участія Франціи. Предложеніе это, само по себѣ столь великодушное, посѣяло великую смуту во Франціи и, въ особенности, въ Парижѣ. Слабая и робкая партія, во главѣ которой сталъ г. Талейранъ и которая засѣдала въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, высказалась въ томъ смыслѣ, что надо, не колеблясь, принять это предложеніе, что большое счастье, что русскій императоръ согласенъ взять на себя столь опасное для Франціи предпріятіе. Талейранъ произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что Испанія уже однажды сыграла роковую роль по отношенію къ Франціи; что онъ въ то время предупредилъ правительство и предсказалъ ему роковыя послѣдствія войны на Пиренейскомъ полуостровѣ, и онъ считаетъ долгомъ напомнить это при настоящихъ обстоятельствахъ. Съ своей стороны, герцогъ

Фитцъ Джемсъ, одинъ изъ выдающихся ораторовъ палаты пэровъ, выступилъ противъ этой рѣчи, которую онъ пытался опровергнуть.

Болѣе сильная и смѣлая партія объявила, и не безъ основанія, что допустить вмѣшательство посторонней державы въ дѣла Испаніи, являвшіяся для Франціи семейными дѣлами,— это значитъ наложить неизгладимое пятно на честь французовъ. Этотъ важный вопросъ обсуждался во всѣхъ салонахъ Парижа, и я при этомъ слышала, какъ нѣсколько молодыхъ и красивыхъ дамъ высказывались по этому поводу съ такимъ же краснорѣчіемъ, какъ и истиннымъ патріотизмомъ. Наконецъ, Людовикъ XVIII разрѣшилъ вопросъ со свойственной ему мудростью: онъ сумѣлъ сочетать честь Франціи и своей короны съ сохраненіемъ мира въ государствѣ, выказавъ благородное довѣріе доблести и вѣрности своихъ войскъ и поставивъ во главѣ ихъ принца, которому суждено было прибавить новые лавры къ тѣмъ, которые заслужили его предки. По отношенію къ военнымъ успѣхамъ читатель знаетъ, насколько событія оправдали и даже превзошли надежды французовъ и ожиданія Европы.

ГЛАВА XXVI.

Болѣзнь государя. Поѣздка автора мемуаровъ въ С.-Петербургъ. Описаніе этого города и его окрестностей.

Императоръ Александръ, который всегда пользовался прекраснымъ здоровьемъ, опасно заболѣлъ зимой 1824 года. Семейныя огорченія, непріятности, быть можетъ, преувеличенныя его чрезвычайной чувствительностью, къ которымъ присоединилась простуда,—все это внезапно вызвало сильную болѣзнь, естественно возбудившую тревогу въ августѣйшей семьѣ и во всей столицѣ. За послѣднее время государь сталъ часто удаляться, даже зимой, въ свою любимую резиденцію въ Царскомъ Селѣ. Онъ вызывалъ къ себѣ министровъ и велъ очень уединенный образъ жизни, безъ всякихъ другихъ развлеченій, кромѣ длинныхъ прогулокъ по парку, простирающемуся на двѣ-три версты.

Однажды (это было во время бракосочетанія его императорскаго высочества великаго князя Михаила) послѣ особенно длинной прогулки въ одиночествѣ, государь вернулся во дворецъ продрогшій и велѣлъ принести обѣдъ въ свою спальную. Но онъ не былъ въ состояніи ѣсть, и вскорѣ на ногѣ его открылась рожа, которая распространилась съ страшной быстротой; затѣмъ сдѣлалась лихорадка съ бредомъ и воспаленіемъ мозга. Государя тотчасъ перевезли въ крытыхъ саняхъ

въ Петербургъ, гдѣ консиліумъ докторовъ, опасаясь начинавшейся гангрены, высказался за отнятіе у государя ноги. Но такъ какъ прописанныя лѣкарства произвели желанное дѣйствіе, доктора удовольствовались тѣмъ, что поставили дренажъ; благодаря своему прекрасному здоровью, государь вскорѣ сталъ выздоравливать.

Въ первый разъ, когда императоръ послѣ своей болѣзни показался на улицахъ Петербурга, народъ вездѣ при его проѣздѣ становился на колѣни, трогательнымъ образомъ проявляя свою чрезвычайную радость и благодаря Небо, сохранившее ему отца.

Въ тотъ же годъ мнѣ удалось исполнить давно задуманный проектъ поѣздки въ Петербургъ и принести почтительныя мои привѣтствія августѣйшему моему государю, въ прелестномъ городѣ, гдѣ онъ родился и гдѣ находился его престолъ. Мы пріѣхали въ первыхъ числахъ іюня, въ эпоху, — когда въ этой сѣверной странѣ нѣтъ ночей. Отъ послѣдней станціи, т. е. отъ Стрѣльны, лѣтняго мѣстопребыванія великаго князя Константина, на пространствѣ трехъ французскихъ верстъ, дорога идетъ вдоль шоссе между двумя рядами дачъ или прелестныхъ деревенскихъ домовъ, выходящихъ съ одной стороны на море, а съ противоположной стороны —на каналы или рукава Невы. Эти дачи раздѣлены между собой, какъ бы большой дорогой, рядомъ садовъ, гдѣ преобладаетъ бѣлоствольная береза, блѣдная листва которой выдѣляется на темной зелени сѣверныхъ елей и сосенъ. Вазы съ цвѣтами, изящно разставленныя или сгруппированныя среди деревьевъ, представляютъ собой какъ бы олицетвореніе весны, которая даритъ жителей сѣвера лишь одной улыбкой, какъ замѣтила одна остроумная особа изъ моихъ знакомыхъ. Всѣ эти зданія очень разнообразны по архитектурѣ и общему характеру. Здѣсь, среди массы зелени, вы видите греческій храмъ съ его прекраснымъ пери-

стилемъ и изящными лѣстницами; тамъ—китайскій павильонъ съ пагодами и серебристо-звенящими колокольчиками; далѣе вы видите швейцарскій домикъ, скромная съ виду постройка, скрывающая роскошь подъ обманчивой внѣшностью. А вотъ итальянскій бельведеръ, изящно возвышающійся надъ окружающими его деревьями и составляющій живописный контрастъ съ готическимъ замкомъ и его зубчатыми башнями. Вездѣ въ громадныхъ теплицахъ укрываются отъ свѣжаго или леденящаго воздуха тѣ плоды, которые обыкновенно небо даруетъ болѣе счастливымъ климатамъ и которыми богатые русскіе вельможи за большія деньги удовлетворяютъ свое сластолюбіе. Словомъ, тысячи предметовъ, знаменующихъ столь же разнообразные, сколько замысловатые вкусы, представляются удивленнымъ и очарованнымъ взорамъ путника. Окрестности Парижа—за исключеніемъ королевскихъ дворцовъ—ничего не представляютъ такого, что могло бы равняться великолѣпію окрестностей Петербурга, гдѣ, однако, все создано искусствомъ. Эти прекрасныя зданія, порожденныя богатствомъ или прихотью, построены на плохой почвѣ, представлявшей нѣкогда обширное болото.

Я была равнымъ образомъ поражена величественной и правильной красотой Петербурга, улицы котораго, широкія и теряющіяся вдали, обсажены деревьями и украшены тротуарами изъ граненаго камня. Въ различныхъ мѣстахъ города виднѣются каналы, окаймленные гранитными набережными, которыя сообщаются между собой посредствомъ красивыхъ желѣзныхъ мостовъ. Дома, не имѣя величественнаго вида прекрасныхъ парижскихъ зданій, отличаются изяществомъ своихъ оконныхъ рамъ, изъ цѣльнаго стекла и съ красивыми орнаментами. Кромѣ того въ Петербургѣ очень много замѣчательныхъ зданій. Въ то время самое избранное общество удалилось на свои дачи. Немногіе остававшіеся въ городѣ жители, почти

всѣ въ національномъ костюмѣ, придавали столицѣ Россійской имперіи какой-то азіатскій видъ, представлявшій своеобразный контрастъ съ вполнѣ европейскимъ изяществомъ ея зданій. На длинныхъ улицахъ и безконечныхъ набережныхъ лишь изрѣдка встрѣчались экипажи,—немногія англійскія кареты, или кареты, сдѣланныя по англійскому образцу, запряженныя по-русски, четверкой лошадей съ длинными гривами, которыя ѣхали чрезвычайно скоро и управлялись бородатымъ кучеромъ и маленькимъ крикливымъ форейторомъ. На красивыхъ, широкихъ тротуарахъ почти не видно было пѣшеходовъ. Вечеромъ, при сумеречномъ освѣщеніи, которое не похоже ни на дневной, ни на лунный свѣтъ, но которое распространяетъ на предметы какой-то волшебный отблескъ,—вечеромъ, говорю я, этотъ красивый, пустынный городъ производилъ на меня впечатлѣніе панорамы.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, мы остановились всего на нѣсколько дней въ отелѣ „Англія“, на Адмиралтейской площади, противъ Зимняго дворца, резиденціи его императорскаго величества. Дворецъ этотъ построенъ въ стилѣ древней французской архитектуры. Возвышающееся противъ дворца Адмиралтейство великолѣпное зданіе, построенное императоромъ Александромъ; вѣдь, если Петръ Великій основалъ Петербургъ, Александръ украсилъ его. Государь имѣлъ большую склонность къ архитектурѣ, понималъ въ ней толкъ и очень любилъ строить. Отъ императорскаго дворца до Невы, вдоль Адмиралтейства, расположенъ садъ, состоящій изъ нѣсколькихъ рядовъ тополей; онъ занимаетъ такое большое пространство, что на немъ можно было бы произвести смотръ стотысячному пѣхотному войску. Нева окаймлена каменной набережной изъ розоваго гранита. Столь величественная, когда она спокойна, страшная въ бурю, Нева представляетъ взорамъ волны сапфирозаго цвѣта; въ теченіе части года она покрыта судами,

надъ которыми развѣваются цвѣта всѣхъ націй; виднѣются на ней также хорошенькія яхты, безпрерывно снующія другъ передъ другомъ. Нева одновременно составляетъ украшеніе, славу, богатство и страхъ Петербурга.

Когда я пріѣхала, императора Александра не было въ Петербургѣ. По возвращеніи изъ поѣздки въ военныя поселенія, которыми государь остался очень доволенъ, онъ отправился, чтобы присутствовать на маневрахъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы, и никто не зналъ, когда онъ возвратится въ Царское Село. Поэтому я обратилась съ своими первыми привѣтствіями къ статуѣ геніальнаго основателя Петербурга,—къ статуѣ, которая такъ часто была уже описана въ печати, что я избавлю читателя отъ своихъ описаній. Затѣмъ я отправилась любоваться прекрасными зданіями на Англійской набережной: Академія, Биржа,—громадное зданіе, гдѣ собраны произведенія четырехъ частей свѣта. Я посѣтила чудную церковь Казанской Божьей Матери, которой справедливо восхищаются,—съ внѣшней стороны—величественной и благородной архитектурой, а съ внутренней стороны—массой заключающихся въ этой церкви золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, ослѣпляющихъ глаза; сіяющій видъ храма напоминаетъ нѣкогда существовавшій въ Лимѣ храмъ солнца.

Гостиный Дворъ представляетъ собой нѣчто въ родѣ восточнаго базара, заключающаго въ себѣ все, отъ богатаго магазина золотыхъ дѣлъ мастера до лавки простого ремесленника. Я никогда не видывала даже въ Парижѣ болѣе громадной выставки фруктовъ, какъ въ Петербургѣ на фруктовомъ базарѣ: тамъ были всякіе плоды, въ томъ числѣ гигантскіе ананасы, по сто франковъ за штуку. Въ Петербургѣ всего два общественныхъ мѣста для прогулокъ: во-первыхъ, Лѣтній садъ, обнесенный очень красивой золоченой рѣшеткой. Онъ обсаженъ въ старомъ стилѣ, украшенъ бесѣдками и купами де-

ревьевъ, печальными и мрачными; кой-гдѣ встрѣчаются плохія мраморныя статуи. Второе гулянье—Екатерингофскій садъ, въ ста шагахъ отъ города, куда народъ толпами отправляется гулять по воскресеньямъ и праздникамъ. Экипажи знатныхъ лицъ проѣзжаютъ по аллеямъ этого парка; здѣсь празднутся 1-е мая, считающееся въ Петербургѣ началомъ весны. Въ многочисленныхъ сборищахъ, образующихся вокругъ игръ, русскихъ горъ, балагановъ и т. д., я замѣтила контрастъ, который, признаюсь, не понравился мнѣ. Мужики, богатые городскіе купцы, въ національномъ костюмѣ, который такъ идетъ къ ихъ высокому росту, съ длинной бородой, придававшей имъ внушительный и патріархальный видъ, важно прогуливались, въ сопровожденіи своихъ женъ и дочерей, одѣтыхъ по-европейски. Въ нарядахъ этихъ послѣднихъ не было ни малѣйшаго вкуса, они представляли пеструю смѣсь разныхъ парижскихъ украшеній, неуклюже нагроможденныхъ вопреки модѣ и благообразію. И, при этомъ, представьте себѣ, подъ украшенной цвѣтами шляпой—татарское лицо желтаго цвѣта съ плоскимъ носомъ; а подъ богатымъ вышитымъ платьемъ—уродливую ногу въ плохой обуви. Рядомъ съ этими каррикатурными фигурами, пародіями на французскіе изящные туалеты,—выдѣлялись другія женщины, кормилицы изъ домовъ русскихъ вельможъ, одѣтыя въ прелестный костюмъ, украшающій самую некрасивую фигуру: въ кокошникѣ, (золоченый чепецъ, украшенный каменьями, очень высокій и такъ красиво прибавляющій роста), въ шелковомъ кафтанѣ, граціозно обрисовывающемъ талію, и накинутой на плечи богатой шубѣ, которая предохраняетъ отъ всякаго холода въ этомъ климатѣ, столь измѣнчивомъ даже лѣтомъ. Все въ этомъ костюмѣ—благородно, богато, граціозно. Если бъ я имѣла честь быть русской императрицей, я увѣрена, что я тотчасъ стала бы носить этотъ костюмъ, отказавшись отъ капризныхъ модъ Па-

рижа, который присвоилъ себѣ право налагать ихъ на весь міръ. Примѣру этому послѣдовалъ бы дворъ, столица и вся имперія, и онъ былъ бы равносиленъ закону противъ расточительности; ибо опытъ показываетъ, что костюмъ, не подвергающійся измѣненіямъ, какъ бы ни былъ онъ богатъ, стоитъ гораздо дешевле, чѣмъ модные туалеты, которые приходится постоянно возобновлять. Я посѣтила внутренность Зимняго дворца. Картинная галлерея заключаетъ въ себѣ много произведеній искусствъ великихъ мастеровъ; она недавно обогатилась прекрасной коллекціей, которую Александръ пріобрѣлъ послѣ смерти императрицы Жозефины. Коллекція медалей, принадлежавшихъ дому Орлеановъ, тоже весьма замѣчательна. Въ зимнемъ саду Эрмитажа я видѣла потомковъ голубей, которыхъ кормила сама Екатерина II. Мы сдѣлали также нѣсколько загородныхъ поѣздокъ на Каменный островъ, гдѣ жила невѣстка графа Ш***, графиня С***, урожденная княжна Голицына, особа отличавшаяся какъ внѣшней привлекательностью, такъ и своимъ милымъ, кроткимъ нравомъ. Каменный островъ—въ одной верстѣ отъ города; ѣхать на него надо черезъ Неву по пловучему мосту. На Каменномъ островѣ множество дачъ,—всѣ очень красивыя, расположенныя среди лѣса, окруженнаго рѣкой и прорѣзаннаго каналами, рукавами Невы и маленькой рѣчкой Черной, которые раздробляютъ его на нѣсколько острововъ, соединенныхъ мостами. У императора тоже есть резиденція на Каменномъ островѣ. Дворецъ и небольшой садъ расположены на маленькомъ рукавѣ Невы, гдѣ стоитъ большая императорская яхта. Недалеко отсюда, близъ рѣки, возвышается прекрасный домъ греческой архитектуры графа Лаваме, также дома Нарышкина, графа Строганова и другихъ. Перечислить ихъ всѣ - невозможно; я могу только сказать, что, благодаря красотѣ рѣки и свѣжести зелени, мѣстопребываніе это въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ лѣта

является, по истинѣ, волшебнымъ пріютомъ. Крестовскій островъ представляетъ собой большой общественный садъ, въ родѣ стариннаго сада Божана, на Елисейскихъ поляхъ. Близъ Крестовскаго острова Елагинскій островъ, гдѣ возвышается недавно отстроенный дворецъ, принадлежащій ея величеству, императрицѣ-матери; изящные контуры, бѣлизна этого зданія, построеннаго среди цвѣтущихъ полей и водъ, дѣлали его подобнымъ лиліи, выступающей въ хрустальной вазѣ среди букета розъ. Я осмотрѣла также Таврическій дворецъ и садъ, великолѣпное созданіе великолѣпнаго Потемкина. Бальный залъ, являющійся въ то же время зимнимъ садомъ, отличается гигантскими размѣрами. Въ то время тамъ работали надъ праздничными украшеніями и готовили фейерверки по случаю ожидавшагося пріѣзда ея императорскаго высочества великой княгини Маріи и принцессы Оранской.

ГЛАВА XXVII.

Монаршее гостепріимство. Новыя свиданія съ Александромъ. Деревенскія занятія государя. Портретъ императрицы Елизаветы.

Узнавъ, что государь возвратился, я рѣшила поѣхать въ Царское Село, хотя меня нѣсколько смущала общая молва о томъ, что государь никогда не даетъ аудіенцій въ деревнѣ; увѣряли, что даже если написать ему, трудно увидѣть государя, такъ какъ болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы ему передали письмо. Помимо весьма естественнаго желанія повергнуть мои вѣрноподданническія чувства передъ обожаемымъ государемъ, у меня было къ нему нѣсколько просьбъ и, между прочимъ, о томъ, чтобы совершить, наконецъ, обрядъ крещенія моего ребенка.

Итакъ, я поѣхала охваченная чувствомъ робости и смущенія, и, если бъ было возможно, я безъ сожалѣнія отказалась бы отъ этой поѣздки. Царское Село въ двадцати трехъ верстахъ отъ Петербурга. Я остановилась въ гостиницѣ подъ названіемъ „Французская реставрація“, гдѣ мнѣ дали, для меня и моихъ горничныхъ, всего одну маленькую комнату, почти безъ мебели. Хозяинъ, очень удивленный, что я не въ восторгѣ отъ этого помѣщенія, сказалъ мнѣ хвастливымъ тономъ, что въ этой комнатѣ останавливался французскій посланникъ, когда пріѣзжалъ въ Царское Село. Я рѣшилась вечеромъ отпра-

виться за справками къ графинѣ Ожаровской, супругѣ генералъ-адъютанта его величества; я обоихъ знала давно, они были мои соотечественники, очень обязательные и милые люди. Друзья мои жили въ паркѣ. Я прошла мимо дворца, громаднаго зданія въ старомъ французскомъ стилѣ, разукрашеннаго статуями, позолотой, куполами и пр. Дворецъ этотъ показался мнѣ пустыннымъ; одни лишь часовые стояли на посту во дворѣ. Уединеніе, въ которомъ жилъ государь, внушило мнѣ мрачныя мысли. Нѣтъ, говорила я, подъ вліяніемъ этихъ размышленій, по малой мѣрѣ, преждевременныхъ: нѣтъ, императоръ Александръ въ Петербургѣ—не тотъ императоръ Александръ, котораго я знала въ Товіани, въ Вильнѣ, въ Варшавѣ! Таковы всѣ государи! Съ какой радостью, съ какой предупредительностью я принимала его каждый разъ, какъ онъ благоволилъ посѣщать меня; а здѣсь—какая разница! Быть можетъ, я не получу и стакана воды въ этомъ дворцѣ, негостепріимномъ, какъ всѣ обиталища великихъ міра сего. Счастливъ тотъ, кто никогда не приближается къ нимъ, еще счастливѣе тотъ, кому нечего просить у нихъ!—Погруженная въ эти печальныя мысли, я шла медленно, не обращая вниманія даже на шумъ каретъ, быстро проѣзжавшихъ мимо меня; такъ дошла я до китайскаго города, какъ называютъ построенные въ китайскомъ вкусѣ хорошенькіе домики, числомъ около двадцати, гдѣ живутъ адъютанты его величества. У каждаго изъ нихъ свой особый домъ, конюшня, погребъ и свой садъ. Въ срединѣ этого небольшого городка, расположеннаго въ формѣ звѣзды, находится окруженная тополями круглая бесѣдка, гдѣ г.г. адъютанты собираются на балы и концерты. Мосты, трельяжи, украшенные пагодами кіоски,—все въ части парка, окружающей городокъ,—въ китайскомъ вкусѣ; а весь городокъ составляетъ лишь крошечную часть громаднаго парка.

Генералъ О*** и его жена приняли меня очень хорошо. Они предполагали, что государь останется на смотрахъ нѣсколько дней. Но, пославъ во дворецъ и узнавъ, что государь ночуетъ у себя, генералъ посовѣтовалъ мнѣ отправиться рано утромъ съ его женой въ паркъ; по его словамъ, это былъ единственный способъ встрѣтить государя, который гулялъ въ паркѣ каждое утро. Проектъ отправиться въ погоню за государемъ по парку величиной въ нѣсколько верстъ, — показался мнѣ страннымъ; пришлось, однако, согласиться, несмотря на то, что мнѣ очень хотѣлось возвратиться въ Петербургъ. Графъ О*** любезно проводилъ меня до гостиницы. Пересѣкая аллею я увидѣла въ отдаленіи красиваго офицера въ форменномъ сюртукѣ (лѣтній костюмъ, принятый при дворѣ), который кланялся намъ; я было приняла его за государя, но офицеръ показался мнѣ болѣе стройнымъ; притомъ, въ аллеяхъ было темно. Я ничего не сказала, но маленькій О***, племянникъ генерала, вдругъ воскликнулъ: „Это государь!" Г-жа О*** сказала мнѣ: „Ваша счастливая звѣзда привела его, такъ какъ въ этотъ часъ онъ никогда не гуляетъ въ паркѣ." Мы обѣ тотчасъ вернулись назадъ. Государь, видя, что мы идемъ къ нему, съ своей стороны, пошелъ навстрѣчу намъ и, узнавъ меня, съ удивленіемъ воскликнулъ: „Какъ! вы! съ какихъ поръ вы здѣсь?" И когда я отвѣтила, онъ соблаговолилъ упрекнуть меня, что я не *отнеслась къ нему, какъ къ другу, и нѣсколькими словами не предупредила о моемъ пріѣздѣ,* и отняла у него двѣ недѣли. Словомъ, онъ обратился ко мнѣ съ разными любезностями, которыя государь такъ хорошо умѣлъ говорить. Я извинилась, сказавъ, что я побоялась обезпокоить его величество, въ виду поглощающихъ его время смотровъ. „Я распорядился бы иначе," отвѣтилъ государь, и онъ такъ же, какъ всегда, милостиво принялъ почтительныя привѣтствія, которыя мать моя поручила

повергнуть къ его стопамъ; онъ съ участіемъ освѣдомился о моемъ здоровьѣ и спросилъ, по-прежнему ли его комната полна картинъ и птицъ. Государь пожелалъ знать, гдѣ я остановилась, и сказалъ: „Вамъ, вѣроятно, очень неудобно въ этой гостиницѣ; позвольте пригласить васъ къ себѣ; ручаюсь, что вамъ будетъ лучше, чѣмъ тамъ.“ Я выразила мою глубокую благодарность за такое неожиданное, любезное вниманіе. Государь удалился, сказавъ, что онъ долженъ распорядиться, чтобы приготовили мое помѣщеніе и послали за мной.

Послѣ этого я направилась съ г-жей О*** къ моей гостиницѣ. Я была въ восторгѣ отъ этой счастливой встрѣчи, избавившей меня отъ страха, что государь уже не расположенъ ко мнѣ по-прежнему. Напротивъ, онъ показался мнѣ на этотъ разъ еще болѣе привѣтливымъ (если это было возможно) и полнымъ той несравненной доброты, которая должна была бы привязать къ нему всѣ сердца, если бъ всѣ сердца были чувствительны и благодарны.

Вернувшись къ себѣ, я тотчасъ легла, не думая, что мнѣ въ этотъ же вечеръ придется переѣхать во дворецъ. Но только что я легла, какъ за мной пріѣхала карета съ посланнымъ: помѣщеніе, ужинъ,—все было готово, кромѣ одной меня. На слѣдующій день, въ семь часовъ утра, за мной явился первый камердинеръ государя въ одной изъ тѣхъ легкихъ, изящныхъ каретъ, въ которыхъ обычно разъѣзжаютъ по парку. Въ карету была запряжена пара великолѣпныхъ лошадей. Я наскоро одѣлась и отправилась съ моимъ ребенкомъ. Меня привезли въ Александровскій дворецъ, носящій это названіе, такъ какъ онъ былъ построенъ для Александра, по приказанію императрицы Екатерины, согласно рисункамъ и планамъ прекраснаго итальянскаго архитектора. Дворецъ этотъ замѣчателенъ по изяществу и по рѣдкой гармоніи всѣхъ его размѣровъ. Нижній этажъ занималъ обыкновенно

великій князь Николай со своей августѣйшей супругой, но въ то время ихъ императорскія высочества были въ отсутствіи. Предназначавшееся мнѣ помѣщеніе находилось во второмъ этажѣ и соприкасалось съ длинной открытой галлереей, выходившей въ столовую и служившей хорами для музыкантовъ во время большихъ обѣдовъ. Изъ всѣхъ оконъ моего помѣщенія открывался прелестный видъ, — паркъ и императорскій дворецъ въ ста шагахъ отъ Александровскаго дворца. Черезъ группу деревьевъ, скрывавшихъ часть зданія, просвѣчивали пять золотыхъ куполовъ церкви, увѣнчанныхъ сверкающими крестами, которые въ тихую погоду отражались въ красиво очерченномъ прудѣ, окаймленномъ зеленой лужайкой.

Въ моемъ помѣщеніи былъ приготовленъ изящно поданный завтракъ, съ корзинами фруктовъ, рѣдкихъ въ Россіи даже лѣтомъ.

Камердинеръ ушелъ, спросивъ предварительно, не нужно ли мнѣ что-нибудь и все ли такъ, какъ я желаю. Я была совсѣмъ одна въ громадномъ дворцѣ, не считая придворной прислуги: мои горничныя еще оставались въ гостиницѣ. Съ помощью фантазіи, я могла себѣ представить, что я перенеслась въ какой-нибудь волшебный дворецъ легендарныхъ временъ. Я сошла въ паркъ и вскорѣ встрѣтила генерала О***, который шелъ ко мнѣ съ своей женой. Они мнѣ сообщили, что видѣли его величество, что государь говорилъ имъ по поводу крестинъ и сказалъ, что онъ готовъ удовлетворить мое желаніе, и что остается только назначить день.

Бесѣдуя, мы подошли къ новому зданію, которое государь, ради развлеченія, строилъ въ паркѣ. Это была очень высокая, четырехугольная башня, такъ называемая башня рыцарей, такъ какъ съ четырехъ сторонъ ея, въ нишахъ, стояли статуи рыцарей. Въ этомъ зданіи предполагалось помѣстить юнаго великаго князя Александра.

Государь, слѣдившій за рабочими, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу намъ и, обратившись ко мнѣ, самымъ любезнымъ тономъ выразилъ надежду, что мнѣ удобнѣе въ новомъ помѣщеніи, чѣмъ въ гостиницѣ. Александръ освѣдомился, почему я не пріѣхала во дворецъ наканунѣ, и сталъ увѣрять, что онъ, не теряя минуты, тотчасъ послалъ за мной проводника и т. д. Я представила моего сына государю, который очень смѣялся тому, что ребенокъ называлъ его *большимъ солдатомъ.*

Возвратившись во дворецъ, я отослала въ Петербургъ своихъ наемныхъ лошадей и написала графу Ш***; сообщая ему о новыхъ милостяхъ государя, я звала его къ себѣ.

Камердинеръ государя явился затѣмъ предупредить, что его величество посѣтитъ меня въ двѣнадцать часовъ, и, несмотря на проливной дождь, визитъ этотъ состоялся въ назначенный часъ. Государь, съ любезностью самаго гостепріимнаго хозяина, соблаговолилъ освѣдомиться, довольна ли я своимъ помѣщеніемъ и достаточно ли оно просторно, чтобъ графъ Ш*** могъ въ немъ помѣститься; при этомъ онъ любезно прибавилъ, что графъ Ш***—его старинный товарищъ по оружію; наконецъ, онъ спросилъ, не предпочту ли я помѣститься въ китайскомъ городѣ, чтобы быть поближе къ графинѣ О***. Одно лишь доброе сердце можетъ внушить такую высшую вѣжливость и такую деликатность! Александръ сказалъ мнѣ затѣмъ, что дворъ вскорѣ переѣдетъ въ Петергофъ, и пригласилъ меня послѣдовать туда за нимъ. Уже зная отъ моей матери о положеніи моихъ дѣлъ, онъ соблаговолилъ выразить мнѣ свое участіе. Я кратко пояснила ему всѣ обстоятельства и, прося о предоставленіи мнѣ взаймы ссуды изъ государственнаго банка на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя установлены правилами, я принуждена была сказать государю, что графъ Ш*** раздѣлилъ часть своего со-

стоянія между своими дѣтьми, и что я пріобрѣла остальную часть, съ обязательствомъ, въ исполненіе послѣдней воли его отца,—уплатить всѣ его долги.

— Изъ этого слѣдуетъ,—сказалъ государь, —что у графа Ш*** нѣтъ ничего, а у васъ очень мало.

— Къ сожалѣнію, ваше величество, это истинная правда,— отвѣчала я. Государь увѣрилъ меня въ своемъ неизмѣнномъ участіи ко мнѣ и сказалъ, чтобы я представила ему записку объ этомъ дѣлѣ.

Говоря его величеству о впечатлѣніи, которое произвелъ на меня Петербургъ, я, конечно, очень восхваляла красоту русской столицы. „Да,“ сказалъ государь, „это красивый городъ, но, въ концѣ концовъ, это лишь каменныя стѣны, и вы не найдете здѣсь того общества, которое вы оставили въ Парижѣ.“ Я тогда повторила его величеству то, что я имѣла честь говорить ему раньше: что парижское общество, разъединенное столь различными интересами и взглядами, представляетъ мало привлекательнаго; что демонъ политики овладѣлъ всѣми французами; что, начиная съ бѣднаго извозчика на козлахъ и торговки, продававшей спички въ своей лавчонкѣ, во Франціи не было никого, кто бы не считалъ себя призваннымъ не только читать, но и понимать ходячую газету, въ особенности „Constitutionnel“; что въ самыхъ блестящихъ салонахъ Парижа рѣчь шла лишь о преніяхъ въ двухъ палатахъ и объ образѣ дѣйствій министерства; наконецъ, что по необходимости и къ несчастью, среди этого столкновенія различныхъ чувствъ, предубѣжденій, взглядовъ, касавшихся столь серьезныхъ интересовъ, —салонная бесѣда должна была съ каждымъ днемъ утрачивать ту легкость, грацію, ту аттическую соль, которыя нѣкогда выдѣляли французовъ среди всѣхъ другихъ европейскихъ націй.

Прощаясь со мной, государь вновь соблаговолилъ увѣрить меня въ своемъ участіи и дружескомъ отношеніи ко мнѣ и просилъ меня не считать его слова за пустые комплименты. Генералъ О*** и его милая жена, со свойственной имъ любезностью, предложили показать намъ паркъ Царскаго Села; онъ былъ отчасти созданъ государемъ или, по крайней мѣрѣ, увеличенъ имъ и украшенъ. По его приказанію паркъ содержался въ такомъ порядкѣ и чистотѣ, какъ я нигдѣ еще не встрѣчала. Тысяча рабочихъ, ежедневно наполнявшихъ паркъ, постоянно подметали дорожки, какъ только кто-нибудь проѣзжалъ въ каретѣ, верхомъ, или даже проходилъ пѣшкомъ; подчищали и подрѣзали газоны, которые были удивительно красивы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца и въ присутствіи государя рабочіе эти смѣялись, пѣли; и довольство, которымъ они, повидимому, пользовались, вливало въ душу чувство радостнаго удивленія при мысли о томъ, кто давалъ имъ счастье. Самыми замѣчательными сооруженіями парка были—Виндзорская башня, построенная въ меньшихъ размѣрахъ, но по точному образцу Лондонской башни, среди темнаго лѣса, театръ и красивая ферма, одно изъ любимыхъ развлеченій императора Александра, которому интересно было слѣдить тамъ за полевыми работами. Въ этой фермѣ, украшенной трельяжемъ и хорошенькой французской голубятней, можно было увидѣть на скотныхъ дворахъ лучшій скотъ всей Европы,—тирольскія коровы, швейцарскія, венгерскія, голландскія, холмогорскія и т. д., и стадо мериносовъ, которое паслось въ паркѣ. Внутренность фермы была выдержана въ голландскомъ стилѣ: стѣны изъ изразцовъ голубого фаянса, стеклянные шкапы съ хозяйственными принадлежностями. Мнѣ показали великолѣпно переплетенную счетную книгу, въ которой государь, ради развлеченія, самъ записывалъ доходы

отъ своихъ барановъ; и онъ очень былъ доволенъ, что сукно его мундира было выработано изъ ихъ шерсти.

Эти простыя занятія, приближавшія государя къ природѣ, доставляли отдыхъ его уму, утомленному долгой напряженной работой. Недалеко отъ фермы находится жилище ламъ, за которыми ходитъ человѣкъ, вывезшій ихъ изъ Азіи. Эти животныя никогда не пользуются свободой; видъ у нихъ печальный и истомленный. Самая красивая часть парка — озеро, очень большое и настолько глубокое, что по немъ плаваютъ большія яхты и миніатюрный корабль. По берегамъ его виднѣются прелестныя руины, сооруженныя по рисункамъ Робера; деревья очень красиво сгруппированы и артистически подобраны по тѣнямъ. Въ концѣ парка возвышается тріумфальная арка, украшенная оружіемъ, со слѣдующей, трогательной по своей красотѣ, надписью на русскомъ и французскомъ языкахъ: „Моимъ дорогимъ товарищамъ по оружію“. Меня провели сводомъ, походившимъ на пещеру Понзилиппа: это была скала, высѣченная въ видѣ свода,—игра природы, такъ какъ почва здѣсь вездѣ гладкая и плоская. Во время моего посѣщенія для государя строили по древнимъ образцамъ баню; или, вѣрнѣе, ее разрушали, благодаря тому, что не были соблюдены размѣры постройки, которая предназначалась для вмѣщенія громаднаго бассейна, высѣченнаго изъ одного куска гранита и настолько обширнаго, чтобы въ немъ можно было плавать во всѣхъ направленіяхъ. Я посѣтила затѣмъ дворецъ: большой позолоченный залъ, гдѣ давала аудіенціи императрица Екатерина; покои императора Александра, часть которыхъ, по истинѣ, великолѣпна. Стѣны зала отдѣланы ляписъ-лазурью, порфиромъ, янтаремъ и т. д.; паркетъ украшенъ инкрустаціями изъ перламутра и драгоцѣннаго дерева и т. д.

Сообщающаяся съ покоями императрицы большая открытая галлерея, съ которой между колоннами открывается чуд-

ный видъ на озеро, на развалины, на цвѣтущее поле и т. д., —украшена бронзовыми бюстами,—главнымъ образомъ,—великихъ людей древняго міра; при видѣ ихъ вспоминаются главы Плутарха: онѣ какъ бы вновь встаютъ передъ глазами на челѣ этихъ героевъ.

Императоръ Александръ велъ въ Царскомъ Селѣ деревенскій образъ жизни; двора не было, и въ отсутствіе оберъгофмаршала императоръ самъ провѣрялъ отчеты въ расходахъ по домашнему хозяйству. Онъ принималъ въ Царскомъ Селѣ лишь министровъ въ опредѣленные дни недѣли. Александръ вставалъ обыкновенно въ пять часовъ, одѣвался, писалъ, затѣмъ отправлялся въ паркъ; при этомъ онъ посѣщалъ свою ферму, новыя постройки и давалъ аудіенціи лицамъ, имѣвшимъ представить ему докладныя записки. Лица эти преслѣдовали его иногда по всему парку, который всегда былъ открытъ и днемъ, и ночью. Императоръ гулялъ въ паркѣ одинъ, безъ всякихъ предосторожностей; часовые были только у зàмка и у Александровскаго дворца. Принужденный, вслѣдствіе состоянія своего здоровья, вести строгій образъ жизни, Александръ обѣдалъ у себя одинъ и ложился обыкновенно очень рано. Вечеромъ, передъ уходомъ, гвардейцы играли подъ его окнами, исполняя почти всегда печальные мотивы, которые я слышала изъ своихъ комнатъ.

Императрица Елизавета, съ своей стороны, жила въ полномъ уединеніи; при ней находилась только одна фрейлина, и она никого не принимала въ Царскомъ Селѣ. Она соблаговолила сдѣлать для меня исключеніе; я имѣла счастье вести съ государыней бесѣду, при чемъ я осталась въ восторгѣ отъ ея изящества и ума.

Императрицѣ Елизаветѣ было тогда сорокъ пять лѣтъ отъ роду. Она была стройная, хорошо сложенная, средняго роста; нѣжный цвѣтъ ея тонкаго лица пострадалъ отъ суроваго кли-

мата; судя по сохранившимся остаткамъ красоты можно было представить себѣ, какъ очаровательна была государыня въ весеннюю пору своей жизни. Ея разговоръ и пріемы, въ которыхъ отражалась какая-то трогательная томность и, въ то же время, полный чувства взглядъ, грустная улыбка, захватывавшій душу мягкій звукъ голоса, наконецъ—что-то ангельское во всей ея личности,—все какъ бы грустно говорило, что она не отъ міра сего, что все въ этомъ ангельскомъ существѣ принадлежитъ небу. Я никогда не позабуду ея благосклоннаго пріема и привѣтливыхъ словъ, съ которыми она ко мнѣ обратилась по поводу извѣстнаго ей достойнаго (какъ она выразилась) поведенія моего въ 1812 году. Она была настолько любезна, что коснулась и моихъ незначительныхъ сочиненій, замѣтивъ, что она съ удовольствіемъ прочла ихъ; что она очень рада, что предметомъ ихъ я избрала историческія событія націи, въ которой она принимаетъ живой интересъ. Я позволила себѣ отвѣтить, что столь лестное мнѣніе внушаетъ мнѣ гордость, отъ которой мнѣ трудно воздержаться, такъ какъ я не только никогда не льстила себя надеждой получить ея милостивое одобреніе, но не надѣялась, чтобы эти скромныя произведенія были ей извѣстны. Ея величество спросила меня затѣмъ, пишу ли я новое сочиненіе и на какой сюжетъ. Я изложила ей планъ „Политическаго Карлика", надъ которымъ я только что начала работать. Государыня одобрила задуманный мною планъ и сказала, что сочиненіе мое, посвященное описанію мало извѣстной эпохи, представитъ двойной историческій интересъ для Франціи и для Польши. Императрица затѣмъ перешла къ романамъ Вальтеръ Скотта, восхищающаго ее своимъ воображеніемъ, и отозвалась о нихъ съ той тонкостью ума и сужденія, которая проявлялась во всемъ, что она говорила. Прекрасно образованная, государыня посвящала почти все свое время французской и русской литературѣ. Она разспрашивала меня о моихъ путешествіяхъ по Франціи и Гер-

маніи; я описала живописныя мѣстности Германіи, въ особенности берега Рейна, гдѣ среди всѣхъ природныхъ богатствъ встрѣчается столько древнихъ памятниковъ, римскихъ сооруженій, готическихъ башенъ, развалинъ, сохранившихся отъ феодальныхъ временъ... „Воспоминанія отъ всѣхъ временъ", прибавила императрица своимъ мягкимъ, выразительнымъ тономъ. Эти немногія слова говорили болѣе, чѣмъ весь мой разсказъ, и я выразила это своимъ взглядомъ, который государыня, кажется, поняла. Невозможно было хотя однажды видѣть императрицу Елизавету и не почувствовать къ ней почтительнаго влеченія; и я, со слезами на глазахъ, сказала это ея фрейлинѣ, прибавивъ: „Она такъ заслуживала быть счастливой!"

Я не посмѣла сказать болѣе этого. Моя тетушка, графиня Радзивиллъ, имѣвшая честь пользоваться милостью императрицы Елизаветы прозвала ее „le calme". *) Слово это прекрасно характеризовало государыню, которая сама такъ называла себя въ письмахъ, которыя она благоволила писать моей тетушкѣ. Императрица Елизавета показывалась въ паркѣ только къ вечеру, верхомъ; я часто видѣла, какъ она проѣзжала по темнымъ аллеямъ, въ сопровожденіи только своей фрейлины и конюшаго; мнѣ казалось, что она какъ бы окутана какимъ то облакомъ печали. Говорили, что она избѣгаетъ гулять въ паркѣ утромъ пѣшкомъ, изъ опасенія стѣснить государя; но откуда этотъ страхъ? Какъ много счастливѣе были бы они оба, если бъ могли сойтись!

Казалось, они были какъ бы созданы другъ для друга: то же изящество, кротость, умъ; слѣдовательно, было нѣчто, мѣшавшее сближенію ихъ сердецъ? Какъ печально, что только смерть соединила эти двѣ прекрасныя души!

---

*) Спокойствіе.

ГЛАВА XXVIII.

Императрица-мать. Августѣйшій крестный отецъ. Меланхолія государя; главная ея причина. Грустныя предчувствія. Отъѣздъ Александра въ Сибирь.

Я имѣла честь быть представленной августѣйшей матери Александра, добродѣтели которой служатъ примѣромъ и гордостью ея семьи. Въ тотъ день, когда я была ей представлена въ Павловскѣ, ея лѣтнемъ мѣстопребываніи, я послѣдовала за ея величествомъ и за всѣмъ многочисленнымъ и блестящимъ, какъ всегда, дворомъ императрицы-матери въ такъ называемый *павильонъ розъ*, гдѣ былъ сервированъ обѣдъ. Императрица очень любитъ цвѣты. Послѣ обѣда государыня сошла въ садъ, сама нарѣзала розъ англійскими ножницами, спеціально для этого предназначенными, раздала ихъ дамамъ и дала мнѣ двѣ розы, которыя я сохранила, какъ драгоцѣнное воспоминаніе объ этомъ днѣ и о милостивомъ вниманіи государыни. Величественный ростъ императрицы, ея красивое сложеніе и сановитость—невольно поражаютъ и, при первомъ взглядѣ, внушаютъ почтеніе съ примѣсью нѣкоторой робости; но выраженіе доброты, отражающееся во всѣхъ ея благородныхъ чертахъ, вселяетъ довѣріе въ сердца и наполняетъ ихъ чувствомъ почтительной любви къ этой очаровательной государынѣ.

Въ этомъ году праздникъ въ Петергофѣ не состоялся по-

случаю отъѣзда ея императорскаго высочества великой княгини Александры, собиравшейся въ это самое время ѣхать моремъ въ Пруссію. Тѣмъ не менѣе множество посѣтителей прибыло въ Петербургъ и его окрестности, чтобы полюбоваться моремъ, которое очень красиво. Намъ отвели въ Петергофѣ помѣщеніе австрійскаго посланника, въ Александровскомъ дворцѣ, въ паркѣ, гдѣ останавливались обыкновенно приглашенные на праздникъ иностранные министры.

Такъ же, какъ въ Царскомъ Селѣ, намъ дали здѣсь дворцовую прислугу, столъ, экипажъ и т. д. Слуги, *) славные люди, обожавшіе своего августѣйшаго повелителя, смѣнялись черезъ каждые восемь дней.

Такъ какъ остававшіяся послѣ насъ яства шли въ ихъ пользу, они закармливали насъ до невозможности. Утромъ они намъ подавали чай, шоколадъ, кофе, разныя сласти; за этимъ слѣдовалъ завтракъ; въ три часа обѣдъ съ мороженымъ и самыми дорогими винами; вечеромъ чай и затѣмъ ужинъ, хотя бы мы совсѣмъ не были расположены ѣсть. Кромѣ того, въ промежуткахъ между этими трапезами они освѣдомлялись, не голодны ли мы.

Въ Петровъ день императорская семья собралась во двоцѣ. Тамъ я впервые увидѣла супругу великаго князя Николая, поразившую меня своимъ изяществомъ и красотой стройной таліи. Головой выше окружавшихъ ее придворныхъ дамъ, она походила на Калипсо среди ея нимфъ. Я имѣла честь быть ей

*) Александръ вникалъ въ интересы всѣхъ своихъ слугъ, безъ исключенія. Встрѣтивъ однажды въ паркѣ Царскаго Села баронессу Розенъ, мужъ которой, генералъ на службѣ его величества, квартировалъ въ этомъ городѣ, государь сказалъ ей: „Баронесса, я очень радъ, что между вашимъ домомъ и моимъ вскорѣ состоится союзъ“. Горничная баронессы Розенъ выходила замужъ за пастуха, пасшаго мериносовъ его величества.

представленной, такъ же, какъ супругѣ великаго князя Михаила, которая, въ немногихъ обращенныхъ словахъ, проявила умъ столько же образованный, сколько привѣтливый. Императрица-мать тоже принимала въ этотъ день; она спросила, нравится ли мнѣ Петергофъ. Красота этой мѣстности носитъ величественный характеръ. Дворецъ, построенный въ древнемъ вкусѣ, не отличается ни обширностью, ни красотой; но съ балкона, на который выходитъ аудіенцъ-залъ, открывается видъ на аллеи садовъ, и сквозь сверкающіе фонтаны, выбрасывающіе свои струи выше самыхъ высокихъ деревьевъ, виднѣется море, покрытое многочисленными кораблями, отправляющимися въ Кронштадтъ, или возвращающимися оттуда. Въ паркѣ показываютъ любимую бесѣдку Петра Великагс, гдѣ у него была маленькая кухня и всѣ хозяйственныя принадлежности въ голландскомъ родѣ; здѣсь онъ еше представлялъ собой мастера Петра Саардамскаго. Посѣтителямъ показываютъ здѣсь халатъ и ночной колпакъ Петра Великаго и даже туфлю Екатерины, доказывающую, къ слову сказать, что она всюду умѣла себя поставить на хорошей ногѣ. Противъ бесѣдки—прудъ; и теперь еще старые золотистые карпы, которыхъ кормилъ Петръ I, подплываютъ на звукъ колокольчика за хлѣбомъ, который имъ бросаютъ. Въ Петергофѣ есть прекрасная писчебумажная фабрика, гдѣ выдѣлываютъ веленевую бумагу крупнаго размѣра, и также заводъ, гдѣ отдѣлываютъ сибирскіе драгоцѣнные камни,—аметисты, топазы, малахиты и т. д.

Императоръ Александръ удостоилъ графа Ш*** частной аудіенціи въ Петергофѣ и принялъ его такъ привѣтливо, что графъ проникся чувствомъ восхищенія и благодарности къ государю. Отпуская графа Ш***, государь сказалъ ему: „Я принужденъ съ вами проститься,—я провожаю мою невѣстку, которая уѣзжаетъ сегодня въ Ораніенбаумъ“. —И онъ спро-

силъ графа, видѣлъ ли онъ судно, предназначенное для путешествія ея императорскаго высочества. Зная, что его величество, изъ вниманія къ великой княгинѣ, велѣлъ отдѣлать это судно со всевозможными удобствами и роскошью, графъ Ш***, осмотрѣвшій его раньше вмѣстѣ со мной во всѣхъ подробностяхъ, лестно отозвался о немъ. Государь, боявшійся для великой княгини послѣдствій морского путешествія, съ живостью отвѣтилъ: „Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы облегчить ей путешествіе, но я не могу охранить ее отъ морской болѣзни". Это судно, только что отстроенное, вмѣщало восемьдесятъ пушекъ и восемьсотъ человѣкъ. Покои ея императорскаго высочества, состоявшіе изъ семи комнатъ и часовни, были меблированы и отдѣланы очень изящно,—зеленой шелковой матеріей. На мосту была устроена палатка, гдѣ собирались слушать гвардейскую музыку. Словомъ, были приняты всѣ мѣры, чтобы способствовать пріятности морского путешествія. Избранный, чтобы везти ея высочество, капитанъ, сдѣлавшій кругосвѣтное путешествіе, признался намъ, что онъ предпочелъ бы дважды объѣхать свѣтъ, чѣмъ брать на себя порученіе, безъ сомнѣнія, очень почетное, но весьма отвѣтственное.

Дворъ уѣхалъ изъ Петергофа послѣ недѣльнаго пребыванія. Императрица-мать отправилась въ Елагинскій дворецъ, государь—въ Петербургъ. Я получила записку отъ его величества, который соблаговолилъ написать мнѣ, чтобы условиться относительно дня крестинъ. Церемонія назначена была на воскресенье, 22-го августа стараго стиля.

Александръ пріѣхалъ въ два часа пополудни. Онъ приласкалъ своего счастливаго крестника, нѣсколько разъ поцѣловалъ его и сказалъ мнѣ во время крестинъ: „Не безпокойтесь за меня, я въ этомъ дѣлѣ не новичекъ". Крестины продолжились дольше обыкновеннаго, такъ какъ аббатъ Локманъ (на-

стоятель церкви Мальтійскаго ордена) счелъ нужнымъ произносить молитвы по-латыни и по-французски; онъ закончилъ церемонію краснорѣчивымъ воззваніемъ къ крестному отцу и къ родителямъ, убѣждая ихъ воспитывать ребенка въ тѣхъ религіозныхъ взглядахъ, которые помогутъ ему сохранить дары, полученные имъ при крещеніи. Государь, улыбаясь, смотрѣлъ на меня въ критическія для ребенка минуты. Впрочемъ, сынъ мой очень хорошо выдержалъ испытанія соли и воды, ибо вниманіе его было отвлечено богатымъ костюмомъ аббата и діакона, украшеніями алтаря, зажженными среди бѣлаго дня свѣчами.

Послѣ погруженія въ воду, государь самъ вытеръ длинныя вьющіяся кудри неофита и въ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словахъ поблагодарилъ аббата Локмана. Замѣтивъ, что графъ Ш*** удалился сейчасъ же послѣ церемоніи, Александръ тотчасъ пошелъ за нимъ, милостиво говоря, что это ни на что не похоже, что графъ Ш*** не остался у себя, и, заставивъ его вернуться въ гостиную, потребовалъ, чтобы онъ сѣлъ въ его присутствіи.

Разговоръ вскорѣ коснулся политики. Государь неодобрительно отозвался о перемѣнѣ министерства во Франціи, въ значительной степени приписывая его вліянію извѣстной дамы. Выразивъ свое сожалѣніе по поводу отставки Шатобріана, государь сдѣлалъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній относительно мелочныхъ финансовыхъ взглядовъ (онъ такъ выразился) одного французскаго министра и г. Каннинга, которому, онъ тоже не придавалъ значенія *). Государь милостиво предложилъ намъ

*) Графиня Шуазель, вѣроятно, хотѣла сказать, что государь не любилъ Каннинга... потому что не придавать ему значенія— было бы слишкомъ большой ошибкой, даже принимая во вниманіе всевозможныя различія въ политическихъ взглядахъ. (Прим. французскаго издателя.)

вернуться въ наше помѣщеніе въ Царскомъ Селѣ до его отъѣзда въ Сибирь. „Быть можетъ, прибавилъ государь, „я могу надѣяться, что вы останетесь здѣсь до моего возвращенія и проведете зиму въ Петербургѣ?“—Выразивъ нашу глубокую признательность за столь любезное приглашеніе, мы принуждены были отвѣтить, что дѣла графа Ш*** и, въ особенности его служебный долгъ, требовали возвращенія его во Францію. Государь коснулся болѣзни Людовика XVIII,—болѣзни настолько серьезной, что опасались за его жизнь. „Я, однако, надѣюсь“, прибавилъ Александръ, „что воцареніе новаго короля во всякомъ случаѣ не вызоветъ смутъ во Франціи; братъ короля любимъ въ странѣ, и онъ сумѣетъ проявить должную твердость“. Я показала государю присланное мнѣ матерью кольцо, съ выгравированнымъ на бирюзѣ изображеніемъ Александра, и прибавила, что она не могла бы придумать для меня болѣе пріятнаго подарка. Государь нашелъ портретъ похожимъ и сказалъ, что онъ очень благодаренъ моей матери, такъ какъ кольцо это сохранитъ его въ моемъ воспоминаніи; и онъ поручилъ мнѣ передать ей свой привѣтъ.

Когда государь сѣлъ въ коляску, толпа народа огласила улицу радостными криками ура, вызванными, какъ всегда, присутствіемъ возлюбленнаго монарха. Государь черезъ два мѣсяца долженъ былъ предпринять путешествіе въ семь тысячъ верстъ для осмотра въ Сибири Уральскихъ горъ, гдѣ недавно были открыты очень богатые золотые пріиски. Государь не былъ знакомъ съ этой частью имперіи и предполагалъ посѣтить всѣ мѣстности своего государства, дабы лично составить себѣ понятіе о благосостояніи своихъ подданныхъ, о средствахъ поощренія національной промышленности, содѣйствія торговлѣ посредствомъ проведенія новыхъ дорогъ, каналовъ и т. д. Всѣ стремленія этого великаго госу-

даря, всѣ его труды, ночныя бдѣнія, клонились къ одной лишь цѣли,—къ счастью пятидесяти милліоновъ людей.

Накануне отъѣзда государя я сошла рано утромъ въ паркъ, чтобы посмотрѣть на его виды съ башни рыцарей. Вскорѣ я увидѣла подходившаго съ другой стороны государя, который взошелъ на платформу башни. Я поспѣшила взять свой портфель и удалиться; но государь послѣдовалъ за мной въ рощу, говоря, что я такъ скоро бѣгу, что онъ едва можетъ догнать меня. Я извинилась, высказавъ опасеніе, что обезпокоила его величество. Государь сказалъ мнѣ, чтобы я отгадала, въ которомъ часу онъ всталъ. „Въ четыре часа", отвѣчала я. „Нѣтъ, въ половинѣ четвертаго", возразилъ Александръ. „Я заваленъ работой", продолжалъ онъ. „Въ эту пору я каждый годъ предпринимаю путешествіе по имперіи, —и что же! каждый годъ всѣ спѣшатъ покончить всѣ свои дѣла со мной, какъ будто мнѣ уже не предстоитъ вернуться". Какое знаменательное слово! Это было предчувствіе. Черезъ годъ, въ ту же пору, Александръ предпринялъ новое путешествіе... Изъ него онъ уже не вернулся!

Я спросила государя, зная, что рана на ногѣ его еще открыта,—не пострадаетъ ли его здоровье отъ такого длиннаго путешествія. „Нѣтъ", сказалъ онъ, „настоящая пора очень благопріятна для путешествія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сейчасъ нѣтъ дождей, а бываютъ легкіе морозы». Затѣмъ, государь сказалъ мнѣ, что моя просьба относительно займа удовлетворена; въ то же время онъ высказалъ сожалѣніе, что не можетъ исполнить другую мою просьбу. Старшій сынъ графа Ш***, служившій въ Россіи съ ранней юности, вѣрнѣе —съ дѣтства, очень желалъ получить мѣсто адъютанта при его величествѣ и просилъ меня походатайствовать за него. Мнѣ очень хотѣлось устроить это дѣло, и не зная насколько оно трудно, я употребила всѣ средства, чтобы достигнуть

желанной цѣли. „Я принужденъ“, сказалъ государь, „отвѣтить вамъ откровенно, какъ лицу, которое я люблю и уважаю. Я не могу дать молодому человѣку, который до сихъ поръ не былъ на дѣйствительной службѣ, мѣсто, считающееся наградой за многолѣтнюю службу“. —Я напомнила объ одиннадцати годахъ службы моего пасынка. „Одиннадцать лѣтъ“, возразилъ Александръ,—„много ли это въ сравненіи со службой столькихъ заслуженныхъ офицеровъ въ Польшѣ,—полковниковъ, считающихъ лѣтъ двадцать службы, и какой службы? вѣчно на войнѣ, въ ранахъ и т. д. Всѣ они стремятся получить это мѣсто; потому я по справедливости не могу дать его этому молодому человѣку. Поставьте себя на мое мѣсто; нанести имъ такую обиду...“

Я умоляла его величество стать на мгновеніе на мое мѣсто и простить меня, если я обратилась къ нему съ неумѣстной просьбой. „Никакая ваша просьба“, сказалъ онъ, „не можетъ быть неумѣстной по отношенію ко мнѣ“. И онъ удалился, сказавъ, что онъ навѣститъ меня въ часъ пополудни. Войдя ко мнѣ, государь вторично извинился, что отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ. Я воспользовалась этимъ, чтобы попросить его вспомнить при другомъ случаѣ о молодомъ человѣкѣ, за усердіе котораго на службѣ его величества я ручаюсь. По этому поводу государь обратился ко мнѣ съ нѣсколькими вопросами, доказывавшими его искреннее участіе. Затѣмъ Александръ соблаговолилъ одобрительно отозваться о моихъ сочиненіяхъ; и мнѣ очень хотѣлось отвѣтить ему, что я слишкомъ высокаго понятія о его времяпрепровожденіи, чтобы повѣрить, что онъ тратитъ время на чтеніе такихъ пустяковъ.

Я разсказала государю про маленькую литературную войну, которая изъ-за него случилась у меня по поводу сочиненія,

озаглавленнаго „Воспоминаніе французскаго плѣнника“. Эта подробность, кажется, позабавила его.

Когда Александръ говорилъ о своихъ путешествіяхъ, я сказала ему, что потребуется болѣе года, чтобы объѣхать его государство черезъ Камчатку; и что намедни графъ Ш*** и я строили фантастическіе планы завоеванія его величествомъ Китая, ради округленія имперіи. По правдѣ сказать, я заговорила объ этомъ слишкомъ издалека,—чтобы коснуться бѣдной Греціи, о которой уже всѣ позабыли.

„О, моя имперія и такъ черезчуръ кругла“, отвѣтилъ государь, „и ваша мысль очень неполитична. Россія и такъ слишкомъ обширна: большія разстоянія между губерніями замедляютъ сообщеніе. Условія эти тормозятъ укрѣпленіе общаго порядка, который сильно отъ нихъ страдаетъ“. Государь заговорилъ затѣмъ о революціи, только что разразившейся въ Португаліи. Я позволила себѣ замѣтить, что движеніе это нельзя не приписать англійской политикѣ. Государь ничего не отвѣтилъ, но сдѣлалъ утвердительный знакъ головой. Во время разговора сынъ мой, находившійся въ галлереѣ, каждую минуту пріотворялъ дверь гостиной и убѣгалъ, какъ только я звала его. Государь увѣрялъ, что малышъ съ нетерпѣніемъ ждетъ его ухода, чтобы одному пользоваться обществомъ своей мамы. Я пошла за нимъ и поставила его на столъ около его величества, который поцѣловалъ его и убѣждалъ меня дать ему развиваться на свободѣ, не прибѣгая къ какимъ-либо принужденіямъ. Бѣдный государь! Какъ онъ любилъ дѣтей и какъ онъ былъ бы счастливъ, если бъ его собственныя дѣти остались въ живыхъ! *) Я не преминула съ благодарностью упомянуть о милостивомъ отношеніи ко мнѣ

*) У императрицы Елизаветы были двѣ дочери, которыя обѣ умерли, когда у нихъ прорѣзывались зубы.

ихъ императорскихъ величествъ и сказала, что я вижу въ этомъ новое доказательство благосклонной снисходительности ко мнѣ его величества. „Вы всѣмъ обязаны лишь самой себѣ“‘ отвѣчалъ государь“: императрицы, прежде чѣмъ видѣть васъ, уже знали васъ съ самой хорошей стороны.

У меня на столѣ стоялъ огромный ананасъ, присланный мнѣ государемъ, который ежедневно посылалъ знакомымъ дамамъ въ Царскомъ Селѣ корзинки со всякаго рода фруктами,—съ персиками, абрикосами, мускатнымъ виноградомъ и т. д. Говоря о красотѣ теплицъ ея императорскаго величества и особенной любви къ цвѣтамъ императрицы-матери, я прибавила, что ея величество воспитываетъ юныя растенія гораздо болѣе интересныя, чѣмъ прекраснѣйшіе цвѣты въ ея садахъ.

Александръ понялъ мою мысль и отвѣтилъ, что основанныя императрицей воспитательныя заведенія для дѣвицъ имѣли громадное вліяніе на исправленіе нравовъ и принесли огромную пользу всѣмъ классамъ петербургскаго общества. Государь обожалъ свою августѣйшую мать; впрочемъ, онъ питалъ самую нѣжную и дѣятельную любовь ко всѣмъ членамъ императорской семьи, въ особенности, къ своимъ братьямъ, и старался предупреждать всѣ ихъ желанія; въ свою очередь, императорская семья обожала его.

Государь разстался со мной, отправляясь обѣдать въ Павловскъ, къ императрицѣ-матери. Прощаясь со мной, онъ сказалъ: „Теперь вы возвращаетесь во Францію; когда же мы можемъ надѣяться вновь увидѣть васъ? Вы теперь убѣдились, что путешествіе въ Петербургъ—это пустяки». —Зная, что его величество предполагаетъ быть въ будущемъ году въ Варшавѣ, я отвѣтила, что употреблю всѣ старанія, чтобы пріѣхать въ это же время въ Варшаву и имѣть счастье привѣтствовать его величество. Онъ, повидимому, остался доволенъ отвѣтомъ. Го-

сударь,—особенно въ то время,—не любилъ разставаться съ людьми, къ которымъ онъ относился благосклонно, — съ мыслью, что онъ уже больше не увидитъ ихъ. Это имѣло связь съ словами, которыя онъ сказалъ мнѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ: *„Когда я уѣзжаю, всѣ думаютъ, что я уже больше не вернусь“*. Я хотѣла поцѣловать у него руку въ ту минуту, какъ онъ удостоилъ протянуть мнѣ ее, но онъ поспѣшно отдернулъ руку, говоря, что мы—такіе старые друзья, что можемъ поцѣловаться.

Я проводила государя до галлереи, выражая ему пожеланія счастья, о которомъ я постоянно молилась. При словѣ „счастье“, Александръ сдѣлалъ движеніе, какъ будто онъ въ него уже не вѣрилъ; печальное выраженіе его болѣзненно поразило мое сердце и никогда не изгладится изъ моего воспоминанія... Онъ удалился... и мнѣ уже не суждено было еще разъ увидѣть его!

Нѣтъ сомнѣнія,—и многіе это подтвердили, что у Александра задолго до смерти были роковыя предчувствія. *) Въ то время графъ Ш*** и я, приписали проскользнувшее у него выраженіе грусти—горю, которое его величество только что испыталъ, горю, которое его великая душа старалась превозмочь, т. е. скрыть наружныя его проявленія, но которое, тѣмъ не менѣе, тяжко легло на его сердцѣ: онъ только что потерялъ свою дочь,—дочь, не признанную имъ, которая носила имя своей матери... Эту привлекательную молодую особу сем-

---

*) Это особенно рѣзко проявилось передъ послѣднимъ роковымъ путешествіемъ его въ Таганрогъ. Говорятъ, государь такъ былъ разстроенъ, прощаясь съ семьей, съ дворомъ, что не могъ сдержать своихъ чувствъ. При выѣздѣ изъ Петербурга онъ велѣлъ остановить карету и обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на этотъ чудный городъ; и грустный взоръ его, казалось, посылалъ мѣсту его рожденія — послѣднее, печальное прости.

надцати лѣтъ привезли въ чахоткѣ изъ Парижа въ Петербургъ, —наперекоръ мнѣнію докторовъ и по совѣту нѣсколькихъ шарлатановъ-магнетизеровъ, предсказавшихъ ей долгую жизнь, здоровье и замужество. Уже умирающая, она была обручена съ графомъ С***, который магнетизировалъ ее сосогласно указаніямъ парижскихъ ясновидящихъ. Когда прибыло заказанное въ Парижѣ великолѣпное приданое (стоившее 400,000 франковъ), юной невѣсты уже не было въ живыхъ.

Похоронныя принадлежности, надгробный вѣнокъ—замѣнили блестящіе туалеты и вѣнецъ, предназначенные для брачнаго торжества... Государь узналъ объ этомъ печальномъ событіи во время парада. Онъ сразу страшно поблѣднѣлъ; однако, онъ имѣлъ мужество не прерывать занятій и только обмолвился знаменательной фразой: „Я наказанъ за всѣ мои прегрѣшенія".

Кто же утѣшалъ Александра въ этомъ горѣ? Утѣшителемъ его явился ангелъ—Елизавета!.. Удрученная потерей собственныхъ дѣтей, она полюбила эту молодую дѣвушку; и когда, гуляя, императрица случайно встрѣчала ее еще ребенкомъ, она прижимала ее къ своей груди и въ дѣтскихъ чертахъ ея печально старалась отыскать сходство съ тѣмъ, кого она обожала. По возвращеніи государя изъ поѣздки въ военныя поселенія одна знакомая ему дама спросила, хорошо ли его величество чувствуетъ себя послѣ этого путешествія. „Да", отвѣчалъ государь: „тѣломъ я здоровъ; но что касается духовнаго моего состоянія, я все страдаю, и горе мое тѣмъ сильнѣе, что я не могу проявлять его". При этихъ словахъ глаза его наполнились слезами, которыя онъ поспѣшилъ отереть. Государь часто одинъ отправлялся на могилу дочери. Онъ воздвигъ ей памятникъ въ церкви св. Сергія, въ Петербургѣ.

Наканунѣ отъѣзда его величества генералъ Уваровъ при-

несъ мнѣ отъ имени своего августѣйшаго повелителя великолѣпную брилліантовую брошь. Я сказала, что государь, безъ сомнѣнія, забылъ, что онъ уже сдѣлалъ мнѣ подарокъ по случаю крестинъ, поэтому я не считаю возможнымъ принять этотъ даръ. Но генералъ увѣдомилъ меня, что мой отказъ вызоветъ неудовольствіе государя. Я не посмѣла больше настаивать. Въ этотъ день передъ моимъ отъѣздомъ изъ Царскаго Села императрица Елизавета дала мнѣ прощальную аудіенцію. Государыня приняла меня съ обычной своей мягкой привѣтливостью; она такъ умѣла соединять въ бесѣдѣ достоинство царицы съ обаяніемъ умной женщины! Говоря со мной, она коснулась путешествія государя, и голосъ ея принялъ, какъ мнѣ показалось, еще болѣе мягкую интонацію, когда она говорила: „Надѣюсь, что это путешествіе принесетъ пользу государю“.—Свиданіе это было короче предшествовавшаго, такъ какъ императрица принимала также въ этотъ день министровъ и свиту Александра. „Надѣюсь“, сказала государыня, „что ваши дѣла или семейныя отношенія побудятъ васъ вскорѣ возвратиться въ наши края“. Затѣмъ, по своей чрезвычайной добротѣ, она соблаговолила выразить сожалѣніе, что я уѣзжаю. Когда Елизавета встала, я умоляла ее *прогнать* меня, такъ какъ сама я была не въ силахъ оставить ее, я сказала, что почтительная привязанность, которую я испытываю къ ней, перешла ко мнѣ по наслѣдству отъ моей тетушки, княгини Радзивиллъ, и что я сохраню ее во всю мою жизнь. Елизавета выразила мнѣ сожалѣніе по поводу кончины тетушки: „Она была такая добрая“, сказала она, „такая милая!“ Государыня ни разу не дозволила мнѣ поцѣловать у нея руку, хотя я говорила, что мною руководитъ столько же привязанность къ ней, какъ и уваженіе, и она повелѣла мнѣ поцѣловать ее. Я уже не надѣялась еще разъ увидѣть это ангельское существо, когда на слѣдующій день, черезъ часъ послѣ

отъѣзда государя, оставившаго Царское Село въ шесть часовъ утра, мы увидѣли, гуляя съ графомъ Ш*** по большой аллеѣ, даму, легко одѣтую, несмотря на свѣжую погоду, изящную и покрытую вуалью. Она шла съ дамой, которую я тоже не узнала. Графъ Ш*** сказалъ мнѣ: „Это императрица Елизавета!"—„О нѣтъ!" возразила я, „вы знаете, что она въ этотъ часъ никогда не гуляетъ, особенно пѣшкомъ". Я едва договорила эти слова, какъ дама направилась къ намъ, и когда она подняла вуаль, я узнала государыню. Она соблаговолила вновь обратиться къ намъ съ милостивыми словами и сказала графу Ш***, что она очень рада случаю проститься съ нимъ; при этомъ государыня выразила сожалѣніе, что мы не можемъ продолжить наше пребываніе въ Царскомъ Селѣ. Говоря объ отъѣздѣ государя, она сказала: „Сегодня погода болѣе сносная; но вчерашній день былъ ужасенъ". (Въ тотъ день дождь шелъ безпрерывно). Увѣряли, что императрица Елизавета уже не любила Александра; но я убѣждена въ обратномъ. Нѣсколько вырвавшихся у нея словъ, ея голосъ, звучавшій особенно нѣжно, когда она говорила о немъ,—все доказывало мнѣ, что я не ошибаюсь. Притомъ было такъ много чувства въ столь простыхъ словахъ ея: *„Вчерашній день былъ ужасенъ"*.,. Елизавета думала о слѣдующемъ днѣ!| Наконецъ, смерть Елизаветы доказала, что она никогда не переставала любить Александра, такъ какъ она не могла пережить его, и что всѣ ея надежды, такъ же какъ и единственное желаніе, заключались въ томъ, чтобы соединиться съ ангеломъ, котораго она оплакивала.

ГЛАВА XXIX.

Нѣкоторыя новыя подробности объ императрицѣ-матери: ея любовь къ литературѣ и искусствамъ; ея учрежденія.

Печальна была послѣдняя моя прогулка въ паркѣ Царскаго Села. Хотя было довольно тепло, небо было облачное. Эти прекрасныя мѣста, которыя я уже не надѣялась болѣе увидѣть, казалось, приняли унылый, печальный и пустынный видъ со времени отъѣзда своего очаровательнаго волшебника; и всегда печальное приближенiе осени являлось какъ бы трауромъ по случаю его отсутствiя. Подымая упавшiй на землю осеннiй листъ, я вспомнила стихи Делилля:

„De moment en moment la feuille sur la terre
„Interrompt en tombant le rêveur solitaire". *)

Я навсегда сохранила этотъ листъ въ моей записной книжкѣ. Въ эту минуту я перебирала въ умѣ, съ чувствомъ глубокой благодарности, многочисленныя проявленiя участiя и благожелательности, которыми императоръ Александръ почтилъ меня за тѣ двѣнадцать лѣтъ, что я имѣла счастье знать его; чувства столь дружескiя, которыя, какъ онъ самъ говорилъ, не измѣнило ни время, ни отсутствiе; чувства столь рѣдкiя даже

---

*) „Время отъ времени падающiй на землю листъ
„Прерываетъ мою уединенную мечту".

въ средѣ равныхъ и родныхъ. Этотъ великій государь, ничѣмъ мнѣ не обязанный, для котораго я была ничто, между тѣмъ осчастливилъ меня своей августѣйшей дружбой. Призывая на него всѣ небесныя благословенія, я съ грустью говорила себѣ: „Этотъ ангелъ, такъ умѣющій сочувствовать горю ближняго (ибо не было въ Петербургѣ семьи въ горѣ, гдѣ бы онъ не появился со словами мира, утѣшенія, сострадания и т. д.), —этотъ ангелъ, составляющій счастье всѣхъ окружающихъ, самъ не наслаждается счастьемъ. Онъ былъ отцомъ и потерялъ свою дочь, и не смѣетъ оплакивать ее! оплакивать дочь, единственное утѣшеніе въ старости, теперь еще весьма отдаленной, но которая когда-нибудь застигнетъ его въ одиночествѣ, безъ отрадныхъ родственныхъ связей“. Въ то время я не предчувствовала, что дни его сочтены, и что роковой конецъ такъ близокъ; но я была невольно взволнована его грустнымъ видомъ при нашемъ послѣднемъ прощаніи, и впечатлѣніе это не покидало меня.

Когда, въ день моего отъѣзда изъ Царскаго Села, я обратилась къ императрицѣ-матери съ просьбой о прощальной аудіенціи, государыня пригласила насъ съ графомъ Ш*** къ своему столу въ Павловскѣ. Прежде чѣмъ отправиться къ ея величеству, я зашла къ почтенной добрѣйшей княгинѣ Ливенъ, воспитавшей всю императорскую семью, которую она обожала, и о которой мы съ ней бесѣдовали все время, пока были вмѣстѣ. Я смѣю утверждать, что въ эту минуту сердца наши бились въ унисонъ. Я послѣдовала за княгиней въ гостиную и вскорѣ въ кругу, гдѣ я сидѣла, государыня соблаговолила обратиться ко мнѣ съ любезнымъ упрекомъ, говоря, что это очень нехорошо, что я такъ скоро уѣзжаю. За обѣдомъ государыня жаловалась на плохую погоду въ этомъ году и прибавила: „А что думаетъ о нашемъ климатѣ графиня Шуазель?“—Если бъ я сидѣла ближе къ государынѣ, я бы позво-

лила себѣ замѣтить, что при видѣ обилія украшавшихъ столъ чудныхъ фруктовъ трудно повѣрить, что не находишься въ самомъ прекрасномъ климатѣ міра. Выходя изъ-за стола, ея величество подозвала къ себѣ графа Ш*** и меня, чтобы полюбоваться въ большое окно изъ цѣльнаго стекла прелестнымъ видомъ въ паркъ и водопадомъ на искусственныхъ скалахъ, украшенныхъ развалинами. Падающая съ высоты этихъ скалъ вода теряется въ прозрачномъ озерѣ, окруженномъ группами деревьевъ, среди которыхъ открываются виды на церковь, деревни и т. д. Императрица сказала графу Ш***: „Вашъ отецъ очень любилъ эту гостиную и этотъ видъ; онъ часто бывалъ здѣсь при его величествѣ покойномъ императорѣ Павлѣ“.—Она повторила эти послѣднія слова проникновеннымъ тономъ. Эта достойная государыня сохранила благочестивую и нѣжную память о своемъ несчастномъ августѣйшемъ супругѣ. Каждый годъ, въ день его смерти, она запирается въ склепѣ, гдѣ хранятся останки Павла I, чтобы помолиться и вознести къ Богу свои слезы.—Затѣмъ государыня взяла подъ руку княгиню Ливенъ и въ сопровожденіи всей свиты прошла въ библіотеку, находившуюся въ прелестной, недавно сооруженной галлереѣ, прекрасно освѣщенной и снабженной стеклянными шкапами, въ которыхъ заключались великолѣпнѣйшія изданія. Длинный столъ изъ краснаго дерева былъ уставленъ картонами, ящиками, рисунками. Подъ окнами, въ столахъ со стеклянными витринами, я замѣтила коллекцію гравированныхъ камней и, зная, что ея величество обладаетъ столь рѣдкимъ для ея пола талантомъ прекрасно гравировать на камнѣ, я хотѣла спросить (но я на это не рѣшилась), нѣтъ ли среди древнихъ шедевровъ также и современныхъ произведеній...

Государыня сказала, что ей очень пріятно показать намъ свою библіотеку, только что приведенную въ порядокъ; она

милостиво прибавила по адресу графа Ш***, что онъ найдетъ въ этой библіотекѣ сочиненіе своего отца „Живописное путешествіе по Греціи“; затѣмъ, внезапно обратившись ко мнѣ, и къ великому моему смущенію, государыня сказала, что въ библіотекѣ имѣются мои два романа, что она ожидаетъ третьяго, который, какъ ей говорили, уже начатъ... Какъ я ни протестовала, государыня на этомъ настаивала, смѣясь со мной по поводу особой чести, оказываемой моимъ скромнымъ писаніямъ. Затѣмъ ея величество пригласила насъ полюбоваться чудными коллекціями всевозможныхъ великолѣпныхъ гравюръ, вюртембергскихъ литографій, такихъ прекрасныхъ и хорошо исполненныхъ, что мнѣ пришлось согласиться съ государыней и признать ихъ преимущество надъ парижскими литографіями. Она показала намъ также англійскія гравюры, раскрашенныя съ совершенствомъ, приближающимъ ихъ къ миніатюрамъ. Удаляясь въ свои покои и принимая наши почтительныя прощальныя привѣтствія, государыня милостиво сказала намъ, что она желаетъ, чтобы мы сохранили пріятное воспоминаніе о Павловскѣ. Столь отрадныя минуты, проведенныя тамъ въ ея августѣйшемъ присутствіи, никогда не изгладятся изъ моей памяти, ибо воспоминаніе о нихъ сохраняется въ моемъ сердцѣ. Я осмѣлилась умолять ея величество дозволить мнѣ осмотрѣть передъ отъѣздомъ благотворительныя учрежденія Петербурга. Она соблаговолила дать свое согласіе и обѣщала сдѣлать распоряженіе, чтобы меня приняли въ Екатерининскомъ институтѣ и въ Смольномъ монастырѣ. Распорядокъ дня государыни весьма замѣчателенъ: кромѣ времени, посвящаемаго ею искусствамъ, она постоянно руководитъ благотворительными учрежденіями и слѣдитъ за всѣмъ, что ихъ касается. Когда заболѣла баронесса Адлербергъ, очень почтенная особа, начальница Смольнаго монастыря, пользующаяся довѣріемъ ея величества, государыня тотчасъ отправилась въ Смольный, чтобы замѣ-

нить ее.—Прежде всего я посѣтила Екатерининскій институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Молодыя особы, въ изящномъ, но простомъ костюмѣ, однѣ въ коричневыхъ, другія въ зеленыхъ платьяхъ, съ прекрасными манерами, изящно кланяющіяся,—всѣ находились въ классахъ (учителя и учительницы были всѣ на своихъ мѣстахъ); ихъ поочереди спрашивали по исторіи, географіи, по начальной физикѣ, реторикѣ, философіи и т. д. Мнѣ очень забавно было слушать, какъ маленькая десятилѣтняя барышня разсказывала объ Аристотелѣ. Мнѣ очень понравился методъ преподаванія для развитія памяти этихъ молодыхъ особъ. Всѣ экзамены прошли прекрасно. На полезныя для женщинъ занятія обращается тамъ столько же вниманія, какъ на искусства и ученіе: мнѣ показали прекрасныя ручныя вышивки. Дортуары и рекреаціонныя залы—все тамъ блистало чистотой или сверкало бѣлизной. Я присутствовала на обѣдѣ воспитанницъ всѣхъ классовъ, которому предшествовала молитва; послѣдняя, спѣтая столь юными и столь чистыми голосами, воздававшими бдагодаренія Богу за его благодѣянія, показалась мнѣ такъ же трогательной, какъ и гармоничной. Смольный монастырь гораздо обширнѣе Екатерининскаго института: число находящихся тамъ въ то время воспитанницъ, дворянокъ и мѣщанокъ вмѣстѣ, простиралось до четырехсотъ шестидесяти. Баронесса Адлербергъ, несмотря на свое недомоганіе, любезно приняла меня и поручила помощницѣ начальницы показать мнѣ учрежденіе. Я пріѣхала слишкомъ поздно, чтобы присутствовать на экзаменахъ; но мнѣ предложили осмотрѣть классы. Форма здѣсь такая же, какъ и въ Екатерининскомъ институтѣ. Меня провели корридоромъ, который служитъ для прогулокъ зимой; въ немъ тысяча шаговъ въ длину, и онъ натертъ воскомъ. Зданія красивы и хорошо содержатся; отсюда можно любоваться чуднымъ видомъ на Неву и на Таврическій дворецъ. Въ то время, какъ я осматри-

вала дортуары и рекреаціонныя залы, воспитанницы всѣхъ классовъ перешли въ столовую: я, по-истинѣ, была поражена зрѣлищемъ, которое представили мнѣ эти четыреста молодыхъ особъ, одинаково одѣтыхъ, большинство хорошенькія, стоявшія кругомъ столовъ, расположенныхъ въ формѣ подковы, вдоль громаднаго сводчатаго зала... Послѣ молитвы всѣ сѣли за столъ; у каждаго класса свой столъ, во главѣ котораго своя наставница. Мнѣ предложили отвѣдать обѣдъ, состоявшій изъ очень питательнаго супа, пирожковъ, говядины и блюда изъ овощей. По мѣрѣ того, какъ я проходила вдоль столовъ, воспитанницы вѣжливо вставали; я просила начальницу сказать, чтобы онѣ не безпокоились, но когда я уходила, онѣ всѣ вмѣстѣ встали, чтобы поклониться мнѣ. Я зашла къ г-жѣ Адлербергъ выразить ей мое восхищеніе; она обѣщала повергнуть къ стопамъ ея величества мои почтительныя привѣтствія. Всѣ эти молодыя особы обожаютъ императрицу, какъ ангела хранителя. Прибытіе ея является всегда праздникомъ для монастыря; онѣ бросаются навстрѣчу государыни, окружаютъ ее, какъ дѣти, вновь встрѣчающіяся съ любимой матерью; и она, на самомъ дѣлѣ, мать для нихъ, ибо она занимается всѣмъ, что можетъ обезпечить имъ счастье въ этомъ мірѣ и въ будущемъ. Я очень сожалѣла, что не успѣла посѣтить другое учрежденіе, созданное императрицей-матерью для бѣдныхъ солдатскихъ дочерей. Ихъ обучаютъ чтенію, письму, счету, всѣмъ работамъ, свойственныхъ ихъ полу, и когда обученіе ихъ закончено, имъ помогаютъ выйти замужъ или найти мѣсто. Госпиталь для инвалидовъ явился бы учрежденіемъ достойнымъ какъ величія и щедрости русскаго государя, такъ и военной славы столь могущественной имперіи; къ несчастью, еще не собраны средства, необходимыя для подобнаго учрежденія.

ГЛАВА XXX.

Картина наводненія въ Петербургѣ. Отзывчивость Александра. Путешествіе государя въ Таганрогъ. Его кончина. Заключеніе.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхала изъ Петербурга. Александръ прибылъ въ столицу довольный путешествіемъ, счастливый вернуться въ столь дорогую ему семью, къ которой присоединились его двѣ августѣйшія сестры. Въ это то время разразились ужасныя бѣдствія петербургскаго наводненія. Подъ напоромъ морскихъ волнъ и бурнаго вѣтра Нева вышла изъ береговъ съ такой стремительностью, что въ одно мгновеніе часть города была затоплена; при этомъ нельзя было ни остановить, ни предупредить разлитія рѣки; при шумѣ бури и волнъ нельзя было даже слышать сигнальныхъ выстрѣловъ, которые давали въ крѣпости для предупрежденія жителей города объ опасности. Всѣ были застигнуты врасплохъ среди своихъ занятій непріятелемъ, которому ничто не могло противустоять. Рабочій за своимъ дѣломъ, купецъ въ своей лавкѣ, часовой на своемъ посту, множество лицъ, ѣздившихъ утромъ въ экипажахъ по своимъ дѣламъ,— всѣ стали жертвой наводненія. Нижніе этажи были затоплены, и въ нѣсколько часовъ вода поднялась въ нѣкоторыхъ кварталахъ на семнадцать футовъ. Кварталъ, гдѣ находился дворецъ, благодаря близости рѣки, подвергался наибольшей опас-

ности, и императорская яхта стояла наготовѣ, чтобы принять государя, который, удалившись съ своей августѣйшей семьей въ верхній этажъ дворца, принужденъ былъ созерцать бѣдствія народа, тогда какъ онъ готовъ былъ спасать его цѣною собственной жизни. Лодки съ гребцами проѣзжали по затопленнымъ улицамъ и спасали несчастныхъ, которые тонули, стараясь добраться до своихъ жилищъ. Одного часового отнесло теченіемъ съ его будкой до Зимняго дворца; увидѣвъ своего государя у окна, бѣдный солдатъ, который даже передъ лицомъ смерти не могъ забыть военную дисциплину, взялъ на караулъ... его удалось спасти... Надгробный крестъ, снесенный потокомъ съ кладбища по ту сторону рѣки, остановился напротивъ дворца, что было сочтено за роковое предзнаменованіе. Какъ только рѣка вновь вступила въ берега, государь тотчасъ самъ посѣтилъ мѣстности, наиболѣе пострадавшія отъ наводненія. Онъ затѣмъ тотчасъ пришелъ на помощь наиболѣе пострадавшимъ жителямъ, положеніе которыхъ въ эти первыя минуты было ужасное, такъ какъ соль продавалась до двадцати пяти франковъ за фунтъ. Мудрыя мѣры государя, чувствительность котораго не ограничилась слезами, вызванными зрѣлищемъ этихъ бѣдствій, вскорѣ возстановили порядокъ и спокойствіе и изгладили самые слѣды этого страшнаго, непредвидѣннаго несчастія.

Возвратившись въ томъ же году во Францію, передъ достопамятной коронаціей его величества Карла X, я получила письма отъ матери, сообщавшей о чести, выпавшей на долю Варшавы, осчастливленной въ то время присутствіемъ своего возлюбленнаго монарха. Александръ соблаговолилъ посѣтить мою мать, которая поблагодарила его за всѣ щедрыя милости его ко мнѣ во время моего пребыванія въ Петербургѣ. Государь освѣдомился, не повредилъ ли моему здоровью петербургскій климатъ. Онъ говорилъ съ ней также о своемъ крестникѣ;

сказалъ, что ребенокъ—хорошенькій и отлично велъ себя во время крестинъ; при этомъ моя мать воспользовалась случаемъ, чтобы показать его величеству одно изъ моихъ писемъ, гдѣ я приводила весьма удачное выраженіе моего сына. Кто-то сказалъ ему, когда онъ возвратился во Францію: „Не правда ли, какъ красивъ вашъ крестный отецъ?“ При чемъ ребенокъ тотчасъ добавилъ: „И какъ добръ!“ — Государь возразилъ на это, что онъ слишкомъ старъ, чтобъ быть красивымъ, и что слово ребенка болѣе правильно. Говоря съ моей матерью о княгинѣ Ловицъ, государь сказалъ: „Это ангелъ; у нея рѣдкій характеръ; мой братъ очень счастливъ“. Въ день рожденія его императорскаго высочества великаго князя Константина императоръ пожаловалъ княгинѣ орденъ Екатерины; онъ самъ надѣлъ на нее орденъ и просилъ княгиню предстать съ этимъ украшеніемъ передъ августѣйшимъ своимъ супругомъ. Въ день именинъ княгини онъ подарилъ ей великолѣпное жемчужное ожерелье. Казалось, здоровье государя въ его последнюю поѣздку въ Варшаву, т. е. въ іюнѣ 1825 года, было столь же цвѣтущее, какъ въ лучшіе его годы; а черезъ пять мѣсяцевъ его уже не стало! Никогда еще не бывалъ онъ столь милостивъ къ полякамъ: своей добротой по отношенію къ нимъ онъ какъ бы хотѣлъ превзойти самого себя. Онъ былъ доволенъ всѣми окружающими, всѣмъ, что онъ видѣлъ; сдѣланными въ городѣ усовершенствованіями, предпріятіями администраціи; онъ удивлялся, что при такихъ небольшихъ затратахъ было устроено нѣсколько фабрикъ, мостовая и т. д. Онъ хвалилъ, благодарилъ, раздавалъ вспомоществованія, милости, вникалъ во всѣ нужды... Сколько скорби и сожалѣній долженъ былъ онъ вызвать по себѣ благодаря своей несравненной добротѣ!..

Проѣзжая черезъ Литву, императоръ Александръ остановился въ Товіани, гдѣ онъ осыпалъ знаками своего благово-

ленія княгиню Р*** и ея мужа, унаслѣдовавшихъ это имѣніе послѣ смерти ихъ тетушки, – утрата, которая, повидимому, произвела впечатлѣніе на Александра. Онъ соблаговолилъ также вспомнить обо мнѣ въ Товіани.

Здоровье императрицы Елизаветы, за послѣднее время сильно пошатнувшееся, явилось мотивомъ рокового путешествія въ Таганрогъ. Трудно понять, какимъ образомъ и почему доктора сочли полезнымъ для грудной болѣзни климатъ этого города, расположеннаго на берегу моря и зимой подверженнаго очень холоднымъ вѣтрамъ?

Удвоивъ свою заботливость по отношенію къ жизни, которая, казалось, стала ему дороже съ тѣхъ поръ, какъ ей грозила смертельная опасность, государь пожелалъ сопровождать свою августѣйшую супругу въ Таганрогъ.

Тамъ-то, на окраинѣ ихъ имперіи, ждала ихъ неумолимая смерть, дабы одновременно поразить эти двѣ августѣйшія жертвы!

Успокоившись, благодаря временному улучшенію здоровья государыни, постоянно движимый своимъ добрымъ сердцемъ, стремившимся лишь къ счастью подданныхъ, Александръ предпринялъ это роковое путешествіе...

Подъ вліяніемъ глубокой меланхоліи государь часто поговаривалъ о томъ, чтобы удалиться въ Таганрогъ, который нравился ему по своему мѣстоположенію. Онъ не хотѣлъ слѣдовать предписаніямъ своего англійскаго доктора Вилье и лишь жаловался на страшное нервное разстройство. Увы! онъ пораженъ былъ въ сердце; онъ умиралъ, чтобы не наказывать неблагодарныхъ, мятежныхъ подданныхъ, ужасные замыслы которыхъ были ему извѣстны. Въ то время, какъ все вокругъ него вѣрило въ мнимое спокойствіе, не подозрѣвая объ опасности, грозившей Россіи и ея государю,—онъ, этотъ ангелъ, изнемогая подъ тягостью страшной тайны,—въ разгаръ

болѣзни и въ припадкѣ горя, проронилъ лишь слѣдующія слова: „О, чудовища, неблагодарныя,—я хотѣлъ лишь ихъ счастья!“ Слова эти явились какъ бы проблескомъ свѣта. Пересмотрѣли бумаги государя и открыли въ нихъ свѣдѣнія о преступномъ заговорѣ... Было уже слишкомъ поздно, ударъ достигъ своей цѣли, и вѣроломство заговорщиковъ, ихъ черная неблагодарность сослужили имъ, быть можетъ, лучшую службу, чѣмъ отцеубійственный кинжалъ!.. Одна лишь злоба убійцъ не нашла удовлетворенія!.. Его не стало!.. Слава, могущество, красота, изящество, привѣтливость, ангельская доброта,—все было разрушено, поглощено безпощадной смертью!.. Александръ разстался съ жизнью безъ сожалѣній: могъ ли онъ еще любить ее! Онъ исполнилъ религіозный долгъ съ покорностью, внушенной истиннымъ благочестіемъ и чистой совѣстью. Его послѣднія слова, когда онъ пожелалъ еще разъ бросить взглядъ на небо, которое, казалось, уже раскрывалось, чтобы принять его,—выражаютъ также безмятежность послѣднихъ его минутъ: „Какой прекрасный день!“ сказалъ государь, когда подняли сторы на окнахъ его спальной. Да, безъ сомнѣнія, то былъ прекрасный день,—онъ далъ ему безпредѣльное счастье, безсмертную славу. Но то былъ ужасный день для тѣхъ, кому предстояло пережить его, для несчастной Елизаветы, которая, принявъ послѣдній вздохъ, послѣдній взглядъ своего супруга, мечтала лишь объ одномъ,—послѣдовать за нимъ въ могилу, чтобы встрѣтиться съ нимъ на небесахъ!—„Нашъ ангелъ на небѣ“, писала она, „а я еще прозябаю на землѣ; но я надѣюсь вскорѣ соединиться съ нимъ»...

Какая ужасная вѣсть для матери, для августѣйшей государыни,—лишь благочестивая и сильная душа ея могла перенести такую потерю, такое горе! Успокоенная относительно драгоцѣнной жизни Александра первымъ письмомъ императрицы Елизаветы, несчастная мать, преисполнившись надежды

и радости, бросилась къ алтарямъ, чтобы воздать благодареніе Всѣвышнему, который, казалось, внялъ, наконецъ, мольбамъ пятидесяти милліоновъ людей, молившихъ Его о возвращеніи имъ ихъ государя, ихъ отца. Весь Петербургъ, опьяненный радостью по случаю прибытія курьера съ добрыми вѣстями и запечатлѣвъ на память каждое слово трогательнаго посланія своей возлюбленной государыни, толпами направился въ церкви... Не кончился еще молебенъ, какъ великій князь Николай получилъ послѣднюю роковую вѣсть.. Онъ вернулся въ соборъ, гдѣ всѣ были поражены измѣнившимся его лицомъ, на которое горе наложило свою печать. Не имѣя духа нанести столь ужасный ударъ сердцу матери, онъ рѣшилъ, что одна религія будетъ въ состояніи смягчить его. Митрополитъ направился къ государынѣ, держа въ дрожащихъ рукахъ крестъ, накрытый чернымъ крепомъ. При видѣ медленно и торжественно выступавшаго священнослужителя, съ вѣчнымъ символомъ страданія въ рукахъ, несчастная мать поняла постигшее ее горе и, подобно Богоматери, упала безъ чувствъ у подножія распятія, знаменовавшаго ей собственную ея утрату... Какая горестная картина и какой сюжетъ для великаго художника! Внутренность великолѣпнаго Казанскаго собора, сверкающаго золотомъ и огнями; облаченный въ богатыя ризы священнослужитель, отражающій во всѣхъ своихъ чертахъ безмолвное невыразимое горе; величественная государыня—столь нѣжная мать, проявляющая на своемъ лицѣ внезапный переходъ отъ радости къ горю; великій князь Николай, удрученный собственнымъ горемъ и, въ то же время, тревогой за любимую мать; группы присутствующихъ, отражающихъ на своихъ лицахъ сомнѣніе, надежду и страхъ; таинственный свѣтъ алтаря, рядомъ съ мрачнымъ блескомъ свѣчей и лампадъ; ладанъ, еще курящійся у подножія алтаря; богослуженіе, переходящее отъ радостнаго молебна къ печальной панихидѣ,—ка-

кой сюжетъ для новаго Рафаэля! Какой матеріалъ для новаго шедевра!

Европа одновременно узнала о болѣзни и смерти великодушнаго государя, возвратившаго ей миръ и спокойствіе. Его оплакивали по всей Европѣ. Народы съ горестью узнали, что друга, освободителя націй уже не стало. При дворахъ всѣ облеклись въ трауръ. Австрійскій императоръ, узнавъ о смерти Александра, своего вѣрнаго союзника, воскликнулъ въ порывѣ чувствительности, дѣлавшей честь какъ ему, такъ и тому, кого онъ оплакивалъ: „Я потерялъ лучшаго своего друга!"—Трогательное и краснорѣчивое слово въ устахъ государя *). Въ Парижѣ при русскомъ посольствѣ въ это время готовились праздновать день рожденія государя, которому отнынѣ принадлежали лишь посмертныя почести. Я не стану описывать своихъ чувствъ при полученіи этой скорбной вѣсти: одна религія можетъ успокоить и смягчить подобныя горести. Я узнала о роковомъ событіи неожиданно изъ письма, присланнаго мнѣ изъ Парижа въ деревню, гдѣ я находилась. Какъ только я мелькомъ пробѣжала его, у меня вырвался горестный крикъ; графъ Ш***, очень удивленный, спросилъ, что со мной; я съ рыданіями сообщила ему вѣсть, восклицая, что этого быть не можетъ. Графъ Ш*** бросился къ газетѣ, которую онъ еще не открывалъ, и вернулся со слезами на глазахъ: мы не могли болѣе сомнѣваться въ нашемъ несчастіи. Даже мой сынъ почувствовалъ его. Графъ Ш***, положивъ руку на его голову, сказалъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ: „Бѣдное дитя, онъ еще не знаетъ все, что онъ поте-

*) Добродѣтельный князь Гогенлоэ, искренно любившій императора Александра, совершилъ босой религіозное паломничество, чтобы вымолить исцѣленіе государя, добродѣтелями котораго онъ восхищался.

рялъ". Мой Александръ, печально поднявъ головку, сказалъ: „Я потерялъ своего крестнаго отца!"

Каждый день получались подтвержденія горестной вѣсти, притомъ со зловѣщими подробностями, наполнявшими душу негодованіемъ и возмущеніемъ. Общепринятое мнѣніе, что эта прекрасная жизнь прервалась лишь десницей Провидѣнія, — впервые влило утѣшеніе въ мое сердце. Тѣмъ не менѣе, хотя вокругъ меня постоянно раздавались роковыя слова: „Императоръ Александръ умеръ въ Таганрогѣ"; хотя я много разъ видѣла эти слова на письмѣ, и они неотступно преслѣдовали мое воображеніе и днемъ и ночью: несмотря на все это мое сердце, мое воображеніе, — все во мнѣ отказывалось повѣрить очевидности; и я постоянно видѣла Александра передъ собой, такимъ, какъ я узрѣла его въ послѣдній разъ, во всей его привлекательности и изумительной добротѣ. Вмѣсто того, чтобы отбрасывать отъ себя столь печальныя подробности, встрѣчавшіяся въ газетахъ, я жадно ихъ искала; я черпала утѣшенія въ этомъ всемірномъ траурѣ, въ раздирательныхъ и такъ прекрасно выраженныхъ сожалѣніяхъ, находившихъ откликъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ отрадно было видѣть, что печаль моя раздѣляется даже обитателями той Шампаньи, въ которую Александръ вступилъ побѣдителемъ. Вплоть до бѣднаго винотрадаря въ окрестностяхъ Эперней или Вертю, никого не было, кто бы не воскликнулъ, узнавъ о смерти Александра: „Ахъ! какое несчастье, онъ спасъ Францію!" Крестьянка сказала мнѣ однажды: „Увы! онъ былъ столь же добръ, какъ и красивъ!" — Какъ краснорѣчивы были эти непроизвольныя сожалѣнія, не вызванныя ни принудительными внушеніями, ни подкупомъ! Снискалъ ли какой-либо другой государь болѣе прекрасную надгробную хвалу! *) Россія и

*) Нѣсколько лицъ упали въ обморокъ, узнавъ о смерти Александра, между прочимъ его посланникъ въ Дрезденѣ г. Ханыковъ, и

Польша огласились долгими стенаніями и облеклись въ трауръ. Горе тѣмъ, кто не несъ его въ своемъ сердцѣ! Вѣчный позоръ тѣмъ, кто посмѣлъ измѣнить данной Александру присягѣ! Но отбросимъ эти мрачныя мысли и взглянемъ лучше на тѣхъ, кто, унаслѣдовавъ добродѣтели и власть Александра, представили собой единственный въ мірѣ примѣръ. Міръ видалъ братьевъ, съ оружіемъ въ рукахъ оспаривавшихъ другъ у друга кровавое наслѣдіе отца; но въ благородной борьбѣ между Константиномъ и Николаемъ проявилось лишь безкорыстіе, высота души, великодушіе. Эти два великодушныхъ великихъ князя, еще удрученные горемъ, уступали другъ другу великую имперію. Извѣстно, что княгиня Ловицъ, считая себя препятствіемъ для исполненія ея августѣйшимъ супругомъ высокаго своего призванія,—бросилась къ ногамъ Константина, умоляя его забыть о ея существованіи и выполнить свое назначеніе, принявъ принадлежавшую ему по праву рожденія корону. Но Константинъ въ своемъ рѣшеніи руководился своей любовью къ ней и словомъ, даннымъ почитаемому и любимому брату.

Несмотря на свое великодушное сопротивленіе, Николай вступилъ на опустѣвшій тронъ, на которомъ его мудрости предстояло восторжествовать надъ столь ужасными событіями.

другіе опасно заболѣли. Графъ Ожаровскій, адъютантъ государя, при первомъ же извѣстіи о болѣзни Александра покинулъ Варшаву, гдѣ онъ въ то время жилъ, и поспѣшилъ въ Таганрогъ къ своему умирающему государю. Онъ проводилъ останки его до Петербурга,—послѣдняя дань вѣрности, которую онъ неизмѣнно выказывалъ ему при жизни. Приводя это проявленіе преданности, которое должно было бы найти болѣе подражателей среди многочисленныхъ лицъ, удостоившихся особыхъ милостей этого великаго государя, я съ искреннимъ удовлетвореніемъ и, быть можетъ, съ чувствомъ законной гордости, привожу здѣсь польское имя.

Богъ поддержалъ его среди испытаній; Онъ и впредь поддержитъ его.

Если императоръ Александръ заслужилъ наименованіе *Благословеннаго*, будемъ надѣяться, что, по примѣру этого незабвеннаго государя, его августѣйшій наслѣдникъ, подобно ему, внушитъ уваженіе къ своему имени и къ своей власти; подобно ему, предпочтетъ любовь своихъ подданныхъ суетному блеску славы, и этимъ путемъ когда-нибудь получитъ отъ своихъ современниковъ и потомковъ имя „Безупречнаго“,— прекрасное наименованіе, которое сумѣли заслужить не только немногіе государи, но и вообще немногіе люди.

Я попыталась въ этомъ скромномъ очеркѣ изобразить Александра такимъ, какъ онъ рисуется въ его собственныхъ дѣяніяхъ и словахъ. Я сочту себя удовлетворенной, если тѣ, кто имѣлъ счастье знать его, быть къ нему близкими, кто любилъ его и былъ ему преданъ,—если они узнаютъ въ этомъ изображеніи нѣкоторыя черты великаго и прекраснаго его оригинала, достойнаго иного, болѣе талантливаго пера!

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

На 1-е Іюля 1912 г.

КАТАЛОГЪ

КН-ВА К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва. Тургеневская пл., д. Стр. О-ва Россія, кв. 144.
Телефонъ № 189—60.

Уильэмъ Бекфорда можно узнать въ немъ: это жадное любопытство, наказанное столь жестоко, это страстное стремленіе къ непостижимому, этотъ вѣчный огонь въ стеклянномъ сердцѣ, которымъ наказанъ халифъ Ватекъ за то, что вѣчно гнался за „тщательною пышностью и запретной властью", развѣ все это не переноситъ насъ изъ сказочной страны Ватека въ неменѣе сказочную страну Фонтхиля?

Въ этомъ смѣшеніи есть двойное очарованіе этой книги.

Я не буду подробно останавливаться на содержаніи сказки. Я не хочу лишать читателя неожиданнаго наслажденія пережить всѣ чудесныя приключенія халифа Ватека, почувствовать ароматъ этихъ сценъ, то ужасающихъ, какъ безумныя оргіи зловѣщей Каратисъ, то нѣжнѣйшихъ, гдѣ описана любовь прекрасной Нуроніаръ и ея возлюбленнаго, нѣжнаго Гюльхенрузъ, то сценъ, продиктованныхъ истиннымъ страданіемъ души мятущейся,— какъ послѣднія сцены въ подземномъ царствѣ грознаго Эблиса.

Въ Россіи эта благоуханная книга появляется въ видѣ вполнѣ достойномъ. Она изящно издана. Переводъ Зайцева сохранилъ весь ароматъ, всю классическую простоту подлинника. Очень интересна съ большимъ одушевленіемъ написанная вступительная статья П. Муратова.

.....Эта маленькая потерянная и вновь найденная книжка должна занять по всѣмъ правамъ принадлежащее ей мѣсто среди фоліантовъ переводной литературы классиковъ.

Сергѣй Ауслендеръ.

„Рѣчь", 12 марта 1912 г. № 70.

.....Эта забытая книга принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которыхъ пышно расцвѣталъ романтизмъ и тонкій фантастическій вкусъ Пушкина и его друзей.

Англія и Франція знаетъ уже множество изданій этой книги, но на русскій языкъ она никогда еще не была переведена....

.....Русскій читатель получилъ ее въ переводѣ Бориса Зайцева. Его языкъ оказался настолько гибокъ и образенъ для выраженія картинъ „Ватека", что эта „арабская сказка" читается съ увлеченіемъ страница за страницей, не какъ чуждая, старинная книга, а какъ красивая, простая классическая проза, очищающая воображеніе и вкусъ современнаго читателя.

Предисловіе къ ней, написанное П. Муратовымъ,— очень интересное прибавленіе къ „Ватеку".

Вас. Сахновскій.

„Утро Россіи", 21 янв. 1912 г. № 17.

„Ватекъ"—одна изъ лучшихъ сказокъ, написанныхъ европейскими писателями, и яркостью красокъ и причудливостью содержанія напоминаетъ „1001 ночь", тѣмъ болѣе, что героемъ ея является восточный халифъ. Интересны въ высшей степени и судьба книжки, и судьба ея автора, англичанина Бекфорда, изложенныя во вступительной статьѣ. Переводъ слѣдуетъ считать вполнѣ художественнымъ, издана книжка прекрасно.

Изв. по литер., наукамъ и библіографіи кн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ. Апрѣль 1912.

Не новая, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно новая книга. Авторъ-англичанинъ, жившій въ XVIII вѣкѣ, въ силу своей исключительной талантливости далъ въ „Ватекѣ" европейской литературѣ рѣдкое по своей неувядаемости поэтическое произведеніе, которое не теряетъ своего интереса ни въ какія эпохи, несмотря на свой строго классическій стиль. Эта книга поистинѣ можетъ быть названа перломъ европейской изящной литературы, благодаря свѣжести и яркости поэтическихъ красокъ, богатству образовъ и отсутствію колорита своего времени. Во всѣ эпохи, для всѣхъ европейскихъ націй книга эта представляетъ художественно-литературный интересъ и доступна пониманію широкой публики вслѣдствіе своей простоты. „Ватекъ" былъ давно переведенъ на русскій языкъ и еще во времена Пушкина украшалъ собою лучшія библіотеки въ Россіи. Потомъ онъ былъ забытъ и теперь опять появился на поверхности нашей литературной жизни. Выдающіяся достоинства этого произведенія вызываютъ особенное желаніе, чтобы теперь оно не осталось у насъ незамѣчечнымъ и пріобрѣло широкую извѣстность.

Ю. Писарева.

„Варш. Дневн." № 59, отъ 28 февр. 1912 г.

Очень кстати вышелъ переводъ (и хорошій) забытой сказки Бекфорда—„Ватекъ". Нѣсколько странно, что ав-

торъ сказки ограничился единственнымъ произведеніемъ, но не будемъ спорить съ исторіей и примемъ эту эстетически нравоучительную сказку, зародышъ Уайльда и Вилье де Лиль Адана, сестру романовъ Вольтера, родственницу нѣмецкихъ романтическихъ новеллъ—такой, какъ она есть. Восточный колоритъ, на нашъ взглядъ, слишкомъ англійскій, психологія черезчуръ демонична, повѣствованіе растянуто; но яркость красокъ, темпъ, пульсъ и теперь поражаютъ (черезъ 150 лѣтъ). И особенно полезно напоминаетъ она нашимъ лѣнивымъ и невѣжественнымъ критикамъ, сѣтующимъ на безсильныя и позорныя стилизаціи, что ничто не ново подъ луной, кромѣ терминовъ и, можетъ быть.... невѣжества.

М. Кузминъ.

„Аполлонъ". 1912—2.

Кристоферъ Марло. „Трагическая исторія доктора Фауста". Пер. въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 80 к.

Марло, самый крупный изъ предшественниковъ Шекспира, очень мало извѣстенъ русской публикѣ. Нельзя не привѣтствовать поэтому переводъ одной изъ самыхъ выдающихся его пьесъ, сдѣланный опытною и искусною рукою (переводъ Минаева, напечатанный въ 70-хъ г.г. въ журналѣ „Дѣло", отдѣльнымъ изданіемъ, если мы не ошибаемся, не появлялся, да и вполнѣ удовлетворительнымъ, по мнѣнію такого компетентнаго судьи, какъ Н. И. Стороженко, онъ признанъ быть не можетъ). Переводу предпосланъ бѣглый обзоръ другихъ драматичсскихъ произведеній, внушенныхъ легендой о Фаустѣ.

„Вѣстн. Евр". кн. 5, 1912 г.

Кристоферъ Марло, современникъ Шекспира по возрасту, является его прямымъ предшественникомъ въ области новой европейской драмы. Изъ его произведеній наиболѣе цѣннымъ считается „Tragical History of Doctor Faustus", написанная, по мнѣнію англійскихъ историковъ литературы, не позже 1590 года. Трагедія эта представляетъ собою литературную обработку нѣмецкихъ народныхъ сказаній о Фаустѣ. Смутнымъ порываніямъ средневѣкового чародѣя проникнуть въ тайники природы Марло

придалъ глубокій смыслъ, представивъ ихъ слѣдствіемъ сознательной неудовлетворенности схоластической наукой. Въ виду этого пьесу англійскаго драматурга, въ основу которой легла волшебная народная сказка, можно назвать чисто философской поэмой, въ которой выразились сомнѣнія и томленія современной Марло эпохи. Литературное значеніе „Трагической исторіи доктора Фауста" этимъ, однако, не исчерпывается: она послужила прототипомъ для знаменитой драматической поэмы Гете „Фаустъ". Переводъ „Фауста" Марло на русскій языкъ былъ сдѣланъ впервые въ 1871 году поэтомъ Минаевымъ, но не съ подлинника, а съ французскаго перевода Франсуа Гюго; переводъ этотъ во многихъ случаяхъ искажаетъ англійскій подлинникъ, и поэтому можно признать, что до сихъ поръ у насъ не было на русскомъ языкѣ настоящаго „Фауста" Марло, все еще не утратившаго своего громаднаго литературнаго интереса. Въ этомъ отношеніи всѣ преимущества на сторонѣ перевода К. Бальмонта, сдѣланнаго съ англійскаго подлинника, близко къ нему и хорошимъ стихомъ. Насколько второй переводъ отличенъ отъ перваго, можно видѣть изъ сопоставленія напр. слѣдующихъ двухъ стиховъ: бальмонтовскому—„Повелю имъ (духамъ) опустошить глубины океана, лишивъ его восточныхъ жемчуговъ", соотвѣтствуетъ вольный минаевскій переводъ: „Я прикажу—переплывутъ моря, чтобъ мнѣ доставить рѣдкости Востока". Переводъ Бальмонта снабженъ небольшой вступительной статьей „Нѣсколько словъ о типѣ Фауста", написанной, къ сожалѣнію, туманно и неудобопонятно. „Трагическая исторія доктора Фауста" изящно издана московской фирмой К. Ф. Некрасова, которая въ послѣднее время выпустила рядъ интересныхъ произведеній русской и западно-европейскихъ литературъ. Надо при этомъ отмѣтить, что всѣ изданія Некрасова печатаются въ провинціальной типографіи (въ Ярославлѣ) и въ техническомъ отношеніи нисколько не уступаютъ работѣ лучшихъ столичныхъ типографій.

В. К-въ.

„Правит. Вѣстникъ", № 79, отъ 8 апр. 1912 г.

Только теперь русская переводная литература обогатилась переводомъ классическаго произведенія англійской литературы начала 17 вѣка (самое раннее изъ извѣстныхъ изданій „The Tragical History of Doctor Faustus" относится къ 1604 г.). Совершенно справедливо указываетъ

переводчикъ во вступительной статьѣ „Нѣсколько словъ о типѣ Фауста" на то, что Марло ближе къ первоисточнику легенды о Фаустѣ—къ средневѣковой легендѣ,—чѣмъ Гете, сгладившій черты народнаго сказанія. На мой взглядъ, очаровавшійся просвѣщеніемъ средневѣковой полуинтеллигентъ временъ „возрожденія", во имя образованія и культа книги и разума забывшій объ обществѣ и о культивированіи морали и сердца,—вотъ что такое Фаустъ Марло, гораздо болѣе простой, темпераментный, сильный, демоническій и популярный, чѣмъ герой трагедіи Гете. Есть въ этомъ англійскомъ Фаустѣ нѣчто смѣшное, жалкое и интересное, напоминающее россійскаго полуинтеллигента конца 1905 г., который накинулся на эсдекскую и тому подобную книжную мудрость во имя односторонняго культа разума, очаровался ею, а затѣмъ жестоко разочаровался, когда жизнь оказалась сложнѣе книжной мудрости.... Этому Фаусту можно предсказать успѣхъ на Руси. Трагедія переведена колоритно, но безъ вычурности, присущей оригинальному творчеству К. Бальмонта, и читается очень легко.

Вс. Ч-инъ.

„Риж. Мысль", 29 марта 1912 г. № 1399.

Трагедія Кристофера Марло—первая и наиболѣе вѣрная драматическая разработка германскаго народнаго преданія „о предосудительной жизни и заслуженной смерти доктора Іоганна Фауста". Самое раннее изданіе „The Tragical History of doctor Faustus" относится къ 1604 году., К. Д. Бальмонтъ перевелъ трагедію,—вѣрнѣе, драматическую поэму,—по этому именно изданію, взявъ нѣкоторыя разночтенія изъ третьяго изданія 1616 г.

Легендарный образъ Фауста глубоко интересовалъ многихъ, большихъ и малыхъ, знаменитыхъ и малоизвѣстныхъ поэтовъ. Знаменитъ „Фаустъ" геніальнаго Гете немногимъ извѣстна замѣчательная драматическая поэма глубоко-оригинальнаго нѣмецкаго поэта Николая Ленау, мало распространенъ „Фаустъ" Клингенмана. Произведеніе Марло до перевода К. Д. Бальмонта русскимъ читателямъ было совершенно неизвѣстно...

....„Фаустъ" Марло попалъ въ хорошія руки: переводъ К. Д. Бальмонта превосходенъ.

Издана книга изящно. Стоимость ея, конечно, не высока.

ІОСИФЪ ИВАНОВЪ.

„Сибирская Жизнь", № 86, отъ 17 апр. 1912 г.

Ф. Кроммелинкъ. „Ваятель масокъ". Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 50 к.

Имя бельгійскаго драматурга Кроммелинка ничего не говоритъ русскому читателю; да и въ Бельгіи ему не было до сихъ поръ посвящено обстоятельныхъ критическихъ этюдовъ. Между тѣмъ „Le sculpteur de masques"—оригинально задуманное, полное неподдѣльнаго трагизма произведеніе, которое дѣйствуетъ сильно именно потому, что оно отличается такою краткостью и сжатостью, и многое остается недоговореннымъ, едва намѣченнымъ. Когда эта маленькая пьеса, написанная еще года четыре тому назадъ, была въ прошломъ году передѣлана авторомъ въ трехъ-актную,—въ этомъ видѣ она и была разыграна труппой такъ называемаго „Théâtre impressif" въ Парижѣ,—несомнѣнно, она должна была утратить значительную долю своей оригинальности. Хотя у Кроммелинка есть нѣчто свое, самобытное, отличающее его отъ предшественниковъ, можно все же указать ту литературную традицію, къ которой онъ восходитъ: это—ранняя манера Метерлинка, отразившаяся въ „Непрошенной гостьѣ", „Слѣпыхъ" и т. п.; отчасти—своеобразное освѣщеніе сходныхъ темъ въ пьесѣ Ванъ-Лербгерга „Les flaireurs". Въ своей символической, полной жуткаго настроенія драмѣ Кроммелинкъ также передаетъ нервныя переживанія, инстинктивный страхъ, безотчетное ощущеніе близости чего-то ужаснаго, пользуется иногда полунамеками, отрывистыми фразами, лихорадочнымъ шопотомъ, стонами и болѣзненными возгласами; извлекаетъ извѣстную пользу для основного сюжета даже изъ того, что дѣйствіе происходитъ вечеромъ и ночью. Въ сосѣдней комнатѣ умираетъ женщина, заставшая однажды своего мужа, ваятеля масокъ Паскаля, у ногъ своей родной сестры Мадлэны, узнавшая, такимъ образомъ, тайну ихъ любви и зачахнувшая отъ горя. На протяженіи всего акта доносятся только стоны и хрипъ несчастной женщины, она не произноситъ ни слова,—и все же она является важнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой драмы, въ которой на первомъ планѣ стоятъ духовныя переживанія и угрызенія совѣсти Мадлэны и Паскаля. Въ пьесѣ есть нѣсколько безусловно сильныхъ мѣстъ, въ родѣ, напримѣръ, сцены между Мадлэной и прокаженнымъ; наряду съ этимъ нельзя, однако, отрицать и того, что Кроммелинкъ порой отводитъ слишкомъ много мѣста элементу болѣзненному, кошмарному (это въ особенности чувствуется ближе къ концу пьесы) и

что нѣкоторыя детали, даже изъ числа наиболѣе существенныхъ, производятъ впечатлѣніе извѣстной вычурности и погони за необычными эффектами.

Ю. В.

„Русскія Вѣдомости", № 83 отъ 10 апр. 1912 г.

Кажется, никто изъ нашихъ поэтовъ, кромѣ Бальмонта, не былъ въ состояніи такъ чудесно перевести „Ваятеля масокъ", этотъ трагическій символъ страстей человѣка,— его любви, угрызеній совѣсти, страданій и ужасовъ всѣхъ душевныхъ переживаній, сопряженныхъ съ любовью. Мы помнимъ превосходные переводы Бальмонтомъ сочиненій Эдгара По, безъ которыхъ настоящій По никогда не сталъ бы достояніемъ широкой читающей русской публики. Также и Кроммелинковскій „Ваятель масокъ" безъ Бальмонта не существовалъ бы для насъ. Бальмонтъ— выдающійся поэтъ тончайшихъ настроеній и переживаній души, величайшій мастеръ мелодіи словъ, музыки чувствъ. Въ его переводѣ „Ваятель масокъ" не производитъ впечатлѣнія перевода, до того онъ понятенъ и безукоризненно вдохновенно воспроизведенъ. Переводчикъ въ творчествѣ своемъ слился во-едино съ душою автора и далъ намъ прекраснѣйшее художественное произведеніе, которое по существу вѣрнѣе будетъ назвать вдохновеннѣйшимъ воспроизведеніемъ, чѣмъ переводомъ.

Что же касается самого произведенія, какъ сотвореннаго авторомъ символа, то оно поражаетъ силою производимаго впечатлѣнія. Тонко, безплотно, все—само чувство, сама душа, единая и многоликая, душа страдающаго человѣка, и если бы еще не было нѣсколькихъ, на нашъ взглядъ, лишнихъ черточекъ эротизма, которымъ авторъ, видимо, заплатилъ дань времени,—произведеніе это было бы геніальнѣйшимъ шедевромъ новѣйшей поэзіи, идеальнѣйшей реализаціей мечтаній Метерлинка, которыхъ самъ мечтатель не осуществилъ вполнѣ. „Ваятель масокъ" наврядъ ли будетъ понятенъ многимъ, но, несмотря на величайшую аристократичность своей поэзіи, онъ все-таки можетъ быть болѣе понятенъ, чѣмъ многое изъ современной литературы. Происходитъ это потому, что въ немъ есть настоящая неподдѣльная правда души, выраженная съ потрясающей силой соотвѣтствующаго ей неподдѣльнаго же вдохновенія.

„Варш. Дн.", № 59, отъ 28 февр. 1912 г.

Гуннаръ Гейбергъ. Собраніе сочиненій. Авторизованный переводъ съ норвежскаго Р. Тираспольской. Вступительная статья гр. Де-ла-Бартъ. Т. 1. Ц. 1 р.

Гуннаръ Гейбергъ. Собр. соч. Т. 2-й. Цѣна 1 р.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ цѣльномъ изданіи сочиненій норвежскаго писателя, очень мало извѣстнаго у насъ, характеристику котораго далъ Бальмонтъ, говоря о немъ: „Онъ силенъ не менѣе, чѣмъ Ибсенъ, и онъ изященъ не менѣе, чѣмъ Гамсунъ, но онъ, будучи изящнымъ, сильнѣе, чѣмъ Гамсунъ, и, будучи сильнымъ, онъ изящнѣе, чѣмъ Ибсенъ"...

„Одесскія Новости". Иллюстр. прил. № 8699, отъ 18 апр. 1912 г.

Гуннаръ Гейбергъ принадлежитъ къ „стаѣ славной" современныхъ скандинавскихъ писателей. Онъ родной братъ по духу другимъ знаменитымъ писателямъ-скандинавамъ: Ибсену, Бьернсону, Гамсуну. Его произведенія носятъ печать оригинальности и изящества и проникнуты орлинымъ полетомъ благородной, вѣчно ищущей мысли. Гейберга, какъ художника-писателя, всего болѣе занимаетъ трагедія личности и почти во всѣхъ его произведеніяхъ и, въ особенности, въ его лучшей драмѣ „Трагедія Любви" слышенъ этотъ мотивъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ интересный и талантливый сѣверный писатель заслуживаетъ большого вниманія.

„Нива" Ежем. лит. прил.. № 1, Январь 1912 г.

Драматическія произведенія Гуннара Гейберга, собранныя въ этихъ двухъ томахъ, даютъ полное понятіе о творчествѣ этого интереснаго писателя. Легкость и изящество стиля, живая, яркая мысль, красиво развивающаяся и приковывающая къ себѣ вниманіе читателя, составляютъ главныя достоинства Гуннара Гейберга.

.....Одно изъ главныхъ достоинствъ Гейберга—это авторская объективность и чрезвычайная чистота внѣшней отдѣлки. Послѣ Ибсена Гейбергъ по справедливости долженъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ общемъ сонмѣ лучшихъ скандинавскихъ писателей.

„Варш. Дн." № 59, отъ 28 февр. 1912 г.

Ж. К. Гюисмансъ. Собраніе сочиненій. Т. 1. „Тамъ внизу“ („Бездна“). Переводъ Ю. Спасскаго. (Наложенъ арестъ). Цѣна 1 р. 25 к.

Ж. К. Гюисмансъ. Собр. соч. Т. 2. „Въ пути“. Пер. Ю. Спасскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Траппистскій монастырь Атрской Богоматери, который описываетъ авторъ въ этой книгѣ, называется въ дѣйствительности монастыремъ Иньиской Богоматери и расположенъ возлѣ Фимъ въ департаментѣ Марны. Авторъ далъ подробное описаніе его, а также изобразилъ жизнь монастыря во всей ея реальности. Мистическая психологія автора, развивающаяся на фонѣ описываемой дѣйствительности, а также событія и факты отшельнической жизни монаховъ, ихъ міровоззрѣніе и характеры, ихъ вѣра и настроенія представляютъ большой интересъ. Книга читается съ неостывающимъ увлеченіемъ и наводитъ на глубокія, серьезныя размышленія.

„Варш. Дневн.“ № 59, отъ 28 февр. 1912 г.

Рихардъ Демель. Собраніе сочиненій. Авторизованный переводъ съ дополненіями автора для русскаго изданія. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Т. 1-й. Автобіографія. Спутникъ человѣческій. Трагизмъ и драма. Пер. съ нѣмецкаго Л. Горбуновой. Цѣна 1 р. 20 к.

Рихардъ Демель. Собраніе сочиненій. Т. 2-й. „Странички жизни“. Новеллы. Переводъ Л. Горбуновой. Цѣна 1 р 20 к.

Демель—значительнѣйшій изъ современныхъ поэтовъ, возросшихъ на германской нивѣ, распаханной геніемъ творца „Заратустры“ Въ его произведеніяхъ явленъ духъ современности, отшатнувшійся отъ бурныхъ дерзновеній „переоцѣнки цѣнностей“, ищущій примиренія старыхъ мѣховъ и новаго вина. Вотъ почему Демель такъ небесенъ въ противоположность сверхземному Ницше, такъ полонъ изысканной религіозности, такъ воскуриваетъ Эросу утонченный, благоговѣйный ѳиміамъ. Въ открове-

ніяхъ искусства чудятся ему откровенія божественнаго, и откровенія божественнаго могучи своей эстетической инсценировкой, ритуаломъ, осязаемой формой красоты. Поэзія Демеля—сонъ, волнуемый многоцвѣтными видѣніями. Ея зовы—по ту сторону бытія. Чуждый гнѣва и печали, не болѣющій отрицаніями романтизма, поэтъ удовлетворенно переплавляетъ цѣнности настоящаго, одухотворяетъ и преображаетъ ихъ, священнодѣйственно постигаетъ міръ въ божественномъ.

Несмотря на свое особое значеніе въ Германіи, Демель почти неизвѣстенъ въ русской литературѣ. Въ отмѣченной книгѣ онъ выступаетъ передъ русскимъ читателемъ не въ латномъ кованомъ нарядѣ своего блестящаго, переливчатаго стиха, но въ тяжелой, мѣшкотной, прозаической одеждѣ, подчасъ плохо облекающей неуловимые извивы поэтической фантазіи. Этимъ объясняется и нѣкоторое несовершенство стиля, то грубовато неровнаго, то изнемогающаго подъ бременемъ образовъ холодныхъ и вычурно натянутыхъ. Неодинаковы достоинства отдѣльныхъ новеллъ. Неудачны разсказы, гдѣ Демель пытается спуститься въ несвойственную ему область мѣщанскаго смѣха и бытописанія. Таковы „Розга“, „Смѣющійся наслѣдникъ“. Но зато кистью истиннаго поэта написаны мистическія видѣнія „Состязанія въ бѣгѣ“ и „Божья ночь.“ Г-жа Л. Горбунова прекрасно выполнила нелегкую задачу перевода. Хорошъ и переводъ стиховъ, сдѣланный А. Бискомъ.

„Утро Россіи“ № 23, 28 янв. 1912 г.

Г. Жулавскій. Собраніе сочиненій. Т. 1. „На серебряномъ шарѣ“. Ром. пер. А. Зейлигеръ. Цѣна 1 р. 40 к.

Г. Жулавскій. Собр. соч. Т. 2-й. (Печатается).

У г. Жулавскаго мрачная, но сильная фантазія, сдобренная пессимистической философіей. Взявъ исходной своей точкой дѣтскую повѣсть Жюля Верна о путешествіи на луну, Жулавскій, въ числѣ пассажировъ, отправившихся въ пушечномъ ядрѣ, помѣстилъ и одну женщину, среди нѣсколькихъ мужчинъ. Это дало ему возможность затронуть въ оригинальной обстановкѣ вѣчную

проблему ревности и борьбы за женщину. Но этого г. Жулавскому показалось мало. Онъ заставилъ своихъ героевъ плодиться и множиться на лунѣ. Получилось хилое выродившееся поколѣніе, обожествившее единственнаго оставшагося къ тому времени въ живыхъ земного человѣка. Преданія и разсказы „Стараго человѣка“ о земной жизни мало-по-малу превратились въ легенды и сказанія о хранимой въ душѣ памяти о древней жизни на иной планетѣ. Само собой разумѣется, что подъ этой фантасмагоріей кроется метафизическое мечтаніе автора, что сами земные люди, въ свою очередь, суть лишь выродившіяся существа, нѣкогда занесенныя на землю съ другихъ планетъ. Стихотвореніе Лермонтова „Ангелъ“ и прорицанія Достоевскаго о „касаніи мірамъ инымъ“, только въ пессимистической оболочкѣ, выражаютъ, пожалуй, всю сущность настроеній и идей Жулавскаго.

Читается романъ съ любопытствомъ. Нѣсколько вредитъ обиліе лунной географіи, заимствованной изъ астрономическихъ книгъ, и потому для романа въ большомъ количествѣ ненужной.

„Рѣчь“ 9 янв. 1912 г. № 8.

Фантастическій романъ пріобрѣлъ права гражданства въ современной литературѣ Въ появившейся въ русскомъ переводѣ повѣсти талантливаго польскаго писателя г. Жулавскаго „На серебряномъ шарѣ“ изображается судьба затѣянной по жюль-верновскому рецепту экспедиціи на луну. Часть попавшихъ на луну людей, въ концѣ концовъ, приспособляется къ условіямъ существованія на этой планетѣ, а потомство ихъ, измельчавшее, выродившееся и физически и душевно, представляетъ собою уже настоящихъ „лунныхъ гражданъ“. Единственный оставшійся въ живыхъ участникъ экспедиціи, превосходящій дѣтей и внуковъ своихъ товарищей и ростомъ, и силою, и умственными способностями, носитъ среди нихъ названіе „Стараго человѣка“ и становится предметомъ культа. Описанія Жулавскаго картинны; въ изображеніи приключеній обитателей земли на лунѣ авторъ обнаруживаетъ много фантазіи и изобрѣтательности. Если искать въ этой книгѣ особаго скрытаго смысла, то, пожалуй, можно придти къ заключенію, что авторъ хотѣлъ заставить насъ больше цѣнить нашу землю, къ которой мы такъ часто относимся слишкомъ пренебрежительно. Тоска „Стараго человѣка“ по своей родинѣ—землѣ, застав-

ляющая его идти на вѣрную смерть для того только, чтобы послать обитателямъ земли вѣсть о себѣ, изображена достаточно сильно для того, чтобы захватить читателя.

Ю—нъ.

Прилож. къ „Нов. Врем." 18 фев. 1912 г. № 12909.

Печальная сказка о людяхъ, оторвавшихся отъ матери-земли, чтобы унестись въ далекость звѣзднаго пространства. Фантазія автора течетъ въ научныхъ берегахъ, и видѣнія луннаго міра нарисованы кистью геолога и астронома, переплетающаго вымыселъ съ возможнымъ. Отъ однородныхъ произведеній Жюль Верна романъ отличается мистическимъ настроеніемъ и узорами обычной, подлинной, реальной страсти, вытканными на необычайномъ фонѣ. Въ этомъ смыслѣ Жулавскій больше „романистъ", чѣмъ авторъ „Атлантиды."

Тяжкимъ бременемъ влачитъ на себѣ человѣкъ наслѣдіе первороднаго грѣха. И, улетѣвъ отъ земли, все такъ же остается добычей роковыхъ страстей и тлѣнья. Безповоротно прикованный къ родимой оболочкѣ, связанный непроходимымъ предѣломъ достиженій, онъ въ нѣдрахъ самого себя носитъ таинственныя цѣпи. Мистически-философскій замыселъ Жулавскаго значительно меньше удался ему, чѣмъ астрономическая сказка, и „драма роковыхъ страстей" часто превращается имъ въ немудрый перепѣвъ старыхъ пѣсенъ любовной ревности и муки. Изложеніе мѣстами увлекательно. Переводъ хорошъ.

„Утро Россіи", 1912 г.

Жераръ де Нерваль. Сильвія—Октавія—Аврелія—Изида. Переводъ съ французскаго. Редакція и вступительная статья П. Муратова. (Печатается).

Новеллы Итальянскаго Возрожденія. Переводы и характеристики П. Муратова. *Часть I. Новеллисты Треченто.* „Новеллино"—„Цвѣточки св. Франциска Ассизскаго"—Боккачіо—Франко Саккетти—Серкамби—Серъ Джованни. *Часть II. Новеллисты*

Кватроченто. Новелла о Столярѣ—Св. Бернардинъ Сіенскій—Илличини—Сермини—Мазуччіо—Корнаццано. (Готовится къ печати).

А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Цѣна 50 коп.

Кормчій безъ руля. . . . . А. Изгоевъ не сдѣлалъ всего, что можно было бы желать. Но многое онъ сдѣлалъ. И книжка, названная въ подзаголовкѣ, сослужитъ свою службу. Изгоевъ хочетъ дать безпристрастный очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго премьера. Онъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ своей книжкѣ; онъ много разъ въ своемъ изложеніи пытается оттѣнить то ту, то другую положительную черту его характера. Даже и въ своемъ послѣднемъ выводѣ онъ пишетъ: „Но на его—Столыпина—ошибкахъ будутъ учиться новые дѣятели и кромѣ ошибокъ отыщутъ въ наслѣдствѣ П. А. Столыпина кое-что такое, что заслуживаетъ сочувствія и признанія". И тѣмъ не менѣе удручающее, невыносимое впечатлѣніе производитъ повѣствованіе на 130 страничкахъ небольшой книжки. Оно, не охватывая, конечно, сколько-нибудь значительной доли того, что сдѣлалъ за пять лѣтъ бывшій премьеръ, все же послѣдовательно перебираетъ звенья цѣпи его мыслей и поступковъ. И когда они проходятъ передъ глазами, не успѣвая еще притупить внимательности, которую притупила жизнь, тогда невольно спрашиваешь себя: что за странный народъ: какое онъ обнаружилъ активное безсиліе, и какая въ немъ снова вскрылась пассивная сила?!

У государственнаго дѣятеля должны быть идеалы. Перелистайте Изгоева, чтобы припомнить событія послѣднихъ лѣтъ: у Столыпина идеаловъ не было.

Чѣмъ больше темперамента онъ вкладывалъ въ свою рѣчь, чѣмъ больше убѣдительности было въ ней, тѣмъ меньше, очевидно, въ ней было внутренней убѣжденности. Столыпинъ первой и второй Думы — одинъ человѣкъ, Столыпинъ третьей Думы—совсѣмъ другой. Столыпинъ, другъ А. И. Гучкова и организаторъ октябристской партіи,—носитель одной идеологіи, Столыпинъ, другъ Балашова,—представитель совсѣмъ другихъ идей. Онъ—сторонникъ абсолютизма столь же часто, какъ сторонникъ конституціи. Онъ можетъ обнаружить щедрость въ обѣщаніяхъ либеральныхъ реформъ (декларація во второй

Думѣ), но ему ничего не стоитъ непосредственно всюду затѣмъ сосредоточить свои силы на работѣ, которая заставила Родичева сравнить его съ Муравьевымъ. И всего поразительнѣе то, что нѣтъ даже видимости общей цѣли впереди. Все только на сегодняшній день. Всегдашняя готовность угрожать слабому, всегдашняя же готовность смириться передъ сильнымъ. И если въ немъ было довольно много внѣшней одаренности, то она не смягчала, а подчеркивала отсутствіе внутренняго содержанія. Одинъ только можно найти въ его дѣятельности объединяющій моментъ: жажду власти. Обстоятельства дали бывшему саратовскому губернатору почти неограниченную власть. И онъ употреблялъ ее ради нея самой. Отсюда то почти безпримѣрное зло, которое переживала Россія пять лѣтъ. Сила, не направленная къ разумной цѣли, явилась, конечно, чисто разрушительной силой.

Изгоеву не принадлежатъ эти выводы, а гдѣ они принадлежатъ ему, онъ ихъ дѣлаетъ другими словами. Но ясный, послѣдовательный, опредѣленный, почти безстрастный его разсказъ заставляетъ понимать П. А. Столыпина именно такъ....

Ю. Лигинъ.

„Русскія Вѣдомости" отъ 4 февр. 1912 г. № 28.

Въ вышедшей только что книгѣ извѣстнаго публициста А. Изгоева подводятся итоги пятилѣтней дѣятельности П. А. Столыпина на посту предсѣдателя совѣта министровъ и дается характеристика личности и дѣятельности покойнаго государственнаго дѣятеля. Авторъ собралъ обширный фактическій матеріалъ, дающій возможность прослѣдить эволюцію, пережитую Столыпинымъ. Очень интересна таблица, въ которой сопоставлены по пунктамъ всѣ обѣщанія деклараціи, прочитанной П. А. Столыпинымъ передъ 2-й Гос. Думой, съ тѣмъ, что было осуществлено изъ этихъ обѣщаній.....

.....Если и не со всѣми выводами автора можно согласиться, то во всякомъ случаѣ книга даетъ такъ много цѣннаго фактическаго матеріала, что прочтется съ большимъ интересомъ.

„Современное Слово" № 1466, отъ 4 февр. 1912 г.

Книга о П. А. Столыпинѣ. . . . . Главное достоинство книги А. С. Изгоева—это ея спокойный, почти безстрастный

тонъ, который, конечно, не легко достижимъ для всѣхъ тѣхъ, кто такъ недавно былъ свидѣтелемъ всѣхъ извилинъ націоналистической политики. Совершенно основательно замѣчаетъ А. С. Изгоевъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что она равно свободна и отъ лести, и отъ надругательства надъ мертвымъ и теперь уже безсильнымъ. Рѣзко осуждая политическія ошибки П. А. Столыпина, г. Изгоевъ воздаетъ ему одновременно должное и за то, что въ покойномъ было, по его мнѣнію, хорошаго. Съ этимъ опредѣленіемъ положительныхъ сторонъ въ дѣятельности П. А. Столыпина, дѣлаемымъ г. Изгоевымъ, можно не всегда согласиться, противъ многаго можно возражать, иное принять съ оговоркой, но нельзя не признать, что книга А. С. Изгоева—единственная до сихъ поръ попытка дать исчерпывающую характеристику всего того, что далъ Россіи П. А. Столыпинъ.....

ЗРИТЕЛЬ.

„Одесскій Листокъ“ № 79, отъ 5 апр. 1912 г.

В. Брусянинъ. Л. Андреевъ. Жизнь и творчество. Цѣна 50 к.

Новое о Леонидѣ Андреевѣ. . . . . В. В. Брусянинъ, извѣстный беллетристъ, публицистъ и критикъ, понялъ моментъ и выпустилъ очень интересную книжку о жизни и творчествѣ Леонида Андреева. Эта книжка заключаетъ немало новаго даже послѣ той многочисленной литературы, которая существуетъ уже о данномъ писателѣ.

В. Брусянинъ развертываетъ всю жизнь Андреева до настоящихъ дней, пользуясь для этого какъ автобіографическими произведеніями, такъ и данными, слышанными лично отъ Андреева. Тутъ вы найдете много новаго, благодаря которому въ личности автора „Жизни Василія Ѳивейскаго“ освѣщается рядъ темныхъ до сихъ поръ для насъ уголковъ. Напр. не разъ приходилось обвинять Андреева въ чрезмѣрномъ реализмѣ, выразившемся особенно рельефно въ разсказѣ „Въ туманѣ“, а вотъ послушайте разсказъ писателя о томъ, какъ онъ, въ бытность свою у Горькаго на Капри, скорбѣлъ, читая произведенія Арцыбашева, Каменскаго и др. Новою въ книжкѣ г. Брусянина является и сама попытка дать сводку всего написаннаго о писателѣ и подвести ему общій итогъ.

А итогъ таковъ: Леонидъ Андреевъ еще *есть*, даже еще зрѣетъ, но пока сверхъчеловѣкъ его только демоническая фигура, а жизнь поможетъ писателю выявить и его человѣческій образъ.

М. ЧЕРНЫШЕВЪ.

„Извѣстія кн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ по литературѣ, наукамъ и библіографіи“. Апрѣль 1912 г.

Весьма интересная и давно желанная біографія Андреева, написанная Брусянинымъ, однимъ изъ хорошихъ знакомыхъ и собратьевъ по перу нашего знаменитаго беллетриста, представляетъ собой выдающійся интересъ. Брусянинъ разсказываетъ въ ней дѣтскіе, юношескіе и первые молодые годы Андреева, знакомитъ съ семьей Андреева, со средой, въ которой протекла жизнь писателя до литературной славы, и отмѣчаетъ связь обстоятельствъ жизни писателя съ его творчествомъ. Въ этой книгѣ, весьма увлекательно написанной, интересно все, отъ первой до послѣдней строки.

„Варшав. Дневн.“ № 59, отъ 28 февр. 1912 г.

Едва ли среди современныхъ беллетристовъ можно найти другого, чья личная жизнь была бы такъ же интересна, какъ жизнь Л. Андреева. Поэтому г. Брусянинъ, выпуская біографію этого писателя, откликается на весьма жизненную тему. Дѣлаетъ онъ это съ большой любовью къ Андрееву и къ литературѣ, и его очеркъ читается съ интересомъ...

„Раннее Утро“, № 93, отъ 21 апрѣля 1912 г.

Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Цѣна 60 к.

Третій выпускъ біографической библіотеки К. Ф. Некрасова посвященъ В. Г. Короленко, писателю, безспорно пользующемуся наибольшимъ моральнымъ авторитетомъ среди дѣятелей современной литературы. Біографія такого писателя, представляющая къ тому же большой интересъ и сама по себѣ, по драматизму событій и по обще-

му тону жизни, не можетъ не привлекать вниманія современниковъ. Г-жа Шаховская не довольствуется одной біографіей, а дастъ и литературно-критическій очеркъ о В. Г. Короленко, рисуя его художникомъ и поэтомъ конкретнаго, отдѣльныхъ проявленій жизни, слабѣющаго при попыткахъ подыматься до абстракцій, „до общаго“. При жизнеописаніи В. Г. Короленко трудно, конечно, отдѣлить элементъ біографическій отъ литературно критическаго, но смѣшеніе ихъ всегда даетъ поводъ къ упрекамъ въ пробѣлахъ въ томъ или другомъ. У г-жи Шаховской слабѣе часть литературно критическая.

Въ общемъ, ея очеркъ отличается богатствомъ систематически подобраннаго матеріала, искусно сложеннаго въ легкую постройку. Написанная очень популярно, книжка разсчитана на средняго читателя.

„Рѣчь“, № 117 отъ 30 апр. 1912 г.

Небольшая книжечка г-жи Шаховской восполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ: до сихъ поръ не было болѣе или менѣе обстоятельнаго очерка жизни и дѣятельности Вл. Г. Короленко. Работа г-жи Шаховской возстановляетъ довольно подробно этапы жизни писателя: дѣтство, гимназическіе и студенческіе годы, первую ссылку и первые литературные шаги, ссылку въ Якутскую область и возвращеніе, жизнь въ Нижнемъ-Новгородѣ, петербургскій періодъ, переѣздъ въ Полтаву. Хотя дѣтство и гимназическіе годы Короленко извѣстны, благодаря „Исторіи моего современника“, а дѣятельность его послѣднихъ лѣтъ у всѣхъ на виду, хотя всѣмъ извѣстно, что авторъ „Сна Макара“ былъ сосланъ въ Якутскую область, но въ общемъ жизнь Короленко—жизнь рѣдкая, благодаря удивительному сочетанію силы характера, выдающагося дарованія и необычайной скромности,—мало извѣстна. Очень кстати поэтому является попытка собрать воедино разсѣянные по разнымъ источникамъ факты изъ жизни писателя. Задача эта выполнена г-жей Шаховской тщательно и добросовѣстно. Очень цѣненъ приложенный къ біографіи хронологическій перечень работъ Короленко съ 1879 по 1911 годъ (въ перечень этотъ вошли даже небольшія газетныя статьи.

„Русскія Вѣд“. № 104, отъ 8 мая 1912. г.).

„Опытъ“ г-жи Шаховской дать біографію В. Г. Короленка заслуживаетъ большой признательности. Короленко не только крупный писатель, но и человѣкъ, окруженный самыми широкими симпатіями, при чемъ замѣчательна и исключительна въ нашемъ обществѣ,—при свойственной ему склонности возносить человѣка на головокружительную высоту, чтобъ потомъ быстро отъ него отвернуться,—прочность этихъ симпатій. Созданы онѣ всѣмъ жизненнымъ, человѣческимъ образомъ писателя, а не только его литературнымъ талантомъ, и потому біографія Короленка представляетъ чрезвычайно благодарный матеріалъ. Авторъ „опыта“ весьма внимательно отнесся къ своей задачѣ, собралъ много данныхъ, и книжка читается съ живымъ интересомъ.

Ч. В—скій.

„Вѣстникъ Европы“, кн. 5, 1912 г.

Книга о В. Г. Короленко. Книга г-жи Шаховской не просто біографія, не сообщеніе внѣшнихъ фактовъ изъ жизни писателя, а „опытъ біографической характеристики“, какъ сказано въ заглавіи. На основаніи внѣшнихъ фактовъ жизни и произведеній В. Г. Короленко г-жа Шаховская старается обрисовать его духовный обликъ, бросить при помощи біографіи свѣтъ и на его произведенія. Къ хорошимъ сторонамъ ея книги нужно отнести тотъ трезвый критическій взглядъ на произведенія В. Г. Короленко, который она при этомъ проявляетъ...

Попытка г-жи Шаховской на основаніи біографіи подойти къ объясненію особенностей художественныхъ произведеній В. Г. Короленко очень интересна, ею вѣрно обрисованы многія стороны его личности, а тѣ біографическія данныя, которыя она сообщаетъ, представляютъ большой интересъ. Большую цѣнность представляетъ и списокъ всего, что написано В. Г. Короленко, приложенный въ концѣ книги...

А. Ум—скій.

„Нижегородскій Листокъ“, № 103, отъ 16 Апр. 1912 г.

Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Переводъ А. Дмитріевой. Редакція и вступительная статья А. А. Кизеветтера. (Печатается).

Мемуары г-жи де Ремюза. Переводъ О. И. Рудченко. Редакція и вступительная статья С. Ф. Фортунатова. (Печатается).

Пьеръ Моранъ. Павелъ I до восшествія на престолъ. Переводъ Н. П. Ширяевой. (Печатается).

П. Берлинъ. Графъ С. Ю. Витте, біографическій очеркъ. (Печатается).

В. Чешихинъ. Н. А. Римскій-Корсаковъ. Біографическій очеркъ. (Печатается).

НАХОДИТСЯ НА СКЛАДѢ:

Н. П. Дружининъ. „Право и личность крестьянина“. XXX+296. 1912 г. Цѣна 1 р. 20 к.

„Изслѣдованіе Н. П. Дружинина, составленное на основаніи знакомства съ обширной литературой предмета, можетъ служить хорошимъ руководствомъ при изученіи вопроса о правовомъ положеніи русскихъ крестьянъ. Н. П. Дружининъ много поработалъ надъ разными вопросами государственнаго права, и настоящій новый его трудъ, написанный имъ съ знаніемъ и живымъ интересомъ къ дѣлу, заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченнымъ въ русской литературѣ крестьянскаго вопроса“.

(Отзывъ проф. В. Г. Щеглова въ „Юридической Библіографіи“, издаваемой Демидовскимъ Юридич. Лицеемъ, № 2 (22), 1 октября 1911 г.).

„Книга Н. П. Дружинина имѣетъ злободневный, какъ теоретическій, такъ и практическій интересъ. Она говоритъ о вопросахъ, которые не сегодня-завтра встанутъ передъ русскимъ обществомъ во всей ихъ ужасающей сложности и кричащей неотложности. Нельзя жить въ томъ правовомъ хаосѣ, въ который погрузили деревню трусливые. невѣжественные и лѣнивые опекуны“.

(Отзывъ г. А. И. въ № 56 „Рѣчи“ за 1912 г.).

„Господство обычая“ — это узаконеніе произвола и „усмотрѣнія“; милліоны крестьянскаго населенія ставятся подъ опеку своеобразнаго, исключительно для нихъ созданнаго „права“ или, вѣрнѣе, безправія. Въ защитѣ „обычнаго права“ съ реакціонерами сходятся наши „самобытники“-народники, и вообще въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ на этотъ счетъ существуетъ немало понятій, несогласныхъ съ существомъ дѣла. Въ виду этого, нельзя не пожелать книгѣ г. Дружинина широкаго распространенія“.

(Отзывъ г. Б. Веселовскаго въ февральской книжкѣ „Современнаго Міра“ за 1912 г.).

„Освѣщеніе нынѣшняго юридическаго положенія крестьянской массы, правъ личности крестьянина вообще,— приводитъ автора къ установленію того врага, который стоитъ на пути къ достиженію гражданскаго равноправія, господства права во всѣхъ проявленіяхъ публично-правовой жизни, т. е. всего того, чѣмъ единственно и можетъ быть разрѣшенъ такъ называемый „крестьянскій вопросъ“. Это тотъ же, ветхій деньми, врагъ, который и въ историческихъ судьбахъ русскаго крестьянина игралъ такую печальную, такую отрицательную роль. Онъ привелъ къ тому, что крестьянинъ „оказался забытымъ, *какъ человѣкъ и гражданинъ*, какъ членъ государства“; благодаря ему,—„*обособлялось* исторически положеніе крѣпостного крестьянина“ и „была умалена его личность“, а затѣмъ было сохранено обособленное положеніе крестьянина и по освобожденіи“. Врагъ этотъ - обычай, допущеніе дѣйствія обычнаго права... Очень оживляетъ книгу богатое освѣщеніе ея теоретическихъ положеній фактами изъ народной жизни, знатокомъ которой справедливо считается авторъ.—Въ приложеніи къ книгѣ даны обстоятельно разработанная программа мѣстнаго изслѣдованія юридическаго положенія крестьянъ и краткій перечень литературы крестьянскаго вопроса, преимущественно касающейся правового положенія крестьянъ“.

(Отзывъ г. М. М. въ № 5 „Земскаго Дѣла“ за 1912 г.).

„Основательное знакомство автора съ литературой по крестьянскому вопросу, а также умѣнье разобраться въ сыромъ матерьялѣ и систематически изложить особен-

ности правового положенія крестьянъ дѣлаютъ книгу весьма цѣнной въ ряду другихъ аналогичныхъ, немногочисленныхъ изслѣдованій".

(Отзывъ „Правительственнаго Вѣстника" въ № 28 за 1912 г.).

„Книга Н. П. Дружинина, какъ изслѣдователя и знатока крестьянской жизни, является не только не лишней, но положительно важной и нужной".

(Отзывъ г. Н. С. въ журналѣ „Путь", № 2 за 1911 г.).

„Этотъ новый трудъ извѣстнаго знатока крестьянскаго права заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія... Мы можемъ только пожелать, чтобы трезвая, освобожденная отъ всякаго сантиментализма, точка зрѣнія Н. П. Дружинина поскорѣе пріобрѣла всеобщее признаніе и нашла себѣ практическое осуществленіе".

(Отзывъ „Смоленскаго Вѣстника, № 74 за 1912 г.).